
Россия, Русь! Храни себя, храни!



Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Будем действовать мудро и смело	3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Война против цивилизации	53
Владимир ЮДИН. Звезда над русским лесом	99
Валерий ЧУБАР. Шиес. Очерк	133

ПРОЗА

Владимир ВЕЩУНОВ. Змей и корова. Рассказ	15
Виктор ПРОНИН. Два рассказа	66
Дмитрий ВОРОНИН. Рассказы	112
Камиль ЗИГАНШИН. Бессонная ночь. Рассказ-быль	148

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ. Золотая пора листопада. Стихи	40
Юрий ВОРОТНИН. Загляжусь в облака... Стихи	47
Татьяна ГРИБАНОВА. Сули хоть рай... Стихи	86
Виктория МОЖАЕВА. Сестра моя, сестричка... Стихи	94
Магомед АХМЕДОВ. Зелёные звёзды. Стихи.	128

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир ХОМЯКОВ. О «русском вопросе» без экстремизма	151
Антей КРАСНОВ. Демографический провал русского народа	155

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Нацистские бесы и польские «свины»	161
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Идеологическое поражение сверхдержавы	179
--	-----

ЛАРЕЦ

Федор АБРАМОВ. Два рассказа	185
--	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Евдоким РУСАКОВ. Иду тропой в залив поковов. Стихи	198
---	-----

ПОДВИЖНИКИ

Александр СКОКОВ. Путём зерна. Очерк	209
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей СОШЕНКО. Венгрия уговаривает Москву	261
Валерий ФИЛИМОНОВ. Театр абсурда	263
Елена ТИМОШИНА. Закон, разрушающий семью	265

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

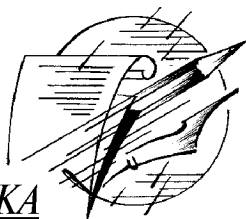
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	269
---	-----

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир ПЕТРОВ. Тайны творчества и судьбы	281
---	-----

БУДЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ МУДРО И СМЕЛО

В последние годы в России, впрочем, как и во всем мире, наблюдается сдвиг политических полюсов. Правые влево, а левые правят. Во многом это объясняется кризисом идеологий. Кризис коммунизма, начавшийся с независимого курса Югославии при Тито, последовательно переходил в еврокоммунизм, «пражскую весну», горбачевскую перестройку, закончившуюся крахом СССР и всего социалистического содружества. В Китае коммунизм пришел к конвергенции с капитализмом и по тому же пути пошли Монголия и Вьетнам, а судя по всему, пойдут и Куба, и с вариантами — Венесуэла. В Северной Корее компартия обратилась к национализму в виде «идей чучхе». КПРФ, прямая наследница КПСС в России, откровенно скатилась к социал-демократии и беззастенчиво кормится как у Кремля, так и у олигархов, а в идеологии — сплошной винегрет, не имеющий ничего общего с идеями вождей коммунизма. Либерализм в США последовательно превращается в «племянника итальянского фашизма», а консерватизм в Западной Европе всё больше напоминает ранний либерализм периода Локка и Гоббса.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Кризис идеологий в России напрямую связан и с кризисом российских политических партий. 24 октября этого года «Интерфакс» сообщил, что в соответствии с данными опроса «Левада-центра» среди государственных органов и общественных движений наибольшим доверием граждан России пользуются армия — ей доверяют 63% граждан, и наименьшим — политические партии, которым доверяют только 16% опрошенных. Последние выборы в местные органы власти, кстати, это убедительно подтвердили: даже кандидаты от правящей «Единой России» предпочли регистрироваться на выборы как самовыдвиженцы.

У русских — другой подход к власти. И еще Иван Александрович Ильин в «Наших задачах» писал: «Избираться должны не партийные люди, а качественные; и притом именно за их качества, а не за их партийную принадлежность». Ильин, как и другие приверженцы «русской идеи», считал, что партии разобщают народ, и революции 1917 года и Гражданская война это подтвердили на 100%. Русская нация и иные народы России исторически склонны к соборному сплочению вокруг веры, Отечества, национального лидера. Этим по-своему воспользовались большевики, запретив все партии, кроме коммунистической, и сплотив народ вокруг вождя — сначала Ленина, а затем Сталина. Это очарование вождизмом, увы, привело русский народ к страшной трагедии. Поддержав Горбачева как вождя нации, мы потеряли пол-России, а 25 млн. русских оказались в одночасье иностранными гражданами со всеми последовавшими за этим бедами и унижениями.

Учитываем ли мы этот урок сегодня? Или опять по Маяковскому: «Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди»? Ведь если копнуть глубже, то Россия начиналась с веча, предка демократии по-русски. Так нужен ли нам царь в современном облике вождя, генсека, президента, или мы в конце концов придем к подлинно русской демократии в ее изначальном смысле — власти народа? Некоторые политологи утверждают, что западный тип государственного управления на базе двух- или многопартийной системы в России не приживется. Но тут всё зависит, скорее, от качества политических партий и соответствия их программ и действий чаяниям народа, а не от национальных традиций. Увы, ни одна из существующих в России политических партий этому критерию не отвечает. Приверженцев традиционных ценностей в органах госуправления, в Федеральном собрании и органах

местного самоуправления можно по пальцам перечесать. И это происходит потому, что их отбирают по партийному принципу, вместо того чтобы выдвигать кандидатов в депутаты непосредственно от населения и патриотических общественных объединений. Это и есть путь к строительству русской демократии. Какой же путь мы выбираем? А точнее, выбрали его за нас?

Современную политическую ситуацию в России пока все-таки определяет вождизм — партиям не верят, но Путина поддерживают, причем не как политического, а как национального лидера. Эту типично российскую политическую реальность по-своему сформулировал спикер Госдумы Вячеслав Володин. В октябре 2014 года на заседании международного клуба «Валдай» Володин заявил: «...россияне хорошо понимают, что атаки на Путина — это атаки на Россию... Нет Путина — нет России сегодня». Подобный вождизм — это не идеология, а, скорее, конъюнктурная политическая игра. Да иного и быть не может, так как государственной идеологии у нас нет.

В России, которая веками держалась на русской идее благодаря государствообразующей роли русского народа, а при советской власти — на коммунизме, введено «идеологическое многообразие» (Конституция РФ, ст. 13. п. 1). Государственная идеология запрещена (та же статья п. 2: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), и в силу этого вместо народного единства, провозглашенного указом сверху, мы наблюдаем разброд и шатания.

Режиссер Никита Михалков так расшифровал «русский код», который должен лечь в основу российской идеологии: «Что такое идеология? Идеология, против которой выступала и выступает наша Конституция, она почему-то подсознательно подразумевает именно коммунистическую идеологию. Но ведь идеология — это всего-навсего договоренность людей, по каким законам им жить. И для чего живет народ, конечно. И всё! Важно не как жить, а важно, зачем жить! Только понять, зачем жить, ты поймешь, как жить».

Востребованность патриотизма

Перед лицом цивилизационных вызовов извне и политических изнутри России как никогда необходима сплоченность на базе государственной идеологии. И ее базовым элементом должен быть русский патриотизм — основа того «русского кода», о котором говорил Михалков.

«Патриотизм — это ощущение ценности, необходимости для жизни каждого человека его включения в большую индивидуальность народа или, с другой стороны, — инстинкт самосохранения народной индивидуальности, — писал Игорь Шафаревич. — Это заряд энергии, двигатель, приводящий в действие те многочисленные средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции, национальные черты его религии. Поэтому угасание патриотизма — самый верный признак начала конца народа: из живого существа он превращается в мертвую машину, отключенную от движущего ее источника энергии. А искусственное разрушение патриотизма — самый надежный путь уничтожения народа. Примером является русофобия, вспыхивающая всегда в критические моменты русской истории на протяжении последнего века. Речь идет о разрушении тех элементов народной психологии, которые функционально эквивалентны мифам «первобытных» народов, с таким же результатом — вымиранием народа. Это можно сравнить с болезнью народного организма, но не с обычной болезнью, а духовным аналогом СПИДа, поражающим не какую-то одну сторону этого организма, но его центральную защитную систему» (Шафаревич И.Р. Записки русского экстремиста. М.: Алгоритм, 2012).

Востребованность патриотизма на государственном уровне всегда связана с ростом как внешней, так и внутренней опасности. Сегодня очевидно и то и другое. Даже во времена холодной войны противостояние с Россией не достигало такого накала, как сегодня. Русофобия на Западе дошла до маразма.

Уже проводится пристрелка перед нападением на Россию — стратегические бомбардировщики В-52 ВВС США с ядерными боеприпасами на борту провели в 2019 году «учебные бомбардировки» Петербурга, Крыма, Калининграда и Приморья. Отрабатываются «превентивные удары» по России. Противостояние в виде санкций направлено на создание коллапса экономики России — и этого не скрывают. Цель всех этих действий очевидна — добиться завершения операции, начатой при Горбачеве и продолженной при Ельцине: разоружение и развал России на удельные княжества, захват ее природных богатств и геноцид русского народа и других народов нашей страны. На этом надеются поживиться и украинские бандеровцы, выступающие с территориальными претензиями не только на Крым, но уже и на Кубань, и на Ставрополье, и эстонские реваншисты, претендующие на Псков, и польские националисты. Враги России прекрасно

понимают, что планы их гроша ломаного не стоят. Пока Россия сильна, не видать им ни Крыма, ни Кубани, ни Пскова, как своих ушей. Поэтому ставка делается на то, чтобы лишить ее этой силы.

Украинский вице-премьер Кулеба в интервью «РБК-Украина» сказал в прошлом году, что не теряет надежды вернуть Крым, но «нужно только дождаться максимального ослабления России, когда Крым просто выскользнет из ее ослабевших рук». Ничто не ново под Луной. Вот так же в конце 80-х годов из ослабевших, а точнее, искусственно ослабленных рук Советского Союза одна за одной, начиная с Прибалтики, выскользнули все союзные республики. Слава Богу, урок этот мы усвоили, и после десятилетия позорного ельцинского компрадорства Россия всё же восстановила свою военную мощь.

Но ведь и у Советского Союза оружия хватало. И всё же он рухнул, ибо его взорвали изнутри. Опасность рецидива тех лет, надо признать, существует и сегодня. Как и в 80—90-е годы, в России действует глубоко эшелонированная пятая колонна. Используя недовольство населения грабительской политикой правительства олигархов, она готовит государственный переворот изнутри с целью ликвидировать правящий клан Путина и заменить его новым компрадорским правительством, которое и сдаст Россию ее смертельным врагам. Только политически слепые люди могут не видеть, что такой заговор существует и последовательно осуществляется.

Где оно, «глубинное государство»?

В последнее время в российских СМИ появилась целая серия статей о Путине и «путинизме» как апологетических, так и резко критических. Автор одной из них «Доктрина Путина и судьба элиты России» публицист Александр Халдей. Прочитируем его:

«Как у всякого глобального политика у Путина существует своя доктрина. Эта доктрина берет начало в его словах, что самой большой катастрофой XX века является крушение Советского Союза. Советский Союз Путин понимает не как коммунистическую империю с определенной идеологией, а как систему, образованную людьми — наследниками Российской Империи. Это — интегрированная система с центром в России. Может меняться от коммунизма до капитализма господствующая идеология, но не должна меняться централизующая системная конфигурация.

Исходя из доктрины Путина всё постсоветское пространство является зоной исключительных национальных интересов России. Всякий, кто туда вторгается, сталкивается с Россией, рассматривается как враг и получает все возможные формы противостояния. Средства этого противостояния — арсенал оружия, и потому Путин использует и либеральные, и антилиберальные инструменты — всё, что позволяет ситуация, не ограничивая себя рамками искусственных соображений, к коим в политике относятся идеологические предпочтения. Поэтому Путин неуловим: он с правыми, но он не правый; он с левыми, но он не левый; он с центристами, но он не центрист. Он вне всех, и он со всеми. Поймать его в капкан невозможно».

Да, всё это так. Но независимо от намерений автора он показал главную слабость своего «героя» — стремление угодить и нашим, и вашим, чтобы удержаться у власти, обернулось отсутствием у этого «героя» четкой политической позиции. Выстроенная Путиным система сдержек и противовесов в сочетании с неопределенностью его политического курса и враждебностью зарвавшейся и ненасытной, чуждой русскому народу элиты весьма неустойчива и может рухнуть в кризисной ситуации, как дом с непрочным фундаментом, в любой момент. Возможность такого коллапса была очевидна в мае 2012 года, когда либеральная оппозиция в буквальном смысле этого слова пошла на штурм Кремля. И уже поэтому проецировать в будущее такую систему по меньшей мере недальновидно.

«Комсомольская правда» опубликовала недавно обширное интервью с заместителем заведующего кафедрой политической теории МГИМО Даниилом Пареньковым. Речь шла о том, чем «государство Путина» отличается от других государственных формаций в истории России и каковы его перспективы. Пареньков, как очевидно из его интервью, полностью разделяет идеи бывшего помощника Путина Владислава Суркова о «глубинном народе» и «глубинном государстве», которых не существует в природе. Суркову эти изыски понадобились для того, чтобы оправдать господство «новой элиты» в путинской России, где народу отведена роль «молчаливого большинства», готового во всем поддержать национального лидера, т.е. Путина.

Доцент Пареньков в унисон с Сурковым утверждает, что «политическая система Путина строится на доверии народа к власти». «Народ в России, — пишет он, — традиционно доверяет армии, церкви и главе государства. Почему? Это три таких значимых элемента вот этих непреходящих ценно-

стей. Они объединяют государства Ивана Третьего, Петра Первого и Путина. Это ориентация на национальные интересы и на независимость страны на международной арене. Пока государство сильное, народ его уважает и любит. Этого не понимают критики со стороны Запада и нашей оппозиции». С этим еще как-то можно было согласиться, если бы Пареньков в своей апологетике «государства Путина» не выдавал желаемое за действительное. «В путинской системе, — пишет он, — нет места тем, кто пытается собственные бизнес-интересы поставить выше задач государства — от правительства до мэров городов».

Надо быть слепым, чтобы не увидеть, что в реальной жизни всё происходит с точностью до наоборот. Не буду цитировать многочисленные и теперь уже едва ли не ежедневные разоблачения коррупционеров и государственных чиновников, которые, по словам самого Путина, прозвучавшим на обсуждении казнокрадства на космодроме «Восточный», «воруют сотнями миллионов рублей». Воруют не только бессовестные подрядчики и госчиновники, но и те, кто призваны этого не допустить в нашем государстве — из года в год высшие чины правоохранительных органов России ставят рекорды мздоимства и воровства. Не успели мы прийти в себя от разоблачений подпольного миллиардера полковника МВД Захарченко, как в Москве на знаменитой Петровке 38 был поставлен новый антирекорд: у начальника отдела кадров московской полиции было обнаружено две тонны денег в рублях и долларах! Это весьма наглядный показатель того, как происходит ограбление нашего народа в подлинно «глубинном государстве» Путина.

«В нашей модели государства жизнь многих стала очень примитивной или направленной на сохранение своего существования. Людям приходится биться за выживание. Для такой страны, как наша, иметь столько бедных — позор. При таких серьезных ресурсах мы не должны этого допускать», — заявил в октябре прошлого года председатель Счетной палаты Алексей Кудрин в интервью ТАСС. В распоряжении Кудрина — тома, тонны доказательств этих его слов. И при всём своем либерализме Кудрин бросил свое обвинение в лицо российскому руководству.

Слышал ли Кудрин о письме жителей поселения Еремково Тверской области президенту РФ, которое тогда же прогремело на всю страну? Документ кричащий. В Еремково после сильного урагана жители остались без электричества, а затем без воды, без продмага, без медицинской помощи и без местной школы. Не дождавшись помощи от местных влас-

тей и ремонта линий электропередачи, устав жить в крошечной тьме, жители села написали Путину: «Нечего нас мучить! Просим расстрелять нас и закопать. Заранее благодарные вам, жители села Еремково» (Московский комсомолец. 21.10.2019). Вспышки столь горестной безысходности наблюдаются то там, то здесь по всей стране. Реакция властей на это, как правило, раздражительная. Но иной раз зарвавшиеся чиновники демонстрируют свою готовность именно таким путем «пойти навстречу» своим обездоленным подопечным, которых они считают быдлом. Невероятно, но факт. В Карелии глава Олонецкой райадминистрации Сергей Прокопьев в конце октября 2019 г. публично на рабочем совещании, где речь зашла о проблемах района, заявил, что «пристрелил бы нескольких недовольных, чтобы остальные успокоились» (Карелинформ).

Можно привести сотни, тысячи фактов, которые прозвучат как пункты обвинения существующим в России порядкам. Но для нас сегодня главное — найти ответ на два вечных для России вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Приорат Путина

Я не случайно употребил здесь термин «приорат». В системе власти в России, действительно, существует узкая группа ближайших соратников Путина по службе в КГБ, по спортклубам дзюдо и собачаковской мэрии Петербурга в лихие 90-е. Бывший шеф Управления делами президента Владимир Кожин как-то в порыве откровенности рассказал, что существует «небольшой неформальный клуб людей, кого можно назвать командой президента в узком смысле. Они стараются собираться хотя бы раз в месяц просто для того, чтобы увидеться, выпить пива, сыграть в бильярд, пообщаться по человечески, стараясь не трогать работу или политику». Вскоре после этого откровения Кожин потерял свой высокий пост. Но неформальный президентский клуб продолжает существовать. Именно там, вполне возможно, за пивом и бильярдом, решаются важнейшие государственные дела: назначения на высокие посты, распределение бюджетных средств на мегапроекты и т.д. Только иногда всплывают на поверхность, как пузыри в болоте, сведения о том, как делаются карьеры в путинском междусобойчике. Вот комментарий некоего инсайдера к противостоянию Кудрина и главы «Роснефти» Сечина: «Сечин ничего не может поделать с Кудриным, поскольку Кудрин работал с Путиным на равных. В Петербурге они были заместителями Собчака. Тогда как Сечин был только

секретарем Путина» (Новая газета. 10.11.2019). Не надо гадать, почему члены этого клуба братья Ротенберги получили самые «жирные» подряды последних лет на строительство комплекса зданий и моста на Русский остров к саммиту АТЭС, затем на возведение олимпийских объектов в Сочи, затем на Крымский мост... И поистине «золотое дно» для коллег Путина по татами — контракт на получение 50 процентов от эксплуатации системы оплаты большегрузов «Платон» (оператор системы — компания «РТ-Инвест Транспортные системы» (РТИТС), 50% в которой принадлежит Игорю Ротенбергу.

Деловым протеем Путина из его приората даже не нужно воровать. Те условия контрактов, которые они подписывают с государством, дают им и без того баснословные прибыли, плюс субсидии из госбюджета. Такого кумовства на государственном уровне нет нигде в мире.

О том, как использует свою близость к Путину в корыстных целях премьер-министр РФ Дмитрий Медведев, написано тома, в том числе вашим покорным слугой. В последнее время появились данные о его и Путина покровительстве «Мираторгу» — одному из крупнейших в России производителей и дистрибьюторов мяса и мясных полуфабрикатов, которые ежедневно удивительно назойливо рекламируются по всем федеральным каналам телевидения.

Владельцами «Мираторга» в России числятся братья Виктор и Александр Линники. Жена экс-президента РФ Светлана Медведева в девичестве тоже была Линник. И хотя братья это родство отрицают, они беспрепятственно получают многомиллиардные кредиты в полугосударственных банках — Внешэкономбанке и ВТБ. По словам калининградского губернатора Николая Денина, выдачу этих кредитов на сказочных для заемщика условиях санкционировал, еще будучи премьер-министром, лично Владимир Путин (briansk.ru/economy/delo-miratorga).

В 2008 году эта компания вошла в «Список Путина», который включает 295 системообразующих компаний. Вошедшие в него компании имеют право на государственную поддержку. «Мираторг», бизнес которого лоббируется Медведевым и Путиным, учрежден на Кипре. Именно на Кипре обосновались офшорки российских воротил и солидные фирмы российского происхождения, близкие к власти. Не случайно Кипр занимает первое место по инвестициям в Россию — 41% от общего числа иностранных инвестиций в РФ идет оттуда. Россия — единственная страна, согласившаяся оказать финансовую помощь Кипру, испытывающему трудности из-за мирового финансового кризиса. В декабре 2018 года

Россия выделила Кипру 2,5 млрд. евро. Почему? Да потому что там, в частности, кроме «Мираторга», зарегистрированы «дочки» ВТБ, Промсвязьбанка, Альфа-банка, представительства «Ренессанс Капитала», «Тройки Диалог», «Открытие». Большая часть российских активов «Евраза» принадлежит кипрской Mastercroft. «Роснефть» владеет 51-процентной долей в Shell Caspian Ventures Ltd. Среди активов ЛУКОЙЛа — LukOil Cyprus Ltd, K&S Baltic Offshore (Cyprus) Ltd, LukOil Overseas Cyprus Ltd и Bitech Cyprus Ltd. Кипрская дочерняя компания «Норильского никеля» — Norilsk Nickel Cyprus Ltd. Сверьте этот список со списками олигархов, получивших государственные награды из рук Путина, и всё станет ясно!

На Кипре сосредоточено огромное количество коррупционных, украденных в России денег. Грязных денег, которые возвращаются в Россию под видом инвестиций и таким образом отмываются. Как тут не вспомнить афоризм времен Троянской войны: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» А ведь эти «данайцы» из властного клана с двойным кипрским гражданством (есть, случись что, куда сбежать) во многом определяют внутреннюю и внешнюю политику России. Такова сила денег, пусть даже, до кипрского отмыва, грязных.

С кем Путин?

Клановость во власти — чрезвычайно опасная вещь, первейшая причина кризиса власти, который мы и наблюдаем в России. Свита, как говорили в давние времена, делает короля. Если король не сумеет поставить ее под свой контроль, править будет не он, а свита. Нечто подобное и произошло с Путиным. Формально правит он. На деле — его приорат, тот самый «клуб избранных» и для российского правосудия «неприкасаемых», обогатившихся за годы правления Путина до неприличия, и сросшихся с российским олигархатом, вместе с которым они грабят природные ресурсы России, ее государственный бюджет и, главное, наш и без того обнищавший до крайности и обездоленный народ. Те ниточки, которые тянутся от окружения Путина на Кипр, в офшоры и зарубежную собственность его «неприкасаемых», обладают особым свойством, и если их не перерубить, власть в стране окончательно перейдет к его приорату, который сегодня стал фактически неотъемлемой частью российского олигархата. Путин, судя по ряду его решений, пытается в последнее время обуздать свое зарвавшееся окружение. Очевидно, он осознаёт, что если ему не удастся поставить его под свой жесткий

контроль так же, как он сделал это с «семибанкирщиной» и другими олигархами во главе с Ходорковским, он рискует оказаться в положении Гулливера, связанного по рукам и ногам.

Путин прекрасно понимает, что созданный им «приорат» с его либеральным окружением не надежен. Не случайно на ноябрьском 2019 года XIX съезде партии «Единая Россия» он открыто сказал об этом: «Словоблуды, конъюнктурщики, приставшие к правящему статусу партии, если что, сдадут не только ее, и страну сдадут». И добавил, что ранее такое не раз случалось в новейшей истории России.

О том, что в окружении Путина есть предатели, открыто заявил на днях Пол Крэг Робертс, бывший заместитель министра финансов США по экономической политике в администрации Рональда Рейгана, бывший редактор газеты «Уолл-стрит-джорнел» и обозреватель журнала «Businessweek». *«Сейчас, — сказал он, — вновь возродились надежды сионистов-неоконсерваторов на восстановление американского и израильского господства с использованием первого ядерного удара по России, момент которого зафиксировать будет невозможно.*

Еще больше возрастет давление на власть Путина со стороны еврейского лобби, олигархов-миллиардеров, усаженных Вашингтоном и Израилем в ельцинские годы, когда Россия деградировала до уровня американского вассального государства. Эти предатели России столь могущественны, что Путин вынужден их терпеть.

Российская власть своим смиренным ответом на крайне опасные провокации продолжает поощрять Запад на дальнейшие авантюры. Единственным достижением неконфронтационного ответа российской власти Западу и терпением к предательству внутри своей собственной власти является убежденность Вашингтона в том, что Путина можно свергнуть — так же, как до этого свергли пророссийского президента Украины, а также президентов Гондураса, Бразилии и Аргентины».

Пока Путину удастся удерживать в своих руках бразды правления и приоритет президентской власти. Так было в случае воссоединения Крыма с Россией, против чего было практически всё его окружение, обеспокоенное неминуемыми санкциями Запада. Так было с его решением оказать военную помощь Сирии. Есть в его окружении весьма влиятельные деятели, настаивающие на том, чтобы в ущерб Сирии и Ливану пойти на дальнейшие уступки Израилю, предать Донбасс и окончательно оттолкнуть Белоруссию, так как с бабушкой Лукашенко никак не удастся договориться.

Путин тем не менее держит свою линию, исходя из долгосрочных государственных интересов России.

Потомки еще отдадут должное Путину за возвращение России статуса великой державы, восстановление военной мощи России, авторитета армии и флота, возрождение военной промышленности, прорыв по всему фронту современных технологий. Неоценима его поддержка Русской Православной Церкви и наших соотечественников за рубежом.

Несмотря на отчаянное сопротивление коррумпированного чиновничества, он всё же неуклонно усиливает борьбу с коррупцией, хотя и понимает, что обезглавить эту тысячеголовую гидру одномоментно не удавалось еще никому. В конце концов он лично берется решать проблемы своих сограждан, пострадавших от стихийных бедствий, произвола местных чиновников и казнокрадов.

В 2024 году Путин, скорее всего, покинет пост президента России. Таков закон. Попытки оппозиции, в том числе и части оппозиции патриотической, приблизить наше расставание с ним и отстранить от власти с помощью массовых протестов контрпродуктивны и ничего хорошего России не принесут. Задачей патриотической оппозиции на данном историческом этапе должно стать отстранение от власти не Путина, а его либерального и прозападного окружения. Поэтому лозунг болотной оппозиции «Россия без Путина!» не может быть сегодня лозунгом подлинных патриотов.

За оставшиеся до президентских выборов пять лет национально-патриотические силы России должны наконец объединиться для того, чтобы прийти к власти демократическим путем, единственно перспективным сегодня для России. Работа над таким объединением поможет выдвинуть подлинно народных лидеров, будущих кандидатов на выборные руководящие посты, создать единую общероссийскую инфраструктуру координации действий всех патриотических сил. Это объединение востребовано временем и национальными интересами государствообразующего русского народа и других народов России.

Настало время и для объединения с национал-патриотическими силами за рубежом, прежде всего с нашими единомышленниками в славянских странах, для противодействия либерально-фашистскому интернационалу. Сегодня как никогда актуален лозунг лидера Национального фронта Франции Жан-Мари Ле Пена: «Патриоты всех стран соединяйтесь!» Пока у нас есть время, будем действовать мудро и смело.

ЗМЕЙ И КОРОВА

РАССКАЗ

Озёрный край. Лебязье, Гагарье, Гусиное... Дикие гуси, лебеди, утки, гагары, возвращаясь из тёплых стран, опускаются сюда на родные воды. И деревни, созвучные по «пернатости» с озёрами, возле которых произошли: Гагарье, Лебедево, Чирково, Селезнёво... Однако особой притягательной силой владеет озеро Травное. После ковыльных блескучих волн мятные, медвяные травы близятся к нему, уступая место приозёрной кайме из камыша, тростника, осоки, рогоза, сусака. Усеяны береговые песчаные пятячки пористыми, влажными камышинками с глубоким озёрно-травным запахом. Не надышишься!..

Здесь, на рыбном Травном поставили Лёнька с дядей Сёмой режёвки: караси жируют — с лопату! Загостевали у казаха-чабана Назара, юрта его неподалёку от Травного. На тюменско-казахской условной межени для выпаса отары выбрал чабан обильное, кормное разнотравье...

В начале XVIII века восточных казахов истребляли джунгары и войска китайского императора.



ПРОЗА

Казахи спасались в русских военных поселениях и казачьих станицах Южной Сибири. В 40-е годы XVIII века значительная часть казахских земель добровольно приняла российское подданство. Завершилось их присоединение к России в 60-е годы XIX века. При советской власти с 1928-го по 1965 год исконно русская территория Южной Сибири в результате районирования и разукрупнения вошла в состав Казахской ССР. Какой нострадамус мог предположить, что Ишимскую равнину рассечёт вовсе не условная, а государственная граница между Россией и Казахстаном? Петропавловск, русская крепость, основанная в 1752 году, с 1868-го центр русской торговли со среднеазиатскими странами — казахский...

Лёнькино детство — пора золотая, не знающая никаких границ... Они с дядей Семёй приехали на бричке, привезли карасиков. Казахи попотчевали их лепёшками со сметаной и, конечно, кумысом. Назар цокал довольно: кумыс от многих недугов помогает и друга Семёна избавит от ревматизма. Фронтоник, весь в зарубцованных ранах, Семён Гаврилович ещё в слякотных окопах страдал ревматизмом. Потому и навевывался к Назару на целебный кумыс. Лёнька, блаженненький от славного напитка, поглядывал на дочку Назара. Розе лет десять. Юркая, как ящерка. Смуглявая, с косичкой, в пёстрой одежке: цветастое длинное платье, алая атласная жилетка — и денежки бусами, и пришитые, позвякивают. Проворная: и кумысную кобылицу подоила, и у тагана с чайным котлом хлопочет, огонь сушняком поджигляет. Хозяюшка! Мать со старшей дочерью и зятем приглядывают за колхозной отарой... Синий дымок послушно тянется кверху и растворяется в отверстии юрты. Дырявый потолок!.. Тятя с ухмылкой кивает: ничего, мол, дождик не проберётся. Рая и Лида отца зовут то папкой, то тятей. И Лёнька — так же. Отец Лёньку с мамкой бросил, умотал куда-то. Мамка кинулась его искать. Ребёнку, дескать, отец нужен. Да, знать, больше о себе думала. В Нижнем Тагиле задержалась. Благо, Лёньку у сестры Лизы в Селезнёве оставила, пока в городе обживается... Тятя — молчун. Когда же выпьет, начинает «Бородино». Кумыс для него не выпивка — лечение. Дома после охоты или рыбалки истомится в бане докрасна, понужнёт жбан квасу с редькой и кувшин браженции и покряхтывает блаженно: «Устоялась, устоялась!..» Малышонком, услышав сокрушение взрослых, что бражка не устоялась, Лёнька всплеснул ручонками: «Гое-то какое! Бьяжка не устоясь!» Частенько потом похохотывали домочадцы, вспомнив это крылатое выражение. После литры устоявшейся браги тятя чеканил Лермонтова. А

тут тряхнул, как обычно, чубатой головой — но не хватило кумысной крепости для вдохновения. Племяш с ним на пару уже не раз исполнял «Бородино». И живительный напиток в мальчонке играл. И он с жаром начал. Тятя не выдержал, и они вдвоём завершили стихотворение:

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!*

Назар одобрительно цокал, чмокал. Роза сидела по-восточному, на корточках, в тени, глаза её заворожённо поблёскивали. Хозяин вознёс указательный палец кверху:

— Семён — могучий! — Похлопал Лёньку по плечу: — Сын Семёна — богатырь! — Он настолько проникся стихотворением, что задумался и загадочно произнёс: — Божья воля... — и пояснил: — Да, силён ваш русский Бог!..

И рассказал, как недавно русский Бог наказал одного нечестивца. Рыбачил на озере его соплеменник. Тучи надвинулись. Молния полыхнула. А рыбак встал в лодке и начал грозить кулаком, ругаться, коверкать русские слова. А молния в него!

Назар молитвенно провёл ладонями по скуластому лицу и кудрявой бороде. Раскосые глазки его виновато заморгали. Тятя допил кумыс из пиалы, крикнул, похлопал себя по животу:

— Очень хорошо — тоже нехорошо. Пора и честь знать!

На улице заржал, словно засмеялся, жеребёнок. Роза, звеня монисто, выпорхнула из юрты. С благодарностью спрашивались с добрыми хозяевами селезнёвцы и тронулись в обратный путь. А режёвки до завтрашнего утра пускай сами по себе трепыхаются от травновского рыбьего урожая.

Гнедко дорогу знал, и тятя под бултыханье кумыса в бачке закемарил. Лёнька же всё ещё ощущал похлопывание Назара по плечу и слышал одобрительный его голос: «Сын Семёна — богатырь!» Лёнька — сын Семёна! Ну конечно же сын! Как тятя научил его плавать? Как родного. Вышвырнул из лодки, точно лягушонка, прямо посередине Травного, на самой глубине. Лёнька даже не пикнул. Замолотил изо всех силёнок руками и ногами, забултыхал. Поплыл! Счастье!.. Картины селезнёвского счастья поплыли в Лёнькиной памяти...

Бабушка Лампея, староверка, молится за печкой, в своём двоеданском закутке. Тятя раскатывает на раскалённой сковородке кусочки свинца в дробь, кряхтит, будто закатывает кусочки фронтовой памяти, свою войну... Сколько бабка Лампея гротилась, что грешно называть живность человечьи именами, но поперёшные дети назвали поросёнка Борькой, кота — Васькой. Шибко отзывчив на «вассь-вассь». Ластится возле Лёньки и девчонок, хвост трубой, мурлычет напевно, с переливами, как флейтист. Узнайка, волкодавный щенок, поскуливает за дверью. Вышел Лёнька, взобрался с ним на сеновал. Оживилась домашняя живность. Майка взмыкнула в стойле. По-детски захныкали овечки в хлеву. Откликнулись сожительницы их: заквохтали куры; закричала, залопотала утва. Боров Борька засопел, хрюкнул в стайке.

Волкодавчика, дружка Лёнькиного, назвали хитро. Пороdstый. Позариться на него могут. Начнут подзывать, перечислять ходячие клички: Тузик, Шарик, Полкан... Многие спрашивают: «Как звать пёсика?» — «Узнай!» — «А как узнать?..» Никто не догадается, как звать Узная, и не сманит. Заматерееет, тогда увидят, какой это волкодавище! Но тогда он уже в чужие руки не дастся. Он и полугодовалый в феврале страху на волка нагнал. Тот на тёплый хлевный дух из холодного, голодного леса вышел. Уже во двор с задов забрался. Узнайка, отчаюга, из будки как выскочит, как зарычит, залает по-взрослому! Улепетнул серый. Тятя лишь в тёмную ночь из берданки пальнул...

Сгрудилось в углу на сеновале целое стадо деревянных утей. Выточены из чурок, размалёваны, как взаправдашние: зелёноголовые селезни с белыми воротничками и «зеркальцами» на маховых крыльях, пёстренькие уточки. Муляжи — обманка и заманиха для доверчивой утвы. Да ещё при кряканы манка. В другую грудку свалены капканы: на зайцев, лисиц, волков. Лёнька на согре ставил самые маленькие — на сусликов. Ни один не попался. И хорошо. Что бы он с бедненьким зверьком делал?.. На согре сейчас девчонки на велике гоняют, Узнайка с ними наперегонки носится...

Берёзовые банные веники и пучки лекарственных трав свешиваются с матицы. Лёнька с Узнаем взбили сенную перину. Густой травный дух кружит голову. Лёнька гладит щенячью шерстку-бархотку, кирзовый носик. Шершавый жаркий язычок лижет руку. Сверчок тянет колыбельную... Глаза Боженки...

В горнице в красном углу на божнице — икона с ликом Господа. В какую бы сторону Лёнька ни уклонялся, в какой

бы угол ни вставал — взгляд Боженки повсюду проникал к нему: строгий, усмешливый, добрый, родной... Вон как покарал казаха-рыбака! А вот дедушку Сидора Ренёва сперва наказал, а потом простил. Дедко совсем старый. День-деньской сидел в подсолнухах на огороде. Кряхтение и охи разносились по всей деревне. И однажды молния оборвала его стыдные потуги. Бывалые селезнёвцы ведали, что смертную энергию из тела может вытянуть земля. Другие же бывалые, более учёные, противились: разряд в человеке задержаться не может, он сразу в землю уходит. Но мешкать было нельзя, дорога каждая минута, не то Сидор совсем почернеет. Копать дернистую почву долго — и старика под бабы плачи и причитания зарыли в мягкую завалинку, но так, чтобы дышать мог. Минут через десять запурхался и под радостный галдёж односельчан с их помощью восстал из земляного гроба! И радуга обвенчала небо. Прохладной свежестью озона овевало всё вокруг...

Оживление дедушки Сидора Лёньке вспомнилось. Ренёвы — соседи Селезнёвых. И Лёнька сам видел, как он ожил. Пала на колени перед ним ренёвская родня, благодаря Господа...

Улыбнулся Лёнька в прихлынувшей сладостной дремоте. Радуюсь за ожившего деда Сидора, за счастливую селезнёвскую страну, полную чудес...

Ох, и живучий Сидор! Дед — сто лет! А ведь уже умирал. В ту бытность, до молнии ещё, ему девяносто стукнуло. Схоронили, а у него в палец золотое кольцо вросло. Про то цыганконокрад прознал и позарился на дедов палец. Ночью незваным гостем к Сидору на новоселье и пожаловал. Разрыл могилку, домок Сидоров открыл. Хвать за драгоценный пальчик — а покойничек-то и ожил! Цыгана удар хватил. Насмерть. А Сидор, из могилы восставши, земляной, на поминки по себе и заявился. Поминальщики чуть не поумирали. Очухались, и поминки днём рождения обернулись. А древний дедко ещё и до пушей древности дотащился. До осенения молнией Божией.

Быль или небыль?.. Иногда так переплетутся устные слова, что и не поймёшь. Какая русская деревня той поры обходилась без дива? И тихое Селезнёво сладко замирало от милых его сердцу «ужастей»...

У Герасихи ночесь в подполе дедушка-суседушко плакал — ко хвори домашних печалится. К Пономарёвым в стойло ласка повадилась. Игреньке гриву и хвост меленько в косички заплетает. Тот, лоснистый, от щекотки совсем с тела спал. Вот напасть, и Буланка Сидорова исхудала, будто кто-то выдаивает её.

Захарку Шубина Чёрный омут заманил. Никто ещё в духоту, очутившись возле заманного, не устоял перед ним. На зеркальной черни, точно небесные ночные звёзды, светятся кувшинки. В старину кому-то с острым слухом почудился перезвон меж этими колокольцами. И прозвал тот вострец чудесниц — балаболками... Солнце жарит нещадно, а от водички омутной веет свежей прохладой. Бабушкины сказки, что в глуби омутка чёрт верёвки вьёт. Никто ещё не утоп, хотя паниковали многие. От сказок, от страха. Возвращал Чёрный омут рискованных, напоминая: много на свете тайн — не забывайте о них...

Не обошли стороной страсти-мордасти и дом Селезнёвых. Морозной январской ночью заклацала шеколда на калитке. Узнай зашёлся в истошном лае. Тятя вышел, цикнул на него, загнал в будку. Впустил позднего гостя. Мужичонка в дражном полушубке и залатанных пимах. Не поглянулся он тятю: выдать, с дурным глазом. Однако вынул тёплый чугунок из загнуётка и налил ухи. Мужик бородой затряс, отодвинул деревянную ложку, запрокинул багровое от мороза лицо и прямо из миски с чавканьем принялся швыркать уху вместе с костями. С гулом выдул крынку простокваши, буркнул «благодарствую» и улёгся на свой полушубок возле печки. Только задул тятя керосинку, как раздалось кошачье верещанье, дикое урчанье и сдавленный хрип. Тятя кинулся из горницы, зажёл лампу. Проснулись, свесили головы с полатей сёстры и Лёнька. Ему послышалось сквозь сон, что пришёл кто-то и что Васька перестал мурлыкать у него под боком и спрыгнул вниз. Дети видели, как тятя под охи и причитания мамы Лизы и бабушки сдирает кота с головы незнакомца. Трещат волосы, полушубок; шипит Васька, цепляется когтями за включенную бороду мужика. Тот протёр глаза от крови, схватил полушубок и вылетел из избы.

Тятя вышвырнул кота за дверь, вымыл поцарапанные руки. Мама Лиза, сокрушаясь, смазала царапины йодом:

— Ой да, девки, что это деется?! Не серчай, Сёма, на Ваську. Неладно здесь что-то.

— Василий дом хранил! — перекрестясь двуперстием, веско объяснила бабушка.

— Ежли бы он в бородёшке не запутался — хана мужику! Точно рысь, закогтился! — высказался тятя и добавил: — На хороших людей кошки не кидаются.

Да, хранил Василко селезнёвский дом! Гостенёк-то ночной по болезни своей психической или бесовской в поджигательство ударился. Хлев у Черныхов спалил, к молоканке красного петуха подпустил. По следу его уже мужики шли,

тропили супостата. Изловили, самосуд учинили. Руки пако-стные напрочь поотбивали.

Конечно, Лёнька гордился героем Василием и взахлёб пересказывал ребятам историю о его подвиге. В неё-то они верили, ведь о похождениях поджигателя и взрослые рассказывали. А вот то, что внуку поведала бабка Лампея, даже самые верные друзья Вовка и Ванька называли бабушкиной сказкой. Лёнька же её предание принимал за быль.

Дед Сидор тоже помнил то диво, когда в лесу за согрой жил попугай. Что это была за птица, никто толком не знал. Говорит — стало быть, попугай.

Скрипит, бывало, на жестоком морозе воз с дровами. Морда и пах лошадиный курчавятся в куржаке. Из ноздрей струи пара. Возница сбоку пританцовывает в тулупе. И вдруг оторопь леденит и человека, и лошадь — совсем рядом слышны человеческие голоса:

— Ой, мороз ноне не тот, что давеча!

— Не говори, кум, вишь, лошадь вся куржаком обросла.

— И ссак из-под хвоста — комьями.

Хотя все знали, что это попка разговаривает, но многие побаивались в одиночку отправляться в лес: пугал попугай. Откуда же взяться в Сибири африканской диковине? Сказывали, на Масленку в Казанке балаган распотешный выступал с куклами-петрушками. И даже комики из Неметчины Пат и Паташонок. Один — несураз, тощий, как жердь. Другой — колобок колобком, шустрый, всё недотёпу подковыривает. Оба уморительно выкамаривали, да ещё на ломаном языке. Но пуще всех ярмарку завлекала диковинная птица попугай. Расписная, хохол пышнее петушьего; нос — точно клещи кузнеца Ерёмы. Музыкант на шарманке гундосит, а попка на струменте восседает, важничает, «счастье» выгadyвает: крючковатым клювом билетки счастливые за гривенники из ящичка цепляет. Вежливая птица: «Здравствуйте, пожалуйста! Будьте добры! Благодарствую!» Всё чин чинарём. Умора! Диво дивное!.. Да отбился говорушка от начальника своего, не поделили что-то. В лес умотал. На особицу стал жить. Но тоскливо ему сделалось. Вот и балакал сам с собой разными голосами, копируя человекoв...

Мурашки боязные пробежали по Лёнькиной спине, когда в своём воображении будто услышал таинственные голоса. Приближался лес. Гнедко запрядал ушами, негромко заржал. Тятя успокоил его ласковым шлепком вожжи. Уловил Лёнькин вопросительный взгляд:

— Не попугай там, Леонтий, ошивался. У «африканца» в первую же сибирскую стужу и хохол бы отвалился, и рас-

писные пёрышки бы посыпались. Масленичная ярмарка уже при весне ликовала. Терпимо. И хозяин не морил поди голодом птицу, несущую денежку. Не Карабас Барабас же он. А изнеженный горожанин-попка в диком лесу и червячка-букашку бы не добыл. Скорёхонько бы лапки откинул. Не иноземец залётный пужал честной народ. У нас свои подражательные птицы водятся: красавка варакушка, пересмешка, чернец скворец. Но они перелётные, зимой в египтах греются. Ворона бойчее их разговаривает. Умная. Оседлая, подле людей крутится, от них ума-разума набирается. Это она, она, говорушка, оглашала лес. А может, на пару с такой же болтушкой...

Чёрноольшаник раздвинулся, просветлел березняком с ёлочным подростом, с кустарничками грушанки, кислицы, черники. После рубки забежал на место ельника бойкий березнячок. А уж как любят папоротники — страусники, кочедыжники, дербянки, орляки — осветлённые вырубки и гари! Узорочье их завилось в таинство «ведьминых» колец из плаунов. Будто поражённая «ведьмачеством» этим, стояла посреди «ведьминого» круга Буланка, корова Ренёвы! Чёрной лентой обвив её задние ноги, впился в вымя ужак.

Гнедко вздыбился, издал трубное, с храпом, ржанье. Схватив ботало для загона рыбы, Семён Гаврилович бросился к Буланке:

— Ах ты дрянная такая!.. — его ругань относилась и к корове, и к змею.

Он уже замахнулся было боталом, чтобы сбить гада на землю, да спохватился: со змеиной головой оторвётся и дойка-сосок. Раздувшись неимоверно, уж отвалился от коровы — двухметровое тёмное «бревно» с металлическим отливом, с пятнами в шашечку. Буланка едва держалась на ногах, худющая, кожа да кости. Однако же взмыкивала, словно умоляла вернуться своего дружка-молокососа. Не насладились ещё его погибельным, до крови, сосанием.

— Дура, ты где стоишь, плауны — отравы!

Семён Гаврилович отогнал её от «ведьминого» круга, махнул племяннику, чтобы попридержал корову. А сам побежал за уползающим змеем. Тот пролез меж корневищ выворотня и приподнялся над ним, будто поджидая преследователя. Продолговатая голова, два жёлтых пятна на затылке. Глаза неподвижные, подёрнуты оболочками, похожими на часовые стёклышки. Двухвостка языка извивается, точно змей дразнится. Только тятя собрался нанести удар, как уж спрятался в зарослях можжевельника. Шуршание. Закачались, осыпались зонтики болиголова. И опять нагло высунулась из

кустов змеиная голова. Извивался длинный, раздвоенный язык; остекленело тарашились глаза.

— Вот тебе, гадина, прятки, кошки-мышки! Получай!

Удар ботала раструбом поразил змеюку. Удар, ещё удар!..

Лёнька уже повис, схватившись за рога Буланки. С хриплым мычаньем она рвалась к месту гибели своего высасывателя. Тятя обмотал рога верёвкой, привязал сзади к бричке:

— Что ты на меня пялишься, будто жабу проглотила? Вина голову клонит, а ты ещё бычишься. Тоща, как хвоща. Докадилась, что и ножки съёжила. Связать бы нога к ноге и пустить бы по реке! Подбери губы-то! Ишь слюни распустила и язык свесила. Я тебе его за копыта привяжу, запоёшь тогда свиным голосом!

Гнедко понурился: тянуть бричку с коровой, которая упиралась, ему ещё не приходилось. Семён Гаврилович, сидя на поперечине плетёного кузова, пощёлкивал вожжами, поругивал беднягу:

— Что ни шаг, то спотыкачка! Эдак мы к ночи только доплетёмся... Конечно, змея не права, что корову до худобы довела. Но и Буланка не права, что в лес зашла. Эх, надо было из ужаса чучело соломой набить и перед носом Буланки повесить на ботале. Тогда бы шибче зашагала. Что ни лучшая корова — то волк зарезал или медведь задрал. А эту вот змей извёл. — Семён Гаврилович встряхнул пятернёй волнистые волосы, волнующие мысли: — Почему собаки во дворе корову не высасывают? Козлёнок к корове уцепился сосать, она его огрела копытом. А тут стоит себе на выпасе, уж ползёт, прицепился к дойке — а она хоть бы хны, довольна даже. А молокосос надувается, пока не отпадёт. Оба смеются, оба довольны — такая вот зависимость. Змеюка от молочной сладости тучнеет, корова от его сладостного змеино го сосания гибнет. Всё как у людей. Человек привязывается к какому-нибудь греху, к которому его наущает, как Лиза говорит, чомор. К пьянству, млядству, деньгам, к власти. Чахнет падкий — сомуститель довольнёшенек, цветёт и пахнет. Смрадом.

От таких глубоких рассуждений Семён Гаврилович подустал, к тому же его разморило. Подпалённый на солнце бульбистый нос блестел от пота. Он смахнул пот с бровей. Вдохнул знойный воздух:

— Тьфу ты! Чуть комаром не подавился!

— Тятя, ну что это за солнце?!.. — духота сморила и Лёньку. — Летом печёт, а зимой не греет.

— Не охальничай, Леонтий! Солнышко — Божье создание. Если б грело зимой — тогда бы и зимы не было. А как нам без зимушки, без родной нашей?!.. Змеюка-то при пер-

вом холоде в спячку скукоживается. И Буланка в стайке от паморока греховного отойдёт, кровушка её запоганенная очистится и молоко. Опять справной станет, бока залоснятся, и молоком щедро одарит. Так ведь, Буланушка? Не уроси! Добра ведь тебе желаем. Ишь, спуталась с кем! Змей первую женщину сомустил — Еву. И ты туда же... Ничего, я ему крепко наподдавал! Живучая, правда, тварь. На днях заморозки нагрянут, может, и окочурится. А на птицу козодоя зря напраслину наговаривают. Никакой он не козодой — а полуночник. На выпасе под скотиной шныряет, жуков-навозников выковыривает. Сам-то с воробья, а рот большой, ну и думали, что для дойки коров. А ему, чтобы ловчее комаров-мошек ловить... Тьфу ты! Опять чуть комаром не подавился!.. Небо, Буланушка, — терем Божий. Оттуда ангелы на нас смотрят. А ты, шалопутка, ударилась в греховодство. С кем водишься, дурёха! С аспидом бесовским. А в добрые времена водились домовые ужики. Усядутся старшие за большой стол, а дети малые за низенький, так им удобнее. Из-под печки ужик вылезал и пил молоко из блюдца вместе с детьми, и кошурка тут. Они его наглаживают, а он попьёт и под печку уползает. Мышелов ловчее кошки. В ветхозаветные времена Господь за незлобивость и безвредность украсил ужа венчиком — оранжевой полоской на голове. Уж спас Ноев ковчег, заткнул дыру в днище. Защищал хозяев от гадюк, не пускал во двор, в дом. А потом злее стали времена, и человек, и змеи. Иная так рассвирепеет, что кидается на что попало, даже на тень свою. Тут не разберёшь, где уж, где медянка, щитомордник, гадюка. Лупасишь — и всё! Деды советовали: вилами!.. Не-ет, та не корова, что за змеёй пошла. Крестьянин скотинкой жив. Четыре сестрицы в одно ведро цедят. А у тебя, Буланка, они непригодны, в змеиных укусах. Аспид из тебя за место молока кровь высасывает, жизнь. Ишь, доходяга, до чего пала! Кости, что крючья, хоть горшки вешай. Костлива, а от змея счастлива. Дикость! Её змеюка кусает — а ей сладко. Падёж, Буланка, тебя ждёт! Не уроси, не дёргайся! Есть совесть — есть и стыд. А ты его под хвост, а совесть под копыто. Вон и Леонтий тебя осуждает. Правда, курноска, ласточкин роток? И Гнедко никуда не бегаёт. Молодчик! Тёпает помаленьку..

Светло-рыжую, с чёрной холкой и хвостом, буланую, не только за окрас, но и за норов конский, дед Сидор Ренёв и назвал корову по-конски — Буланкой. Однако она была всем коровушкам коровка. Самая удоистая в Селезнёве: тридцать литров молока вечером и десять утром. Сидор её холил. Но она отчего-то приболела, и молока стало мало. Семейство

Ренёвых большое, детвы — аж дюжина ртов. А Буланка — и поилица, и кормилица: молочко, сливки, сметана, творог, простокваша, сыворотка. Обрат и чушкам наливали. В колхозную молоканку, в сепараторную излишки сдавали. И вот — беда: то одно ведро, то вовсе полведра. Соседка, Лизавета Селезнёва, ветеринарша, уколы с витаминами ставила. Проверила на личинки слепней: в спинах у коров заводятся. Но заразы этой не обнаружила. Подумали, что Буланку на пастбище доят, молоко воруют. Дед Сидор стал любимицу на особицу пасти, за огородом, на задах. Шиплет коровка травку, и молока вдосталь, в дневную дойку и вечернюю. Стало быть, и впрямь деревенские «дояры» поворовывали жирное Буланкино молочко. Однако утрешняя дойка ошеломила Ренёвых: из вымени вместо молока — кровь выпедилась! Заперли корову в сарае, туда сено стали носить. И снова — пустая корова! Ест хорошо, а как доить — молока нет! Решили целые сутки продежурить. На ночную стражу вышел сам дед Сидор. Закемарил было, как услышал шипение. Дважды победивший смерть, Сидор готов был сразиться хоть с самим чомором. Схватил вилы, посветил фонариком. Змеище двухметровый! Впился в вымя Буланки. Сосёт молоко жадно, аж раздувается. Чертыхнулся Сидор и вонзил в гада вилы. С шипящим свистом тот всё ж таки вырвался и уполз в щель под сараем...

На пастбище к своей поилице стал приползать. Сморённые жарой, коровы прилягут, а он уже под вымя лежачей Буланки ладится. Опять она пустая. Ренёвы на пастуха грозятся. А он ничего и не видел... Не приполз раз сосун, так корова сама к нему в лесок подалась. Пастух увидел эту жуть: змею, сосущую корову, — побежал за Сидором... Пропащая Буланка, совсем отбилась от дома. Чуть что — и рвётся к своему змеюке...

Вот и теперь застучал её Семён Селезнёв с «ухажёром». Доставил к Ренёвым. Дуся, хозяйка, причитая, кинулась к Буланке. Тёплой водой с марганцовкой обвислое вымя обмыла, фурацилином и перекисью дойку-сосок искусанную помазала. Норовисто мотала рогатой башкой неблагодарная; мычала, хрипела с пеной, со слюной. Брыкалась, да подустала, едва ноги не подломились. Немало жизненной силы змей из неё высосал...

Дед Сидор налетел; нос крючком, борода клочком, а зарычал, как лев:

— Чо ты её пригнал, Семён? Порченная она.

Огрызнулся тот:

— Не сердись, Сидор, печёнку испортишь!

— Печёнку!.. Мне от давешнего её молока всё ещё вздрагивается: так тошнило, рыгалось. И ты, Дуська, не вой! В худую корову корм не тратят. Вот ведь, пусти бабу в рай, она и корову за собой потащит.

Отпихнула Буланка свою жалельщицу и понеслась в хвост и в голову, и во все лопатки — к лесу. И откуда такая прыть взялась?

— Неудержима, знать, тяга змеиная! — сокрушённо покачал головой Семён Гаврилович.

— Да не вой ты, Дуськ! — пристрожил невестку дед Сидор. — Туда ей и дорога! В старину таких перед хозяйскими воротами зарывали кверху ногами. Частокол из копыт — заграждение от порчи.

В таком положении торчал обглоданный коровий скелет в подлеске, когда на него наткнулись ребяташки вместе с Лёнкой.

Облака шарахались, как овцы. Верховой ветер, казалось, со всей облачной отарой ринулся вниз. Закружился осветлённый сентябрём березник-осинник, залистопадил. От лесного полога взнялись волны опушечного травостоя, схожие со взбаламученной «отарой». Пыль-пыльца купыря, сныти и прочих зонтичных, колосящихся пырейников-перловников густо осыпала художника. Он сидел на кочке под золотистой берёзкой. Возле кустарничков грушанки и зимолюбки, на прогалине, приглаженной ветровалом, накручивал-наверчивал «графику» ломонос. Ломокарандаш. Графичное деревенистое растение, в стебловых завихрениях. Два карандаша сломал художник, отчаянно захваченный вихрем-растением, пытаясь набросать его на бумаге. Порывистыми, размашистыми движениями руки рисовальщик чуть не отшугнул стайку крапивников. Милые каштановые птахи с задорно вздёрнутыми хвостиками, небоязливые, любопытные, словно хотели научиться рисовальному искусству. И одобряли мастерство графика тоже «графическими» возгласами: «Черр! Черр!..»

Мир — что огород: в нём всё растёт. Да как чудесно растёт! В каком изобилии! И прорастания, и пернатость... Не само же по себе возникло всё это чудо? И как оно прекрасно! И как же, глядя на него и слушая, не видеть в нём Творца, Художника? Изумрудные кружева ряски на болоте прекраснее любого пейзажа, написанного самым искусным художником. Творение человека лишь жалкое подобие творения Создателя. Вернее, неподобие.

Отбросив свою художническую самость и гордыню, Виталий Механошин признал, что художник он — от слова

«худо». График — это ещё терпимо. Сколько изящной графичности в скромной лесной травке, похожей на петрушку! Адокса. А он и не знал, что у этой скромницы такое звучное имя. Безграмотен в великой азбуке растительного мира. Господь создал — человек назвал. И как точно! Ломонос — да он такие амазонские джунгли непролазные своими лианами наворочает, что не один носяра свернётся, пробиваясь через ломоносные дебри. Потому это вьющееся, лазающее, ползущее растение нарекли ещё в народе дикоградом. Адокса... Латынь — вся звучная. Даже «унитаз» звучит и переводится возвышенно — союз. Союз кого? С чем?.. И на бедную пижмачку Карл Линней презрительно фыркнул: адокса... По-русски звучит вроде красиво, а перевод унижительный — бесславная. Естествоиспытатель великий, этот швед Карл птичку-козявкоеда назвал *Carpimulgus* — тот, кто доит коз. А этот козодой в навозе козявок выковыривает и комаров-мошек ловит. Вот и вся его «молочная» трапеза. У этих учёных и змеи гипнозом обладают. Да самоотверженные мамы, птицы и зверушки, этих прожор от деток своих отвлекают. Вот и верь учёным... Адокса же для русского человека — скромница; скромность же — достоинство, добродетель. А для западников — бесславность, ущербность.

Травы, травы... Душица, недотрога, буквица, болиголов, зверобой, чистотел, заманиха... Бузит бузина. И разноголовый птичий хор: веретень-веретень, тень-тень, чёт-чёт, чивы, пи-пи-пи... Для слаборазвитых: веретенник, теньковка, чечётка, чибис, пищуха. «Ку-ку! Ку-ку!..» — разнеслось над леском гулкое эхо.

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? — спросил Виталий.

И так черкнул по листу карандашом, что отразил, выразил самую суть ломоноса-дикограда. От такого витального, жизненного росчерка вещунья с упоением предалась кукованию.

— Столько, и ещё раз столько, и ещё полстолька, — усмехнулся Виталий и уточнил: — Столько, сколько птиц в этом лесу. Поручейник, перевозчик, зимородок, славка, королёк, лазоревка, зяблик, щегол, снегирь, дубонос, иволга, свиристель... Музыка!..

Многие тайны растительной и пернатой «музыки» раскрывала «тёмному» Механошину биологиня-богиня Лилия. Она даже ведала, что год грядущий, после градобойного лета и строгой зимы, будет лёгким, благодатным. Ибо лист с берёзы падает чисто, да ещё ложится не «лицом» кверху, а ворсистой изнанкой. Да что там лист берёзы!.. Забурился график в ки-

пень цветения: девясил, вереск, багульник, сныть, цикута, мята... Голова кругом пошла от густого, дурманящего настоя воздуха. А за вырубкой, папортниковым горельником тоже круги — «ведьмины». Как будто кто-то нарочно разложил кольцами не то мох, не то хвощ — нечто подобное еловому лапнику. Оторопело уставился на загадку природы Виталий Механошин — а на ухо журчащий голосок. Лилейная биологиня в широкополой панаме начала растолковывать неотёсанному чурбану эту загадку. Похожий на отростки молоденькой хвои — это плаун. Доисторическая трава. Вечнозелёная. Ей полмиллиарда лет. Растёт кругами, по спирали. Старое растение умирает — молодые побеги «уважительно» обходят его, окольцовывают. При отмирании внутренних кругов образуется большое кольцо растущего плауна. Никакой мистики... Да нет, непостижимая мистика для Механошина сокрывалась в спорах этих «существ». Листочки, плотно и спирально облегаяющие побеги, на кончиках востряты четырьмя волосками со спорами. Под лесную подстилку или в почву споры заносят вода и дождевые черви. Лет через пять споры прорастают...

И далее ручьистым журчанием, словно вешний жаворонок, Лиля поведала Механошину, что на заростках возникают половые органы! Антеридии, созидающие сперматозоиды! И архегонии, созидающие яйцеклетки. После оплодотворения шустрым сперматозоидом яйцеклетки возникает зигота — и зародыш. Он превращается в проросток, из которого вырастают стебель плауна и корни.

Она-то рассказала это просто, буднично. Виталий же был сокрушён. Такая затрещина, трое суток в голове звон стоял. Зилота! Какой-то плаун — и зилота!..

У плохого мужа жена всегда виновата. Нет, он не винил Нину, что не может родить. Верно, сам виноват. Не проверились ещё на плодность. Побаиваются: а вдруг что-то не так у кого-нибудь или у обоих сразу?.. Надеются, что всё образуется. Время есть. Молоды ещё. Хотя у иных в их возрасте детки плодятся, множатся, что голуби. Вон Татьяна с их курса — хромонога, а нарожала много: Алёнка в пелёнках, Никитка у титьки. Сама идёт, прихрамывает, а выступает, точно лебедь-птица, ведёт деток вереницу. Советует: не сумели родить — возьмите из детдома или уж заведите котёнка. Язва! У самой разводятся, как мокрицы от сырости. Да-а, без ребёнка жизнь — сухота...

И вот после коварного рассказа Лилии о плодовых сперматозоидах какой-то допотопной травы воспылала в Механошине мужицкая жизненная сила сообразно его имени. Ибо

vita— это жизнь. А стоячая вода киснет. Одному изнывать срок уборочной на картошке — каторга. Умная подруга — и время быстрее. Может, с ней удастся горе мужицкое разгоревать. Конечно, это дело нехорошее. А если попробовать?.. Худой, как треска; всего-то красы: скулы да усы. А у Лилии личико беленькое, глаза васильковые, с поволокой...

Битвой студентов за урожай Механошин командовал победно. Вставал с первыми лучами солнца. Они, мнилось, словно теньковки, тенькали в барачное окно, перед которым стояла его солдатская койка. Натягивал сгармошенные кирзачи и шёл к побеленному сараю на две двери: с петушком и курочкой. Пикантные символы он нарисовал в первый же день заезда, для оживляжа. Дабы скрасить юным горожанам посещение заведения типа сортир с дырками в дощатом полу. Ежели из «курочкиной» двери стыдливо выпархивала ранняя пташка, он непременно поздравлял её:

— С облегчением!

После своего облегчения, стараясь не колоколить армейскими рукомойниками с гремучими сосками, ломал в этих конусах ледок, ибо по ночам уже подмораживало. Сам здесь не мылся, не гремел, а спускался к реке. За частоколом с прибитыми умывальниками стелился туманец над тихой речкой. Наслаждаясь молодой утренней свежестью, Виталий растопыривал ухватом руки и широкими взмахами плескал ледяную воду на лицо и на грудь. Возвращался в барак, в тамбуре висел его брезентовый дождевик с капюшоном и перемётной пастушьей сумкой с колышками. В углу стоял главный рабочий инструмент: полевой циркуль с двухметровым шагом. Деревня просыпалась, и в гомоне её голосов слышалось далёкое урчанье трактора на картофельном поле. Оно раскинулось за кукурузой. Царица полей высылась стеной в человеческий рост. Хоть и величалась царицей, до початков не вызревала. И без них она была хороша. Мощная, сочная — лакомство для совхозной скотинки.

Просека через кукурузный лес — и необозримый простор. Глаза привыкают к этому окоёму и начинают различать вскопанные рядки, ускользящие за горизонт. Там, в сизой дымке, у леска — конец битвы за урожай. Оттуда с дымчатым хвостиком над трубой, пофыркивая, попукивая, пылит «Беларусь» с подвесной копалкой. И весь этот премудрый агрегат зовётся «мацапурой». То ли по фамилии изобретателя, то ли по несуразности, так как народное словцо «мацапура» и означает: неловкий, неповоротливый. Копалка и впрямь частенько ломается и застревает в мелкой грязи. Так что исход битвы во многом зависит от надёжности «мацапуры». И, ко-

нечно же, от мужества «гвардейцев» Механошина. Он, как опытный полководец, обозревает поле сражения. Широким шагом, размахивая циркулем, намеряет рядки для каждой пары, для каждой бригады. Подоспевшая заспанная Лилия втыкает указательные колышки. Действительно, хим-дым! Какой злой насмешник в деканате химико-биологического фака и в ректорате послал эту цыпу, чудо в перьях — на картошку?! Да ещё руководителем студенчества двух факультетов: химдымского и худграфа. Как же, ассистент кафедры биологии! Ас, ёшкин корень! Цаца, фифа, Паганель в юбке!.. А он, Механошин, кто? Лаборантишка. Хотя и старший. Не велик чин-обойдёнш. Его заслуженное место ассистента блатница заняла. Взбунтовался: не поедет, дескать, на картошку, уволится! А ехать кроме него — некому. Под пистолетом никого не заставишь. Уломали строптивца, пообещали повысить до ассистента. Почти преподавательская должность. Студики эту бездельницу-ботаничку навеличивают: Лилия Борисовна, Лилия Борисовна!.. А ей лишь бы гербарий собирать. Какое там поле, какая картошка! При её «чутком руководстве» обед на поле привозили: бывало, что и фляги с водой забывали ставить. И «скворечники» туалетные. Лес, мол, рядом. Для спринтера. Поглядел Механошин на эту бестолковщину и взял бразды правления в свои руки. Благо, бывалый картофелеуборщик, не то что барышня-белоручка, впервые увидевшая деревню. Несказанно обрадовалась такому замещению. Даже вспомнила полководца с «уборочной» фамилией Наполеон. «Нет опаснее человека, который не на своём месте!» — по-солдатски рубанул он. Виталий Механошин был на своём месте. В бытность студентом художественно-графического факультета пединститута с охоткой ездил на картошку. Кормёжка; бывало, и платили немного в конце уборочной. Студенческая дружба, костры, гитара, концерты худсамодеятельности в сельских клубах. Тяготы полевой работы и необустроенного быта, осенняя промозглость и слякоть забывались вскоре в институтских аудиториях. Вспыхивали и свадьбы после таких «картошек». Сыграли студенческую и Виталий с Ниной.

Первая «картошка» началась для однокурсников Виталия сурово. Пришибленные дождём и снегом они впали в пагубное уныние. Спасая от этого «анабиоза», он растормошил наиболее подвижных и сбил коллективчик «Вечерний звон». Артисты — кто во что горазд! Чтецы басен Крылова, стихов Асадова, Есенина, Щипачёва. Певуны «Зыкины» с неизменной «Течёт река Волга». Плясуны. Объявился баянист, нашёлся чечёточник-куплетист. Даже фокусник сыскался:

изо рта мог без конца доставать теннисные шарики. Концерт завершался коронным номером — «Вечерним звоном» в исполнении всего коллектива. Самые басовитые парни так рокотали «бом-бом», что в бомканье втягивался весь зал сельского клуба, не выдавший доселе подобного единения — смычки города с деревней. А смычка эта была весьма своевременной. Местные кавалеры уже начали приставать к студенточкам и задирались на их однокурсников. Особо бесшабашные задиры, призывники, после кружки-другой самогона носились на мотоциклах по деревне, а то и палили из ружей. Некоторые и добивались посадки, чтобы откосить от армии.

Вот к этим отчаюгам и направился вечером Виталий, дабы распить с ними бутылочку-другую беленькой во имя мира и дружбы. Сбацал на гитаре:

*У бабушки под крышей сеновала
Курочка спокойно проживала,
Не знала и не ведала греха,
Пока не повстречала петуха!..*

И свой в доску!..

Давнишний благополучный опыт общения с местными парнями сгодился и в этот раз. И обернулся взаимными симпатиями между институтскими девчатами и деревенскими хлопцами, вполне пристойными дружескими пирушками с ребятами-худграфовцами.

Производительность труда девчат возросла. А они были основной ударной силой. Парни грузили мешки с картошкой на прицепах. Виталий порой с показательным молодецеством демонстрировал такую «хеопсову» укладку центнерных мешков, что «Беларусь» после весовой с трудом втаскивала «пирамиду» в картофелехранилище.

Он был своим. Поначалу обижался про себя, что студियोзы не навеличивают его, как Лилию, а зовут как бы неуважительно — по имени. По-свойски зовут, свой он, и нечего кичиться. Иные востроглазые студенточки даже ласково-любовно называли — Виталик.

Сразу же установил с управляющим отделением добрые, деловые отношения. Разместили студентов в добротном, тёплом бараке на две половины: для девчат и ребят. Койки, матрацы, подушки, одеяла, вешалки, печка с полешками на случай худой погоды. Баня по выходным. Вполне сносное жильё. Прежде совали, бывало, худграфовцев даже в коровники с занозистыми нарами, сколоченными наспех, с подматрасниками, набитыми соломой.

В столовскую кухню отрядил опрятную, улыбчивую толстушку. При отлаженной работе, при доверии к добросовестным бригадирам художнику-натуралисту хватало времени рисовать и узорочье трав. Летучки проводил редко. В столовой оформил стенд с ежедневными трудовыми показателями каждого студента. Работа бригады грузчиков оценивалась по тоннажу, девчат — по соткам. Всякий мог полюбоваться на свои достижения. Соревнование! Однако уже через неделю в этом графике стали красоваться первые нули. Невыход. Погода ещё баловала, но городские неженки начали хандрить: та простудилась, у другой аллергия, у третьей чирей вскочил и вообще экзема от этой ужасной деревенской грязи. Даже детина-худграфовец сачканул — якобы запоносил. И все улеглись в фельдшерском пункте на четыре койко-места — почитывать книжки и журнальчики. Изба-читальня. Месячная норма на всех при воскресных банно-выходных — сорок два га. С двух факультетов набралось всего семьдесят работников. Медсправки по причине беременности, глазных, брюшных и прочих заболеваний завалили деканаты. При высокой урожайности разрядка для одной сборщицы, по совхозным меркам, была аховая. А тут ещё болящие. Мест в фельдпункте не хватало, так справками, расписанными там, размахивали. Хотя некоторые не симулировали. Мантулить целый день на рядках, скрючившись буквой зю, — тяжело, тяготно. Новоиспечённые вузовки, девчата из деревень — к сельскому труду привычны. Горожанкам же сотки давались с трудом. И всё же попросил Механошин гуманиста от медицины быть построже, попридирчивее к его подчинённым. А то бегают в «избу-читальню» из-за каждого чиха и попукивания, называемого в высоком штиле — диареей.

Подстегнул руковод соревновательную резвость: получка тех, кто исправно трудится, будет достойной; те, кто выполнит свою норму, могут ехать домой. Через неделю такая чемпионка объявилась. Ловкая, работающая девчонка. Некоторые городские, из тех, кто быстро уставал, малодушно кривились:

— Конечно, она же деревенская!

А та всё время помогала отстающим. Не только досрочно справилась с тяжёлым заданием, но и осталась трудиться дальше, помогать другим.

Порою попархивал снежок, попугивал слабачков. Одна деваха, поступившая на хим-дым, с виду крепенькая, из лесхозного посёлка, додумалась из районного городка послать себе телеграмму от имени матери: срочно приезжай доченька я тяжело заболела. Явилась к Механошину, потупив очи, те-

ребя фальшивку. Сама скорбь. Новый симулянтский жанр. Дурёха! Ещё и с подружками «горем» своим поделилась. Дурной пример заразителен. Пристыдил: в педагоги собралась, какое там разумное, доброе, вечное!.. Спровадил в институт, пусть в деканате разбираются.

Подустали девчата, подбила свою группу одна из химдымовских старост, втихаря умотали вечером в городскую кафешку. Даже в столовой не ужинали. Самоволка! Районный центр в семи километрах от деревни. Темнеет рано. Одни девчонки. Благо, всё обошлось. Вернулись глубокой ночью. Какие из них работницы!.. Институтский лектор с международным положением приехал, шефская помощь труженикам картофельных полей. Перед лекцией и учинил раздолбон Механошин гулёвому «девишнику». Педагоги, учителя, светильники разума! Ни одна из самовольщиц и в худсамодеятельности не участвует, сельчан своим искусством не радуется. А вот самим увеселение подавай!.. Едва и предводительницу их не отправил в деканат. Повинились, овечками прикинулись, упросили не сообщать в институт. Куда деться, работать кому-то надо...

А их Лилечка забот не знает. Голубиная душа. Поселилась на особицу в «пряничной» избе с резными ставнями и причелинами в виде петушков. Хозяйка добрая свою постоялицу балует, рано не будит. Та поспевает к Виталию, когда он уже вышагивает по полю в разлатом плаще, накручивая землемерным циркулем сотки для разрядки. Помощница следом за ним втыкает указательные колышки. Вот и весь вклад в общее дело. Он и сам бы втыкал, да проявил великодушие, допустил Лилию до «ответственной» работы, для очистки её совести.

Совесть... Всё закрутилось в тот золотисто-закатный вечер, когда Венера, звезда вечерняя, блеснула, подмигнула. Виталий и после работы и зарисовок плескался в студёной речке. Облюбовал укромную заводь, к вечеру обычно она уже была подёрнута льдистой корочкой. Иногда отваживался в одних трусах войти в неё и даже окунуться, нырнуть, побарахтаться, фыркая, кроша ледок. Морж! Вышел как-то из «иордани», догоряча растёр махровым полотенцем тело. Звёзды, как льдинки, высыпали, в тихой заводи отражаются. Сзади голосок знакомый:

— Старый месяц Бог на звёзды крошит, они в речку падают и в рыбок превращаются.

— Вполне научное объяснение! — предстал он перед Лилией во всей мужской красе, с обнажённым торсом, с полотенцем через плечо. Геракл!

Оделся, и пошли они околицей. А околицей прямо не ходят... Сладкая грусть-тоска западала на сердце при одном его воспоминании её взгляда, её голоса, когда Лилии не было рядом. Без неё постель казалась холодной, одеяло заиндевелым. Не мог дождаться желанной встречи. Даже среди бела дня сойдутся в укромном уголке и лижутя, как телята... Но, похоже, набила сладость оскомины. Мнилось ему, что про них и собаки лают, и гуси шушукаются. Такая вот напасть! Извёлся весь. Грех сладок — человек падок. Да, воля и доброго мужа портит. А он-то считал себя порядочным, верным. Нина первого сентября после школьной торжественной линейки на вокзал прибежала его провожать. Сколько чувств скопилось в её сердце, в глазах! Любовь, вина, надежда, ожидание... А он!.. Сунулся в брод — да по самый рот! Не море топит — лужа. Подушка под головой вертелась, не спалось — совесть замучила. Без зубов — а загрызёт.

«Месяц Бог на звёзды крошит...» Всё сердце искрошила Лилька. С лица спал. Будто присуха. А ещё Бога упоминала... Он, Разумный, верно, и отвадил неразумного от греховодства. У кого на сердце ненастье, у того и в ясный день пасмурно. Механошин с ребятами на погрузке работал, трудотерапией от Лилькиного наваждения спасался. И она на рядок впервые встала, тоже засмурела: не хотелось ей прерывать романтические отношения. Подустали оба, и как-то так получилось, что уселись передохнуть на одной куче ботвы. Молчали, сидели спина к спине. Виталий расстреливал картофельными семенными «помидорками» набитый под завязку мешок. Из-под кучи, прямо из-под ног Виталия выползла полёвка. За ней хвостом тащились слепленные друг с дружкой мыши. Процессия эта напоминала змею. Его всего переёрнуло. И он стал швырять в мышиную «змею» комья земли. Его чуть не сбила с ног биологиня:

— Как ты можешь?!.. Это же!.. Это же!.. — она едва не задохнулась.

Он же облегчённо вздохнул. Полной грудью. Сам не зная почему. Та сумрачная морось, что изводила его, изъедала душу, будто была прибита им, как и мышинная «змея».

— Да-да... Странно это. Я даже и не пойму. Природа... Извини! — она взяла его за руку.

И он пошёл с ней. Ему стало жалко её: подумалось, что после него у неё не будет никого. Сентиментальность ещё более смягчила сердце: стадо бурёнок паслось на берегу речки, идиллия и пастораль. Немного портили эту умирительную картину птицы, которые носились над стадом. С гнусавыми криками: «Пьи-и! Пьи-и!..» — они поливали коро-

вок своими пахучими отходами. Крикливостью и извержениями изрядно досаждали и сельчанам. Не раз капюшон и панама спасали Виталия и Лилию от их посягательств. Но даже она, ходячая биоэнциклопедия, не могла определить этих «милых» птичек: то ли чибисы, то ли пигалицы. Зато крестьяне эту зловредную породу определили метко — пиздрики... Вдруг птичий гвалт пронзил «выстрел» пастушьего кнута.

— Ах ты, курва! Опять за своё!.. — «стреляя» кнутом и матерясь, к опушке леса бежал пастух.

Отбившись от стада, там стояла пегая корова. Ноги её и вымя были обвиты чёрной лентой. Пастух хлестанул корову по ногам. Змей отцепился от неё и уполз в кустарник.

От картины такой Механошина передёрнуло всего. Биологиня же всплеснула ручками: ах, жалко змейку!.. «Жалость от слова «жало», — подумал Виталий, ведь жалость к Лилии коварно, отравно кольнула его сердце. Он выдернул руку из её руки. Хлопнул по сумке, где лежал альбом с карандашами. И пошагал к своим травам — делать зарисовки.

Река бежала по-овечьи. И в небе, точно овцы в отару, кучковались облака. Светился акварельно-прозрачный желтоватый лесок. Виталий сел на кочку под золотистой берёзкой, достал из сумки альбом и карандаш. Берёзовый лист опустился на бумагу. Лёг изнанкой вверх. К добру. Всё у них с Ниной будет хорошо... И даже лианы ломоноса, который он начал рисовать, увиделись ему не змеящимися, а вихревыми. Завихрилась и память...

Последний штрих — под доброе напутствие кукушки. Портрет ломоноса, портрет памяти...

Виталий поднялся, потянулся, разминая затёкшую спину, и пошёл в деревню. Центральную «площадь» её украшали два двухэтажных здания: первые этажи кирпичные, вторые бревенчатые. В одном служба быта и клуб, в другом магазин и правление отделения совхоза. Между ними теснились библиотека, сельсовет, школа, фельдпункт. В общем, административно-культурный центр. В сельмаге Виталий купил бутылку водки, хлеб и колбасу. По скрипучей лестнице поднялся на второй этаж в контору управляющего.

Леонтий Михайлович или, по-местному, Управа радушно вышел из-за стола для рукопожатия.

— Собака вон на земле валяется, — начал издали Виталий, кивнув на окно. — Свины расхрюкались, утки раскрякались, воробьи расчирикались. Предвестники...

— Фенолух, вестник природы, это ты к чему? — с хрипотцой спросил Управа.

— А чего тут вешать? — Виталий раздул ноздри и с шумом вобрал воздух: — Снежком повеяло. Вороны в кучу сбились, ненастье каркают. Вот и кошка твоя стену дерёт, к непогоде в виде дождя и мокрого снега.

Много чего понабрался Механошин от биологини, этим и козырнул.

— Да ты, городской, пуще деревенского со своими приметами! — усмехнулся Управа и прокашлялся: — Простыл чуток, петух в горле засел, нос залегает. Ты прав, синоптик. Давеча на ферму заскочил: молоко в подоюниках пенится. Верная примета: к ненастью. И дым над трубой пекарни — волоком... Да ты не переживай! Застрянет «мацапура» на поле в слякоть — будем день ваш уборочный активировать.

— Да-а, погода шепчет, Леонтий Михалыч... Что-то стало холодать — не пора ли нам поддать? — Виталий вынул из полевой сумки всё необходимое для «поддатия»: — Супротив простуды!

Хозяин достал из шкафчика гранёные стопки, чеснок, соль в розетке:

— А соль-то волглая, к дождю. — Он разломил головку чеснока на зубчики: — Это, чтобы и ты не хворал! — Разлил водку по стопкам: — Не пьянства ради, здоровья для!

Выпили по второй. Управа — брови застрехой, вопросительно приподнял их:

— Ну, рассказывай!

— Ряды тружеников картофельных полей, Леонтий Михалыч, бойцов за урожай, редеют и редеют... — Механошин тяжело вздохнул, сделал трагическую паузу: — А норма... При нормировании неизбежные людские потери не учитывались. Неделю назад, помните, снегу навалило! По рыхлому, по убороду, работали. Не активировали этот день. Вот и потеряли сразу пять человек. Не хотелось бы повторения!.. А поле как бы и не убывает. Клин убийственный! А рядки удлиняются: уже по сто семьдесят, по двести метров. От начала до заката. И всё длиннее. На психику давит. Последний рядок вообще с километр протянется. Психика не выдержит. До него, последнего, нам не дожить!

— Ну-ну! Как трагично! На мою психику давишь?

— По колени ноги оттоптал, размахивая циркулем! Уже два циркуля истёр на рядках. Третий сколотил.

— Я сажени дюжинами снашивал, сколачивал, когда агрономом пахал. Циркуль... Из реек поди, и шаг двухметровый? И навершие под руку наверняка не приспособлено. Эх ты, циркуль!.. Хлипкое и неудобное твоё изделие. Сажень! Берёшь две берёзовые палки на сто восемьдесят, ошкурива-

ешь, затёсываешь концы. Сбиваешь с метровой поперечной, чтобы между ними два шестнадцать было, поболее косой сажени на шесть сантиметров. Верх одной палки оставляешь под руку. Вот так-то! Вот это сажень! За неё, родимую! Славно потрудились на русской земле!

Выпили, и Виталий смекнул, что ушлый Управа хочет заболтать его насущное и наболевшее. Но нет, пронизательный Леонтий Михайлович лукаво погрозил пальцем:

— Ты это дембельское настроение брось! Силы у тебя ещё есть. Парней с погрузки сними. Корчат богатырей перед девушками. Не уработались. Многовато грузчиков. Сам встань на рядок, вон резвый какой!

— Да встал уже! — отмахнулся от забалтывания Механосин.

— Дачница твоя в панамке прохлаждается. Ей бы ещё сачок в руки бабочек ловить.

— Да тоже уже с девушками.

— Ладно, школу попрошу помочь.

— Помогли уже. И треть гектара не убрали. Пулялись картовыми «помидорками» и картошками. Одному чуть глаз не вышибли. Не собирали, а затапывали.

— Значит, скостить предлагаешь? Оно бы и очень можно, да никак нельзя. Начальство не поймёт. Хотя... Первого октября занятия у вас начинаются? Неделя осталась. А ещё девушкам дома надо побывать, отдохнуть малость перед учёбой. Стало быть, числа двадцать седьмого вам бы отъехать. Значит, так. Собирайте в бурты. Всё полегче. Сколько соберёте...

Ошарашенно, полорого уставился на Управу Виталий. Расчувствовался, полез обниматься. И вдруг с этой его радостью смешалась давешняя, нечаянная, когда сбросил сладостно-змеиную отраву...

— За успех нашего, казалось бы, безнадёжного дела! — провозгласил он, про себя имея в виду ещё одну победу, нелёгкую, над грехом, и по-дружески, пьяненько хлопнул добрейшего Леонтия Михалыча по плечу: — Слушай, Управа, я такую жуть сегодня видел! Змея сосала вымя коровы!.. — и он сбивчиво, с горячностью рассказал об увиденном.

— Вот гад! Как будто из детства моего приполз...

Возглас Управы поразил Виталия, и он с недоумением посмотрел на него. У того брови нависли — глубокие мысли:

— Холодновато уже, в спячку должен залечь... Всякое время — задернеет. Я так и мыслил, по-Божьи. Предостерегал же Он Лотову жену: не оглядывайся назад, на Содом. А я вот тут перед тобой оглянулся. Сходность некую узрел в наших падениях. Один змей и меня, и тебя высасывал. Обвитые чёрной лентой...

Механошин понял, что приметливый Леонтий знает о его отношениях с Лилией. Да и как не заметить! Не было у них слаще игры, чем переглядюшки.

— Ничего, брат, склеенная посуда два века живёт! — подбодрил Леонтий Виталия. — Я тоже с трудом «склеивался». Давай за нас с тобой! Будем!

— Затравил ты мне душу своими зачинами, Леонтий Михалыч, — после очередной стопки пытливо уставился на него Механошин.

— Старые годы перемолаживать?.. Как это было далеко... Когда царь Горох с грибами воевал... Старинного закалу был дядька мой родной Семён. Поставили режёвки на Травном, погостевали в юрте у Назара-казаха. Домой, в Селезнёво ехали. И корову Буланку деда Сидора со змеем застали. Дядя Сёма мудро тогда рассудил. Я, хоть и восьмилеток, но кое-что запомнил. Змеюка от молока тучнеет, а корова от змеино-го высасывания, до крови, хиреет и гибнет. И человек так же. Ударился в пьянство, распутство — и не отпускает этот грех, этот бесовский змей. Чахнет слабак, даже не противится. А чего ему противиться, коли и в падеже, в погибели пытается лизнуть хоть каплю отравной услады?.. Картину отвратную Буланки со змеем как сейчас перед глазами вижу. И остов её обглоданный в подлесе... А тогда, в малолетстве, сшибло с этой тёмной дорожной памяти, и не мозолил её, и задернела она. Пробилась сквозь «дёрн», когда город меня так «высосал», что я в нитку вытянулся: вот-вот порвётся!.. Как говорила бабка Лампея: и бородавка телу прибавка. Физиономистка народная, она ещё малышонком меня обнадёжила: «Срослые брови у тебя, Левонтий, да родиминка на пузёшке — счастливым будешь! А без счастья и гриба не найдёшь». От-роком окончательно на счастье определила: «Очи соколы, брови соболю, и статью красен. Молодец — хоть во дворец!» И крылья есть, да некуда лететь. Многие сверстники в город подались. Другим сбылось, мне только грезилось. Школьная англичанка надоумила в институт на иняз поступать. Вступительные провалил, но в городе остался. Нет такого дерева, чтобы на него птица не садилась. На экзаменах познакомился с дочкой генерала. Она-то, знамо дело, поступила, а расставаться со мной не захотела. Мать умерла год назад. Отец за оборонку отвечал, щит родины, новые виды вооружений. Я генерала и не видел. Но с его подачи устроился в какой-то комитет по утапыванию мостовой. К чинам здесь подбирались кто прыжком, кто бочком, кто ползком, а кто и на карачках. В чин вошёл лисой, а в чине стал волком. Как у Гоголя. Людей много, а человека нет. Мне скучать не прихо-

дилось. Была бы подруга, найдётся и час досуга. Повела меня генеральская дочка в баню. Там кабинки на двоих. Разделась прямо при банщике. Я остолбенел. Объяснила, что здесь так заведено. Разделся и я. Банщик нас под свою «Калинку» берёзовым и хвойным вениками отхлестал. Крещенские морозы трещали, а нас на улицу банщик погнал. И как начал ледяной водой из ведра обливать! Я-то сибиряк, привычный. Смотрю, а подруге моей вообще в кайф!.. Отогревались в огромной деревянной лохани с горячей водой, со хмелем и душистыми травами, дурманными... Повадилась моя «русалка» в эту заманную баню — и я за ней... Жил не тужил, себе голову кружил. Дурацкую голову уже и хмель не брал. Стали надоедать, угнетать эти страсти-утехи. Сладко съешь — да горько отрыгается. К тому же высох, в плечах уже лба, на солнышке просвечивал. И солнышка-то не видел. Грехи любезны доводят до бездны. «Стой! — говорю. — Белому свету край!» Спать не сплю, дремать не дремлю. Хоть умом и шибко поизносился, да подумал остатком — и волосы дыбом. Ибо явились, как живые, те жуткие картины: корова со змеем, скелет коровий!.. Хоть реденько засеяно у меня в голове и многое невдогад, и всё же путём ума и сердца вернулся к земле. хлопоты на работе, по дому, по хозяйству — не до праздности. Жить надо терпеливо, в простоте, скромности. Это Господь одобряет. А если собьёшься с пути — снова вставай на него. Господь поддержит. Все мы растём под красным солнышком да на Божьей росе. Глянешь на звёздное течение и подумаешь: кто направил?..

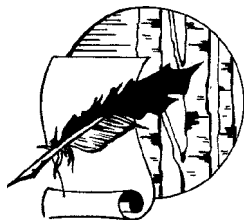
Леонтий Михайлович подошёл к окну:

— Притомил я тебя, усатый. Сам напросился. Засиделись... Ну что ты, Мурка, на улке выглядела?.. — он погладил кошку, «копилкой» сидевшую на подоконнике.

— Кто кошку гладит, тот жену любит, — козырнул народной приметой Механошин.

— Вот-вот, за наших жён и выпьем! — Леонтий Михайлович наполнил стопки. Выпили, и он проникновенно глядя Механошину в глаза, похлопал его по плечу: — Слушай, Виталий, может, останешься у нас в деревне? Душа-то у тебя, вижу, природная, деревенская. Земля наша плодородная. Сам испытал на себе, какие у нас урожаи. А как ты отменно организовал своё студенческое «гуляй-поле»!.. В город ехать — толчки принимать. Оставайся! И заживёте вы с жёнушкой на славу! Деток нарожаете!..

г. Нижний Новгород



Владимир СКИФ

К 75-летию поэта

ЗОЛОТАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА

* * *

Сердце чуду осеннему радо,
Высоте поднебесного дня.
Золотая пора листопада
Обняла, закружила меня.

Время год намотало на оси,
Русской тройкой умчало в зенит,
Из кошевочки выпала осень,
Обагрила байкальский гранит.

Я лечу с журавлями по небу,
Белой чайкой скольжу между скал.
А листва золотистой нерпой
Окунается в ясный Байкал.

И звучит, как живая гитара,
И пьянит, как шальное вино,
Листопад — огневой до угара —
И травы золотое руно.

Я с любимую женщиной рядом!
Отражается, как в небесах,
Золотая пора листопада
В опрокинутых женских глазах.

И не слитки минувшего лета,
Не листва с ее гиблой игрой,
Поцелуи срываются с веток
Золотою осенней порой.

Ты — моё наслажденье, услада,
Искупленье последних грехов —
Золотая пора листопада!
Золотое сеченье стихов!

ДУША

Сквозь печаль душа протаяла,
От беды убереглась,
Средоточье взяв за правило,
Ясной верою зажглась.

От безумства несусветного
Оклемалась, отошла.
До святилища заветного
Пепелищем добрела.

Не рассыпалась, не сгнула
Посреди большого зла.
Из себя всю силу вынула
И Отчизне отдала.

ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

Продавит русская весна
Плотину замкнутого круга.
Россия будет спасена —
И в этом есть твоя заслуга.

Борьбы невиданной накал
Очистит Родину от смога.
Задышат Волга и Байкал —
И в этом есть твоя подмога.

Излечит русская душа
Народ от горечи и гнёта
Из православного ковша —
И в этом есть твоя забота.

Господь Великий как-нибудь
Нас отведет от замогиля.
Осветит солнце Русский Путь —
И в этом есть твои усилья.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Край родимый опечаленный
гуси-лебеди отринули,
Неоглядную сторонушку
гуси-лебеди покинули.

Свищут пули смертоносные
над ущельями заклетыми.
Плачет сердце материнское
по сыночку ненаглядному.

Плачет сердце материнское,
на четыре смотрит стороны:
За горою чёрной каменной
над сыночком кружат вороны.

Ах, вы, камни, камни мертвые,
от солдатской крови влажные...
Сердце видит материнское:
у сыночка рана страшная.

Пролетите гуси-лебеди
над его кровавой раной,
Опустите сердце матери
в грудь сыночка бездыханную.

Помоги ему, родимая
пресвятая Богородица.
Пусть сыночек мой поднимется
и домой скорей воротится.

...Вот вернулся добрый молодец,
ко сестре явился братушка
И спросил сестру любезную:
— Где моя родная матушка?

ЧАРА ЖИЗНИ

Как чару крепкого вина
Я выпью эту жизнь до дна
С ее печалью и любовью.
Она мне Господом дана,
И мне с надеждой вручена
Моими предками и кровью.

Ах, эта жизнь! Шальная жизнь!
Она — трагедия и шутка.
И я шепчу себе: — Держись!
На Божье Слово положишь.
Ведь ты, моя шальная жизнь,
В бездонном космосе — малютка!

Моя земля, я — твой солдат.
Тебя, мой друг и мой собрат,
Я одарить хотел любовью.
Но я почти не виноват,
Что век двадцатый бил в набат
И умывался русской кровью.

Цвела весна в моей груди,
Гроза гремела впереди,
Моя земля меня качала.
Мне жизнь кричала: — Подожди!
Но я летел через дожди
К ее последнему причалу.

Пустая улица темна.
Не плачь, любимая, одна.
Не плачь, как будто бы на тризне.
Давай с тобой, давай до дна
Мы выпьем горького вина,
Как будто чару нашей жизни.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Всё наяву или в бреду?
Земля сухая, воздух плотен.
Я по Святой Земле иду,
Я созерцаю Гроб Господень.

Я вижу камни, вижу твердь.
Я поднимаюсь на Голгофу,
Где наш Спаситель принял смерть,
Предвидя мира катастрофу.

Багровый облачный навес,
Тяжелый, с отблесками злата,
Как будто падает с небес
Одеждой Понтия Пилата.

Я слышу звон ночных цикад.
Вон голубь — Дух Святой — летает.
И Гефсиманский чудный сад
В лучах Господних расцветает.

Я по Святой Земле иду,
Переживаю потрясенье
И стражду Господа. Я жду
Его земного Воскресенья!

ГОРНАЯ ЧУЯ

Виктору Грозину

— Горная Чуя! — с гор закричу я, —
Горная Чуя, чистый поток,
К морю бежишь ты, волю почуя,
Чуя, водицы дай мне глоток!

В дебрях кочуя, Горная Чуя,
Словно чалдонка, дразнит меня.
Горная Чуя, сердце врачаю,
На перекатах плещет, звеня.

Горная Чуя — Чудо Природы!
В светлом порыве Север зачат.
Чайки речные чиркают воду,
«Чудная Чуя!» — чайки кричат.

— Горная Чуя, — тихо шепчу я, —
Горная Чуя, вечно светит.
Черную силу чувствует Чуя,
Черную силу, Чуя, смети!

От вымиранья — чур тебя, Чуя!
— Чур тебя, Чуя! — шепчем слова.
Горная Чуя! Гордая Чуя!
Чуя святая! Чуя — жива!

* * *

Е. М.

Начало июля. Серебряный дождь.
Звенит по асфальту стакато капели,

И ты в серебре,
в золоченой купели
Со мною в обнимку по лету идешь.

А юность стрижом или пулей сквозит,
Кричит нам вослед
и крылом задевает.
Судьба — нас в игольное ушко вдевает,
И прошлое ниткой за нами скользит.

...Свирепые зимы встречаем вдвоем
И снова идем через пропасть в обнимку,
Проходим сквозь взрывы,
как будто сквозь дымку,
И помним себя под июльским дождем.

ОДА БАЙКАЛУ

Живое зеркало Байкала
В оправе скал.
Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.

Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор — неотразим!
В распадках ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.

Здесь быть и жить необходимо —
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет ограждено
Твое вместилище, Байкал!

Порою ты клопочешь гневно,
То пустишь рябь, то гонишь вал...
И мне охота каждодневно
Читать, как Библию, — Байкал.

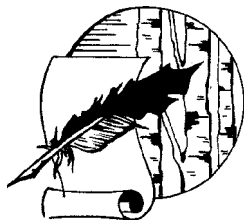
Оно почти невыразимо,
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несется по волне.

Но чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме уключины скрипят.

Я, ощутив Байкала трепет,
В нём звездную увидел взвесь.
Скажите, звезды, а на небе
Подобное Байкалу есть?

Он вечный! Вещий! Драгоценный!
Он место в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это, всё-таки, Байкал!

г. Иркутск



Юрий ВОРОТНИН

ЗАГЛЯЖУСЬ В ОБЛАКА...

* * *

Я не ведал тоски и неволи,
Я хранил на душе благодать,
Потому что на малые доли
Каждый час свой умел расщеплять.

Цепь делил на короткие звенья,
Разбирал на песчинки завал,
И любое из тысяч мгновенья,
Как отдельную жизнь, проживал,

Словно знал, что в конце круговерти
Нити стянет судьба в полотно,
И вся жизнь от рожденья до смерти
Уместится в дыханье одно.

* * *

От позднего ума
До раннего безумства
Вся наша жизнь — зима
С налётом самодурства.

Глядим по сторонам,
Иную ищем веху,
А снег идёт по нам,
Как мы идём по снегу.

Хоть в землю провалились,
Но жизнь нужна и эта,
Ведь только родились —
Кто доживёт до лета.

* * *

Небеса надо мной то белы, то свинцовы, то сини,
А земля подо мной то прозрачна, то яро черна,
И дрожит моя жизнь между ними, как тощий осинник,
И плывут мои дни между ними на лёгких челнах.

Загляжусь в облака, раскачает мне голову ветер,
Загулял бы, запел бы, но корни вцепились травой,
Кто за царство земное моею судьбою ответил,
Как за Царство Небесное сам я ответил с лихвой.

Как зависимо всё, как загадано-спаяно прочно,
Жизнь из праха встаёт и опять обращается в прах,
И трепещет осинник от света звезды полуночной,
И подземные воды качают звезду на весах.

* * *

Мне снился сон: в глубокой старине
Есть отчий дом и на двери подкова,
Меня там ждут — живого, неживого,
И держат свет негаснущий в окне.

И я в тот дом по тяге родовой
Себя с кругов тяжёлых возвращаю,
И если жив, то жизнь свою прощаю,
И оживаю, если неживой.

* * *

По белому песку
Прозрачного залива
Выгуливать тоску
Ни радости, ни силы.

Из рая на земле
По голосу, по тяге
Рвануть к родной зиме,
Из греков да в варяги.

Чтоб вместо хмеля роз,
Застывших в совершенстве,
Вдыхать родной мороз
И леденеть в блаженстве.

* * *

«Я сегодня помолилась хорошо...»

Моя бабушка Паня

Я себя почувствовал героем,
Ночь прошла, и с ней прошёл испуг,
И моей молитвой за горою
Встало солнце и взошло на круг.

Как душа моя потом светилась!
Как она молилась хорошо!
Лишь бы солнце по небу катилось
И навек за гору не зашло.

* * *

Мы рядом не ходим. Мы вместе — гроза.
Удел наш — движенье по кругу,
И если встречаются наши глаза,
Нас тянет невольно друг к другу.

Не выдержу вдруг и навстречу с тобой
Я выйду в хрустящей сорочке,
И наши дороги по хорде тугой
Сойдутся в негаданной точке.

И молния внутренний круг озарит,
И лёд пограничный растает,
И тракт золотой, что над миром царит,
Наш прах в колею закатает.

ОТЦУ

Я ещё с твоих рук не слезаю,
Нет ещё мне ни зим и ни лет,
И смотрю я твоими глазами
На впервые увиденный свет.

Наши вёрсты то лесом, то полем,
В наших реках всегда ледоход,
Нас то воля заводит в неволю,
То неволя на волю ведёт.

...Нет тебя, но такое меж нами!
Не прошу я, лишь только молю,
Чтоб смотрел ты моими глазами
На заветную землю свою.

* * *

Тянула пряжу ночь глухая,
Качала: баюшки-баю,
Я видел сны, там жизнь другая
Пересекала жизнь мою.

То ль в недрах памяти согреты,
То ль тьмою явлены на свет,
Мелькали новые сюжеты
И звали с лёгкостью вослед.

И увлечённый той блесною,
Я оттолкнулся б от крыльца,
Когда бы знал, что ты со мною
И в новой жизни до конца.

* * *

С каждым часом опасней игра,
Как бы сам ты с собой ни лукавил,
Всё равно наступает пора
До конца отказаться от правил.

И расклад не зависит от нас,
Лишь вздыхаем и смотрим украдкой,
Как забава меняет окрас
И смертельной становится схваткой.

* * *

Больно резать по живому,
А по мёртвому больней.
Я по следу межевому
Уходил в простор полей.

Я искал себе кумира
Средь отеческих могил,
Было холодно и сиро,
Не хватало слёз и сил.

Но зато звезда светилась,
Отражая свет во мне,
И душа моя томилась
По заветной старине.

Я в провалах бездорожья
Видел всех, кто был забыт,
И рука держала Божья
Надо мной небесный щит.

* * *

Прольётся сквозь сердце живая вода,
Избавит от горечи сердце,
И я засмотрюсь на тебя, как тогда
Смотрел и не мог насмотреться.

И время земное на нет изведя,
Другие приму лихолетья,
И буду веками смотреть на тебя,
И тем оправдаю бессмертье.

* * *

И когда мы крушили кресты топором,
Низвергая закон и тиранство,
Он упрямо твердил: «Дело, братцы, в другом,
Русский крест — холода и пространство».

Мы варились в котлах, мы дышали огнём,
Мы вели негодяев на царство,
Он с тоскою смотрел и стоял на своём:
«Русский крест — холода и пространство».

Всё вернулось на круг, и опять в суете
Переходит буянство в бунтарство.
Он горит на кресте, мы горим на кресте,
Согреваем родное пространство.

* * *

Не то, чтоб жизнь прошла,
Но в ожиданье чуда —
Разъехалась по швам
Под гнётом самосуда.

Пустые терема,
Холодное бессилье.
Мы думали — зима,
А было лишь предзимье.

Под снежной кутерьмой
По линиям излома
Поспешный путь домой
Всё дальше вёл от дома.

Храни, Господь, всерьёз,
Когда такая драка.
И не хватает слёз
Самих себя отплакать.

* * *

Бог даст, под старость лет
Возвратом прежней дани
Меня коснётся свет,
Что был невидим ране.

Меня заденет звук,
Идущий из-под спуда,
И осознаю вдруг —
Зачем мы и откуда.

И ранняя заря
Печаль мою остудит,
Что было всё не зря.
И то ли ещё будет.

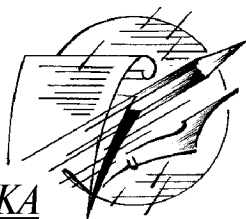
г. Москва

ВОЙНА ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

От редакции

Мы не во всём разделяем точку зрения автора. Но т.к. он поднимает в своей статье очень важные вопросы, мы решили ее опубликовать с небольшим сокращением.

Так называемые «революционные войны», начавшиеся в эпоху так называемых «буржуазных», а на самом деле — антихристианских революций, и затем ставшие основным типом войн в XXI веке, являются важнейшим явлением в современной истории. Оно очень ярко и откровенно показывает, с кем и с какой целью ныне ведутся войны. Они ведутся в первую очередь не между государствами, а против государств как таковых — против тех государств, которые пытаются сохранить свою самостоятельность и не подчиняться глобальной диктатуре мировой финансовой олигархии. Самой страшной из таких войн в мировой истории была Гражданская война в России, организованная заграничными «кураторами» большевиков. Так называемые «марксисты», наивно считавшие себя «революционерами», на самом деле всегда использова-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лись «мировой закулисой» (И.А. Ильин) в качестве «тарана» для разрушения традиционных обществ. А после того, как они сделали свое кровавое дело, от них избавлялись, как от использованного гигиенического средства. Так было и в России, и во многих других странах мира. В Камбодже марксисты во главе с их лидерами, привезенными из Парижа, за несколько лет уничтожили более половины населения, поставив мировой сатанинский рекорд, опередив по зверствам Мао и Гитлера. В России лидеры большевиков, завезенные с Уолл-Стрит и из Швейцарии с гарантиями и инструкциями от своих хозяев, в Гражданскую войну уничтожили около 20 миллионов человек, большей частью погибших от эпидемий и голода, возникших вследствие войны. Кроме того, большевики организовали искусственный голод у себя в тылу, запретив продажу хлеба и переведя всех на карточки — и благодаря этому получили огромную Красную армию, в которую шли от голодухи и для того, чтобы уберечь семью от террора. А западные «союзники» поддерживали белых ровно до такой степени, чтобы они не могли победить, а только могли бы славно погибнуть.

Принцип «управляемого хаоса» с целью истребления русских англосаксы применили очень эффективно. Во всех этих событиях явно прослеживается одна и та же сатанинская методика разрушения государств, цивилизаций и народов — с целью их подчинения мировым антихристовым силам. Среди русских авторов, исследовавших эту тему, особое место занимает военный теоретик Е.Э. Месснер. Его работы важны не только потому, что они, как сейчас пишут, намного опередили западные концепции «гибридных войн», но в первую очередь потому, что объяснили цель и смысл этих войн, и самое главное — обосновали методы противостояния им, которые необходимо использовать и в наше время.

Евгений Эдуардович Месснер (1891—1974) — полковник Русской императорской армии, офицер Генштаба, начальник штаба Корниловской дивизии в Русской армии барона Врангеля, профессор военных наук, военный теоретик русского Зарубежья, автор концепции «Мятежевойны», представленной в книге «Мятеж — имя третьей всемирной» (Буэнос-Айрес, 1960). Е.Э. Месснер считал, что всемирная «мятежевойна» уже шла, что это столкновение «Всемирной Революции» и «революционной реакции», а в следующей книге «Вселенский тайфун» (1971), он описал всё разнообразие «мятежей», главными из которых указал мятежи «религиозные» и «племенные», отодвинув «идеологические» на задний план.

«Революционные войны» XX века являются началом мировой войны против христианской цивилизации: «В мире происходит война, грозящая более тяжелыми бедствиями, нежели вторжения в Римскую империю племен Востока: те варвары разрушали Рим и его культуру, но и перенимали от него, а нынешние разрушают без остатка с такой основательностью, с какой был культурным Римом разрушен Карфаген... Одержимостями загрязнена атмосфера духа на земле, как атмосфера природы загрязнена смогом. В смоге духа человеческого, как и на физическом плане его существования, идет война, грандиознее какой и свирепее какой не бывало за все тысячелетия существования человека на земле... Таковую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать мятежом» («Хочешь мира, победи мятежевойну!» Творческое наследие Е.Э. Месснера. — М.: Военный университет, Русский путь, 2005).

Таким образом, главным «человеческим ресурсом» мятежевойны является вся масса населения, выброшенная из традиционного уклада жизни, потерявшая духовный смысл жизни и из-за этого пылающая ненавистью ко всем нормальным людям и мечтающая об иллюзорном «светлом будущем». Этих людей очень легко оболванить агрессивной разрушительной идеологией, внушая, что они якобы «борются за свободу». В реальности же, новые «революционные» режимы установят потом вовсе не «свободу», а такое зверское рабство, которого не было даже в деспотиях Древнего Востока.

Стратегия этой войны следующая: *«Оператика мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ... Стратегия мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а «разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни» (Сунь-цзы)... Надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война — это когда воюют, а мир — когда не воюют. Можно быть в войне, не воюя явно... Много происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму — мятежевойны — прояснит многое... Надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны».* Вполне очевидно, что эти положения являются в первую очередь выводами из страшного и трагического опыта России начала XX века. Нанятые врагами России «революционеры» легко разрушили армию и государство после февраль-

ского переворота 1917 года всего за несколько месяцев в условиях затишья на внешнем фронте (немцы выжидали, зная, что команды Ленина и Троцкого всё сделают и без них). Ранее с той же целью «мировой закулисой» была организована агрессия Японии против России, а затем в разгар войны был организован мятеж в тылу. Неудача этой попытки разрушения России сделала необходимой организацию уже намного более масштабной мировой войны, в рамках которой мировой олигархии удалось организовать мятежи и разрушить уже все традиционные монархии сразу, а затем получить их под свой контроль за ширмой новых марионеточных правительств.

Обобщая опыт XX века, в статье «Террор» он писал: *«Есть признаки, что агрессия разрушителей Структуры усилится в скором времени. Структура (государственная, общественная, финансовая и, главное, моральная) погибнет под новым натиском, если не станет по-военному обороняться»*. Однако до сих пор *«людям трудно понять, что это — война, потому что она противоположна представлению о войне, сложившемуся в веках и тысячелетиях»* (Месснер Е.Э. Террор // Наши вести (Нью-Йорк). 1972. № 318). Этот обман населения удается благодаря хитрой и подлой тактике: *«...стратеги мятежевойны избегают всего, что могло бы встревожить в народе (народах) инстинкт самосохранения, и для этого идут по лестнице постепенности, а нарастание военных событий изображают как нагромождение происшествий, мало кого тревожащих»* (Там же).

Таким образом, мятежевойна — это не война между государствами, а война варварства против цивилизации, при которой варвары изображают себя «освободителями», а традиционная цивилизация изображается в качестве «угнетателя». Это возможно только в том случае, если человека удается варваризировать до такой степени, что смысл цивилизации и ее духовные основания становятся ему непонятными. Поэтому *«стратегия мятежевойны имеет свою перманентной и тоталитарной задачей «взять в полон» вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить его с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, уверить в победности наших идей и, наконец, привлечь его к нашим идеям. Средством для достижения этого служит пропаганда... Агитацию надо считать одним из главных средств ведения мятежевойны... Надо помнить, что масса с трудом усваивает смысл идеи — ей более доступен облик идеи. Поэтому секрет успеха агитации не столько в том, что преподнести, сколько в том, как преподнести. Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая — для противника. Но и дву-*

личия мало — требуется, так сказать, многообразие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов — особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность».

Такова всякая «революционная» пропаганда, всегда основанная на манипуляции, двуличности и откровенной лжи. Но каким должен быть ответ на нее? Слабым местом людей традиции, которые встали на защиту народных святынь против революционных бесов, было то, что они продолжали вести полемику совершенно мирными средствами — так, как будто бы нет никакой войны. Например, Белое движение воевало под лозунгом всенародного «Учредительного собрания», которое установит будущую государственную власть. Такой лозунг был бы нормальным в мирных условиях, однако он был абсолютно провальным в условиях Гражданской войны, в которой всегда легко побеждает ложь и демагогия. Большевики вовсе не собирались давать землю крестьянам и фабрики рабочим, и уж тем более они не хотели мира, а наоборот, мечтали о «мировом пожаре» и истреблении огромной массы людей, которые будут сопротивляться их власти. Однако в условиях мятежевойны именно такие лозунги и эффективны, а вовсе не дискуссии об «Учредительном собрании». Оболваниванию масс революционерами невозможно противопоставить «симметричную» ложь, поскольку люди традиции не способны ко лжи; но им следовало бы противопоставить не менее разящие лозунги. И такие лозунги были, они были очень эффективны, поднимая на войну с красными большие массы людей, в том числе и пролетариата, но они не были потом использованы в системной пропаганде. Да она, по сути, и не велась.

Как известно, воины Белого движения воевали за православную Россию против антихристового Интернационала. Однако лживые «союзники» по Антанте не позволили им выдвигать единственно верный в тот момент лозунг восстановления монархии, то есть нормальной довоенной жизни — за который бы массово пошел воевать народ. Конечно, часто цитируемые слова Троцкого: «Если бы белые выбросили лозунг кулацкого царя, то мы бы не продержались и двух недель» — могут быть и не вполне достоверными, но абсолютно достоверным является свидетельство из дневника З. Гиппиус от 7 ноября 1917 года (в день установления диктатуры большевиков): «Вторник (поздно)... Матрос прямо заявил: — А мы уж царя хотим. — Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали? — За четвертый (большевицкий). — Так как же...?? — А так. Надоело уж всё это...» Именно таковы, как свидетельствуют подлинные источни-

ки того времени, были настроения основной массы населения в период Гражданской войны, в то время как большевиков поддерживала лишь мизерная часть населения, а остальные повиновались им только из-за ужаса перед страшным Красным террором. Кажется немыслимым, почему в Гражданской войне победило мизерное меньшинство вопреки настроениям основной массы населения! Но это тоже была часть стратегии мятежевойны. Антанта, не позволив белым выдвинуть народные лозунги возвращения к нормальной — то есть дореволюционной — жизни и навязав абсурдное «Учредительное собрание» обрекло белых на гибель. Но зато наличие таких «союзников» позволило большевикам вести лицемерную пропаганду о том, что они якобы воюют против «интервентов». Но «интервенты» всего лишь стояли в нескольких портах, не заходя в Россию и нигде не ведя боев с большевиками. Стоило бы английскому флоту хотя бы пару раз поддерживать огнем войска Юденича, и они вполне могли бы взять Петроград. Но вместо этого англичане в своих мемуарах с крайней степенью лицемерия заявляют, что якобы русские хотели, чтобы британский флот всё сделал вместо них. Имея таких «друзей», уже никаких врагов не надо.

Мировая олигархия («закулиса», по символическому выражению И.А. Ильина) всё рассчитала на десять шагов вперед. Им было недостаточно только с помощью государственного переворота, замаскированного под «революцию», украсть у России победу в мировой войне — до которой оставалось всего несколько месяцев, ибо Германия уже была обречена, — им нужно было внедрить в России такую власть, которая подобно вирусу или раковым клеткам потом разрушала бы ее сама, создавая видимость якобы самостоятельности и даже враждебности Западу. Такой якобы «враг» Западу на самом деле не опасен, ибо несопоставим по ресурсам, — но зато позволяет под предлогом защиты от «большевистской угрозы» поставить под контроль «закулисы» все ранее самостоятельные государства, а также организовать новую мировую войну для их истощения и еще большего подчинения. С этой целью затем был приведен к власти Гитлер и др. А сами большевики, овладевшие Россией, как татаро-монголы, путем террора и геноцида национальной элиты всех сословий, выполнили ту самую задачу, которую Запад ставил перед собой уже за много веков до этого. За 70 лет бывший великий народ был превращен в толпу без национальности, без Бога и совести, движимый лишь корыстью и завистью. Люди, сохранившие русский национальный характер теперь являются редкими маргиналами.

Именно с этой целью на Западе была создана самая разрушительная антихристианианская доктрина — марксизм, и путем навязчивой пропаганды внедрялась по всему миру в качестве «тарана» для разрушения общества. Наивно думать, что если бы Маркс действительно представлял собой угрозу мировому «капиталистическому строю», он бы умер своей смертью. Его бы ликвидировали еще до того, как он отдал в печать свой «Манифест». Но вместо этого загадочным образом его террористическая доктрина не только не запрещается, но наоборот, усиленно пропагандируется как в массах, так и среди университетской профессуры. Например, С. Н. Булгаков был сделан «нерукопожатным» и не защитил свою выдающуюся работу «Капитализм и земледелие» в Московском Императорском университете только потому, что вопреки своей воле честный автор пришел в ней к выводам, противоречащим марксизму. Если в мировоззренческом плане марксизм очевидным образом представляет собой абсолютную дикость и возвращение к понятиям троглодитов, ничего не знающих ни о Боге, ни вообще о чем-то, что превосходит чувственный опыт, то в экономической сфере эта теория не менее абсурдна. Она основана на введении абстракции «простого труда», которой ничего не соответствует в реальности. Никакого «простого труда» не было даже у первобытных людей, не говоря уже о промышленном производстве, — любой труд сложный и разнокачественный, и поэтому его никак нельзя измерять просто количеством потраченного времени. Но эта лживая теоретическая конструкция была специально придумана для пропаганды установления «общественной собственности». Когда большевики попытались установить «общественную собственность», это моментально привело к полному разрушению экономики, тотальному голоду в городах и вооруженным нападениям «продотрядов» на села с целью грабежа продовольствия. У меня нет сомнений, что даже если сам Маркс не понимал, что всё так и должно будет произойти (но это лишь свидетельствует о степени его идиотизма, а вовсе не «гениальности»), то его тайные хозяева из «закулисы», делавшие ему усиленный пиар, очень хорошо всё прогнозировали и именно для этого финансировали марксистов. Эти наивные «враги капитализма» в действительности являются его самыми полезными союзниками — и не только стратегически, но и даже в частных вопросах.

В ходе мятежевойны завоевание государства происходит не внешним врагом, а путем разрушения изнутри, путем пропаганды и оболванивания народа: *«В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим*

будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением». Теперь война идет не между народами, а внутри самого народа в соответствии с пророчеством: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мф. 10: 21). «Мятежевойна есть всенародное движение, движение, в котором борется весь народ, борется физически и главным образом психически: психологическая война требует применения искусства психологического воевания»; «...тотально, от мала до велика, независимо от пола, народ участвует в тотальной войне»; поэтому «теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены если не конвенцией, то явочным порядком»; войны будут протекать «в стратегии «психоядерно», то есть, расщепляя не атомы водорода, но атомы вражеского народа, его духа, его психики. Не будет атомной войны, будет мятежевойна».

Как эффективно противостоять мятежевойне — разложению народов и уничтожению государств? Во-первых, поскольку эта война идет внутри народа — между гнилой («революционной») и здоровой (традиционной) его частью, — то «традиционеры» должны быстро перенимать все методы «революционеров» и отвечать им симметрично, а по возможности еще более жестко и агрессивно. Но это невозможно, если те, кто сопротивляются мятежу, не будут иметь своего профессионально подготовленного «ядра». «Революционеры», как известно, заранее организуются, финансируются и готовятся иностранными спецслужбами, а затем внезапно вводятся в страну, уже приведенную в состояние хаоса. Так, в 1917 году действовало два «эшелона» мятежников — сначала обманутые, но «респектабельные» февралисты, создавшие хаос; а затем они передали власть уже откровенным террористам-большевикам, которым ставилась новая задача — установление максимально жестокого колониального режима, который был нужен Западу для уничтожения исторической православной России. Но всё это стало возможным только потому, что заранее организованная война, с одной стороны, создала огромную массу вооруженных людей, после разложения армии превратившихся в бандитов; а с другой — выбила основную часть профессионального военного сословия, которое было бы способно даже и малыми силами остановить мятеж и восстановить порядок.

Тем самым, важнейшим средством противодействия мятежу является наличие профессионального военного сословия, которое было устойчиво перед любой пропагандой, изначально понимаемая ее подлинные цели. Поэтому, как пишет Е.Э. Месснер, в будущем «мы должны отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких, и тем более хрупких, чем они громаднее... Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силой духа, энергией, удастью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей — готовностью к самопожертвованию, жадой самопожертвования» (Месснер Е.Э. Декадентство в военном искусстве // Военный сборник. Белград. 1928. № 9). То есть следует восстановить традиционное военное сословие со своей особой сословной этикой служения, основанной на религиозном мировоззрении.

В свою очередь, это сословие лишь частично будет входить в официальные силовые структуры, а большей частью — в негосударственные военизированные структуры — т.е., как пишет автор, «эта армия является криптоармией, тайноополчением. В противоположность человеку из мятежемасс, саботажных и вредительских, способному рисковать собой только в моменты массового аффекта, боец криптоармии находит в себе силы пребывать в смертельном риске не только в моменты действия, но и в перерывах между ними, когда противник выслеживает его, преследует». Такой род деятельности возможен только на основе восстановления сословной воинской этики, и никак иначе.

Противостояние мятежу против цивилизации Е.Э. Месснер определял введенным им термином «ре-революция». По его определению, «основные методы революции — террор и диктатура. Ре-революция не будет сговариваться с революцией. Она будет бороться... Ре-революция хочет быть конструктивной и среди руин дореволюционного здания и мишуры революционных декораций найти место и материал для сооружения того, что соответствует вечному стилю данного народа и отвечает его разумным потребностям. Разрушать может всякий Стенька Разин и Емелька Пугачев, а для создания нужны носители творческих, здравых, понятных, приемлемых идей, как патриарх Филарет и Столыпин». Отбор таких людей является вторым, наряду с воссозданием воинского сословия, важнейшим методом противостояния Рево-

люции. В целом, данный тип войны можно определить как эсхатологический, суть которого состоит в противостоянии мировым антихристовым силам.

Уже достаточно очевидно, что XXI век будет веком мятежевойн как основной формой борьбы мировых сил, действующих через марионеточные правительства так называемых «национальных государств». Инфернальная «мировая закулиса» использует в качестве военной «дубины» США и НАТО в целом, но основным ее оружием является мировая финансовая система. Последняя построена таким образом, чтобы «высасывать» через банковские сети прибыль со всего мира и распределять ее по своему усмотрению, в первую очередь создавая эффект искусственных сверхдоходов у населения «золотого миллиарда». Это делается вовсе не в целях благотворительности, а с исключительно прагматическими целями — из западной цивилизации создается иллюзорная витрина «благополучного общества», к которому все должны стремиться, и это усиленно внушается через мировые средства пропаганды. Тот факт, что «золотой миллиард» благоденствует вовсе не за счет своей «эффективности» и «успешности», а за счет банального грабежа путем обмана всего остального мира — этот факт известен тем немногим людям, которые знают, как устроена мировая экономика. Остальные верят пропаганде, работающей в конечном счете на мятежевойну. Витрина «золотого миллиарда» — важнейший элемент глобальной мятежевойны: она заставляет весь мир стремиться к такому же типу жизни и наивно верить, что этому препятствуют исключительно «коррупцированная власть» их страны. На основе такого массового мышления легко создавать протестные настроения, а затем использовать их для госпереворотов и разрушения государств, сопротивляющихся диктатуре «закулисы». По этой технологии был разрушен СССР, а затем она продолжает применяться по всему миру.

Еще более хитрая и утонченная стратегия глобальной мятежевойны состоит в том, что «закулиса» сама создает противников Запада (так наз. «свободного мира»), благодаря чему удачно достигаются сразу несколько целей. 1) Эти режимы сами разрушают традиционную цивилизацию в своих странах, тем самым подготавливая их дальнейшую легкую глобализацию и интеграцию в Pax Americana. Самый катастрофический пример в этом отношении представляет собой Россия. Единственная страна, которой этого до сих пор удалось избежать — это Иран. 2) Эти режимы основаны на терроре собственного народа и тем самым сами же ослабляют его способность к самостоятельности и сопротивлению. Самый ка-

тастрофический пример в этом отношении представляет собой Россия. 3) Эти режимы объявляются «изгоями», они вынуждены самоизолироваться от мира, а это в конце концов дает обратный эффект — идолопоклонство перед Западом основной массы их населения, которое рано или поздно эти режимы и обрушает. СССР здесь служит классическим примером, а Китай — пример того, что и более мягким путем неизбежно приходят к тому же самому результату: эта огромная полностью американизированная страна «третьего мира» лишь прикрывается фиговым листком коммунистических догм, а на самом деле уже давно проглочена мировой экономической системой «закулисы».

Следует признать, что большевистский «эксперимент» Запада в России был катастрофически эффективным — вряд ли какая-то еще другая власть, кроме них, смогла бы принести столько вреда и поставить страну на грань исторического небытия. В 1913 году население России было 175 млн. и оно росло быстрыми темпами, сейчас — около 140 млн., но оно не растет, а сокращается даже не смотря на наплыв мигрантов. В русских областях народ вымирает уже полвека — с 1960-х годов. 100 с лишним лет Россия уже находится в состоянии геноцида — но если в первый период он носил откровенный характер в виде голода, войн и репрессий как неизбежного атрибута оккупационной власти большевиков, то позднее и вплоть до настоящего времени действуют более глубинные факторы геноцида, но также созданные еще большевиками. Это, в первую очередь, разрушение духовно-нравственных оснований русской православной цивилизации, вследствие которых разрушена семья и происходит естественное вымирание населения. Во-вторых, это запущенный большевиками процесс «отрицательного отбора» — сначала в виде физического истребления лучшей части народа, сопротивлявшейся большевистскому режиму, а затем создание социального строя, в котором власть во всех сферах принадлежит моральным подонкам, подавляющим жизнь народа.

В свою очередь, противостояние «большевистской угрозе», именно для этого и созданной, позволило затем «закулисе» покончить с реальным суверенитетом государств Европы и полностью подчинить их своему контролю. Ключевую роль в этом процессе сыграла Вторая мировая война. И большевики, и Гитлер были приведены к власти одними и теми же мировыми силами — с целью затем сравить их между собой в страшной войне на взаимоистребление: была максимально физически ослаблена Россия — около 30 миллионов погиб-

ших; и одновременно ликвидирована Германия как бывшая великая держава.

Похожим «экспериментом» уже самого недавнего времени стало, например, создание т.н. «Исламского государства», запрещенного в России. Являясь продуктом деятельности западных, в первую очередь, американских спецслужб и финансируясь через союзников США в регионе (Сауд. Аравию и др.), «ИГИЛ» выполнил сразу несколько крайне полезных для Запада функций: почти уничтожил Сирию как государство, зачисленное США в «изгой», т.е. сохранявшее реальный суверенитет в своей политике; дискредитировал ислам на мировом уровне, создав образ т.н. «исламского террориста»; привел к наплыву в Европу миллионов якобы «беженцев», которые в будущем будут там использоваться для разрушения старой европейской идентичности; нанес сильный финансовый удар по всем участникам боевых действий в регионе, в том числе и по России. Однако все эти эффекты не новы, а с точностью повторяют, хотя и в намного более скромных масштабах, те бонусы, которые в свое время Запад получил от диктатуры большевиков в России. И подобно тому, как Запад сейчас всегда устраняет своих агентов, создавших террористические организации (Бен-Ладена, Аль-Багдади и др.), так же в свое время устранялись и главари большевиков, организовавшие захват власти в октябре 1917 г., чтобы операция по внедрению этих режимов осталась секретной.

Самым опасным для России вариантом дальнейшей глобальной стратегии является почти уже неизбежная попытка Запада организовать очередную «революцию» в России вновь с опорой на «левые» движения. Дискредитировавшие себя «либералы» уже не смогут стать основой нового переворота, но свою историческую миссию «дерибана» России они уже выполнили в 1990-е, а ныне успешно инкорпорировались в госструктуры, умело изображая из себя «патриотов». Как и в 1917-м на смену либералам-февралистам, может быть пущен в дело «второй эшелон» разрушителей страны в лице левых террористов. Речь идет не об официальной КПРФ, полностью инкорпорированной во власть, а о таких же мелких, но крайне агрессивных группах, какими были никому тогда не известные большевики в 1917 году. Подготовить такие группы совсем не трудно, и ближайшим прецедентом является возникновение «из ниоткуда» очередного «игила» — по тем же самым технологиям. Поскольку жизнеспособность России в настоящее время явно на порядок ниже, чем она была в 1917-м году, то очередная «революционная» катастрофа бу-

дет уже необратимой и быстро приведет к окончательному распаду России как государства. Чтобы этого не произошло, нужно тем, кто ныне находится у власти, сделать стратегию противостояния мятежной не основной государственной политики во всех сферах. Этим людям не стоит надеяться на то, что они успеют убежать за рубеж, — в те страны, в банках которых хранятся честно наворованные ими сбережения. Может быть, кто-то и успеет, но далеко не все. Поэтому лучше сохранить хотя бы такую страну, какая есть, чем лишиться ее вообще.

Однако, как показывает опыт, трудно надеяться на то, что среди нынешней российской как бы «элиты» присутствует такое понимание. Если «закулисе» удалось обмануть несравнимо более умную российскую элиту (тут без кавычек), в феврале 1917 года предавшую царя ради собственных подлых амбиций, то обмануть современных «троглодитов» уже явно не составит никакого труда. Тем более что «механизм» уже отработан на В.Януковиче в 2014 г. Тем самым в сохранении России уже поздно надеяться на государство — уже более 100 лет как поздно. Сохранить Россию теперь может только новая самоорганизация народа, как во времена Минина и Пожарского. Но сейчас это будет сделать намного труднее, чем тогда.

г. Луганск, ЛНР

ДВА РАССКАЗА

НЕАПОЛИТАНСКИЙ РОМАНС

Однажды летним вечером, когда сопки подернулись лиловой дымкой и стали похожи на скалы Неаполитанского залива, старший инженер проектного отдела стройтреста Грышук твердо решил изменить своей жене. Он отбросил все колебания, сомнения и сказал себе, что откладывать — хватит. И вовсе не потому, что была у него девушка, которую он любил больше всего на свете и которая любила его. Не было у Грышука девушки, и любовь не испепеляла его душу. Да и не хотел он всего этого, потому что из рассказов товарищей, из анекдотов и расхожих историй хорошо знал, что такие вещи, как красивая девушка или большая любовь, ни к чему хорошему привести не могут. На память невольно приходили зареванные жены, перепуганные дети, суды по разделу имущества, собрания коллективов, посвященные моральному облику, понижения в должности, урезанная зарплата... Короче — криминал.

Но когда друзья спрашивали у него, изменял ли он жене, Грышук в детали не вдавался и разговора не поддерживал.

ПРОЗА



— Было дело, — коротко отвечал он, улыбаясь задумчиво и отрешенно.

А дела-то никакого и не было. Это угнетало Грышука. Он болезненно переживал свою неполноценность и страдал. Конечно, диплом об окончании института придавал ему уверенность так же, как и должность старшего инженера. Его уважал начальник. Друзья относились к нему всерьез. Машинистки из отдела не прочь были переброситься с Грышуксом двусмысленной шуткой. Они видели, что это как-то будоражит его, во всяком случае, не оставляет равнодушным.

Что касается внешности, то и здесь Грышук мог быть спокойным. Сто семьдесят два сантиметра рост. В меру широкие плечи, прямые ноги. Правда, у него слегка наметились залысины, но их вполне можно было принять за естественную высоту лба.

И все-таки каждый раз, когда заходил разговор о любовных приключениях, Грышук настораживался, опасаясь, что кто-то догадается о его постыдной тайне. Он искренне и с удовольствием смеялся над чужими неудачами, слегка презирал людей за неполное среднее образование, беззлобно потешался над опальными сотрудниками, но не мог, не мог отдаться радости до конца. Для полного духовного спокойствия Грышуксу нужно было маленькое, совсем небольшое чувство превосходства. Иначе он ощущал подавленность, жизнь тереяла краски, становилась серой, унылой.

А еще душа Грышука время от времени требовала новизны, тревожной неизвестности. Разумеется, чтобы удовлетворить эти требования, можно было уйти с рыбаками на полгода в море или ответить начальнику, что его замечания неуместны, или устроить на собрании маленькую заварушку... Много чего можно было сделать, но всё это было чревато неприятными последствиями, а Грышук не любил неприятные последствия.

Мысль об измене терзала Грышука всё больше. Женщин, которых он видел в автобусах, на улице, на работе, Грышук невольно рассматривал как возможных кандидаток, придирчиво отмечал их недостатки, браковал, и всё это делал со скупающим, маскирующим выражением лица. Если раньше у него была просто идея, чистая и свободная, как утренний ветерок, то теперь стоило ему лишь мельком взглянуть на девушку, как перед ним, словно на экране, пронеслись картины, одна другой красочней и откровеннее. Девушка проходила мимо, а он уже искал глазами вторую, третью. Утренний ветерок постепенно превращался в ураган, разрушающий все радости обычной жизни.

Грышук стал рассеянным и раздражительным. Даже читая о любви хорошей девушки к парню, он ревновал, будто это была его девушка, но зато, если парня постигала неудача, Грышук искренне радовался, как при свершении какой-то высшей справедливости.

Все это не могло продолжаться слишком долго, и наконец настал вечер, когда Грышук принял решение. Будто предчувствуя, какое испытание ожидает его, он еще утром надел белую рубашку, пристегнул капроновый галстук с вечным узлом и начистил туфли. Сидя в отделе, Грышук всё больше волновался, ощущая в груди непривычный холодок. Он несколько раз выходил в туалет и обеспокоенно приныкал к тусклому, шелушащемуся зеркалу. Из глубины мутного стекла, будто из какого-то другого мира, на него смотрел бледный человек с затравленными глазами.

После обеда Грышук совсем растревожился. Во рту у него было сухо, приходилось поминутно облизывать губы. Но в нём росла и уверенность в правильности принятого решения, от обычной вялости не осталось и следа.

— Нашего Грышука сегодня не узнать! — сказала со смехом первая красавица отдела тонконогая Лидочка.

Грышук лишь улыбнулся. Улыбка получилась достойная и пренебрежительная, не говоря уже о том, что она была хороша и сама по себе. Улыбка бледного от волнения, но решительного молодого человека, умеющего держать себя в руках. Еще вчера он продолжил бы разговор, постарался бы подольше задержать на себе Лидочкино внимание, выпрашивая, что же именно произвело на нее впечатление, почему ей показалось, что он выглядит иначе, но сегодня... Сегодня он уже был человеком, образ жизни которого слишком далек от понимания этой конторской красотки.

Когда прозвенел звонок, известивший об окончании рабочего дня, Грышук растерялся, но быстро совладал с волнением. «В конце концов, — подумал он, — чем я хуже кого бы то ни было? Чем? У меня диплом, высшее образование, отличная должность, в трудовой книжке несколько благодарностей, а их просто так не записывают. Я на хорошем счету, меня ценит начальство. Каждый раз, когда заходит разговор об отпуске, начинается целая канитель, будто без меня и работать некому. В сейфе месткома нет ни одного протокола без моего выступления, в президиуме доводилось сидеть, а это не фунт изюма. Избирали секретарем собрания. Ближайшие перевыборы — и я в месткоме. А встанет вопрос о руководителе отдела — список кандидатур возглавит моя фамилия. И если я иду сегодня на это,

то просто потому, что мне это нужно для работы. Да, для работы. Я не хочу, чтобы какие-то посторонние мысли отвлекали меня от основного. Жена? Мне нужно убедиться в ее превосходстве. Вот так».

Грышук быстро, почти механически складывал в стол карандаши, резинку, лезвия, логарифмическую линейку. Потом снял лист с доски и, свернув его, тоже сунул в стол. Упершись руками в чертежную доску, он постоял несколько секунд, резко оттолкнулся, как бы отбрасывая последние сомнения, и быстрой деловой походкой вышел из здания.

Вечер был тихий и теплый. А когда солнце зашло за сопки, они в самом деле стали похожи на лиловые скалы Неаполитанского залива. Грышук много раз видел их на открытках, репродукциях с картин старых мастеров и, не задумываясь, закаты на знаменитом заливе считал почему-то образцом настоящих закатов. К здешним, островным закатам, восходам, к здешним веснам и осеням Грышук относился как к чему-то самодельному, грубому. Даже не догадываясь об этом, но к людям, с которыми он жил, работал, Грышук тоже относился лишь как к неполноценному подобию людей, живущих на берегах того залива. О женщинах и говорить не приходилось, и в подметки не годились они тем юным, загорелым и отчаянным созданиям, которых он видел на цветных открытках, журнальных обложках, на фотографиях, сделанных в районе прославленного залива.

Легко и уверенно, сунув одну руку в карман брюк, а во второй держа сигарету, Грышук спускался к главному проспекту. В столовой он выпил стакан вина, потом в кафе — еще один. И почувствовал себя в норме.

Продавщица из магазина подарков, толстененькая, рыжеватая, красивая девушка, у которой Грышук спросил, что она делает сегодня вечером, внимательно посмотрела на него и подозвала подругу из соседнего отдела:

— Вот этот товарищ с круглыми глазами спрашивает, что я делаю сегодня вечером, представляешь? В баню, дяденька, иду, в баню.

Грышук выскочил из магазина, зашел в сквер и обессиленно опустился на скамейку рядом с какой-то женщиной. В его ушах всё еще звенел смех девушек. Переведя дух, он скосил взгляд на женщину и подумал, что она не так уж и плоха. Правда, одного с ним возраста... И туфли у нее в пыли, и маникюр далеко не свежий... И юбка какого-то спецовочного цвета, но...

— Между прочим, — сказал он, — у нас давно не было такого заката. Очень красивый.

Женщина промолчала. Но он почувствовал, что промолчала она участливо, просто его слова не обязывали к ответу.

— Как на Неаполитанском заливе, — сказал Грышук.

— А вы видели... закат на Неаполитанском заливе?

— У меня есть открытка...

— А-а...

— Правда, здесь нет кипарисов, пальм...

— А разве под Неаполем растут пальмы? — удивилась женщина.

— А разве нет? — Грышук не знал, растут ли пальмы под Неаполем.

Посмотрев на женщину в упор, он понял, что она ему нравится. Он на скорую руку представил, как будет изменять с ней, и то, что увидел, понравилось ему. Женщина была загорелая, со светлыми выгоревшими волосами. Недавно с материка, подумал он. Грышук увидел ее ровные белые зубы, свежие губы... «Долгий поцелуй, — подумал он. — И закрывает глаза... И поднимается на цыпочки... Это если мы будем целоваться стоя...»

— Как вас зовут? — спросил Грышук взволнованно и с легкой хрипотцой.

— Скажите, а вам жена разрешает знакомиться с женщинами в скверах?

— Жена?

— Господи, у вас на лбу написано, что ваша жена — полная и тихая женщина, обожает праздники, что, когда выпьет, любит попеть, потанцевать, что сейчас она уже поглядывает на часы... Авоська при вас? Вы всё купили?

Всё сказанное о жене было чистой правдой. Грышук растерялся. За доли секунды он обидчиво подумал о том, что девушки с Неаполитанского залива никогда бы не позволили себе такую бестактность, как упоминание о жене. Еще он подумал, что у этой женщины красивая высокая шея, а у его жены — короткая и некрасивая. Подумал о том, что незнакомка, работая, скорее всего, каким-то кладовщиком или счетоводом, позволяет себе вот так разговаривать с ним, со старшим инженером, будущим начальником отдела. Подумал о том, что, если бы она перешла работать в их отдел, он бы поговорил с ней иначе. И понял, что ничего у него с ней не получится, она слишком трезва, ограничена...

Поднимаясь со скамейки, он прощально посмотрел на ее смеющийся рот, в ее глаза, наполненные каким-то шалым смехом, и уже открыл было рот, чтобы сказать нечто значительное, убивающее наповал, но не успел.

— Идите, — сказала женщина почти по-матерински. — Идите, пока еще не кончился закат и ваша жена...

— Оставьте в покое мою жену! — сказал Грышук неожиданно тонким голосом. — Всего хорошего.

— Счастливо. И мой вам совет — идите домой.

— Неужели вам больше некому советовать? — едко спросил Грышук.

— Идите, — нежно повторила женщина.

Грышук снисходительно улыбнулся. Выйдя на проспект, он быстро зашагал от сквера, постепенно приходя в себя. К этому времени уже стемнело, загорелись щербатые неоновые рекламы, огни светофоров стали ярче и тревожней, а разноцветные окна настраивали на особый, вечерний лад, когда хочется чего-то совсем иного, чем днем. Сегодня Грышук хорошо знал, чего хотел, но он смирился с поражением, и это странным образом успокоило его.

Он зашел в гастроном «Рябинка», взял маленькую чашку черного кофе и устроился за столиком в углу. Рядом с ним оказалась высокая девушка с прямыми длинными волосами и в очках. Обхватив тонкими пальцами чашку, девушка через стекло витрины смотрела на улицу. Еще подходя к столику, Грышук отметил, что у нее вполне приличные ноги. Когда он мельком заглянул ей в глаза, то сквозь сверкающие грани стекол очков увидел выражение, знакомое по цветным фотографиям, привезенным с далеких заливов, проливов, островов и полуостровов. И неожиданно для самого себя сказал что-то естественное и простое.

— Ваш кофе уже, наверное, остыл, — добавил он, когда девушка промолчала. — Может, заменить?

— Замените, — улыбнулась она. Грышук поднялся, подошел к прилавку и заказал еще одну чашку.

— Двойной, пожалуйста, — сказала девушка.

— Двойной, пожалуйста, — повторил Грышук продавцу.

— Спасибо, — сказала девушка, когда он поставил перед ней чашку. — Вы тоже пьете двойной?

— Да нет... нормальный.

— Ну, нормальный — это не кофе. Это так... Бурда, расчитанная на сердечников, почечников... Чтобы выпить настоящего кофе, надо заказывать хотя бы двойной.

— Когда мне хочется выпить, я вообще заказываю что-нибудь другое, — улыбнулся Грышук.

— Можно и вино, — согласилась девушка. — Но... кофе лучше.

— И вам никогда не хочется вина? — спросил Грышук взволнованно и чуть хрипло.

Девушка внимательно посмотрела на него и улыбнулась. Гришуку не понравилась ее улыбка. Он исподтишка осмотрел себя, но все было в порядке. Когда он так же внимательно окинул взглядом девушку, то поразился ее какой-то неуловимой изысканности. Впрочем, сказать, что он поразился, будет неверно. Он просто отметил ее утонченность, что ли, так и не поняв, из чего она складывалась. Перстень с продолговатым камешком, белая блуза, очки без оправы... И быстрая улыбка... Казалось, будто она по-разному улыбалась каждому услышанному слову.

— Вина? — переспросила девушка. — Нет, почему же, иногда хочется. Но чаще — кофе. Оно дает... как бы это... более качественное опьянение.

— Какое? — не понял Гришук.

— Даже не знаю, как вам объяснить... Пьянея, человек приходит в состояние... ненормальное, верно? Ну так вот, когда он пьет вино, это состояние заключается в том, что он начинает видеть меньше. Понимаете? А когда он пьет кофе, он тоже пьянеет, но видит и чувствует гораздо больше, чем обычно.

— Интересно, — сказал Гришук. — Я такого не замечал.

— Потому что вы пьете одинарный кофе, — ответила девушка и опять улыбнулась. — Возможно, правильное было бы сказать — ординарный.

Гришук этого слова не знал, но на всякий случай улыбнулся.

— Как вас зовут? — спросил он.

— А как вы думаете?

— Мм... Я все равно не угадаю.

— И не надо. Зачем вам угадывать... Скажите так...

— Тогда... Дина.

— Ну что ж.... Согласна. Пусть будет Дина. Это не так уж плохо. Во всяком случае, лучше, чем... А вас, наверно, зовут Федя?

— Нет, на Федю я не согласен.

— Почему?

— Я надеялся на что-то более... Мм...

— Понятно. Тогда давайте сделаем вот что... Раз уж я все равно у вас в долгу за кофе... — Девушка открыла свою сумочку и вынула маленький сверток. — Снимите свой галстук.

— Зачем? — не понял Гришук.

— Сейчас увидите. Снимите же...

Она протянула к нему руки, нащупала сзади под воротником зажим и легко разъединила резинки, на которых дер-

жался его зеленый капроновый галстук. Грышук совсем рядом увидел ее глаза за стеклами очков, улыбку, почувствовал запах незнакомых духов и вдруг опять заволновался, поняв, что у него с этой девушкой завязываются какие-то отношения, а как раз этого он боялся больше всего. Он опасался, что ему придется говорить о своей жизни, выслушивать, что будет говорить о себе девушка. Вот если бы он мог изменить жене с кем-нибудь молча, даже без придуманных имен, без разговоров...

— Ну вот, — сказала девушка. — Так даже лучше. — Она развернула сверток — там оказался новенький серый галстук. Легко повязав его, она затянула узел, опустила воротник рубашки.

— Капроновый галстук вам не нравится? — спросил Грышук.

— Вы же не ходите по улицам в калошах на босу ногу!

— Это одно и то же?

— Почти. Вон зеркало, посмотрите...

Грышук обернулся. Серый галстук из тусклой ткани с тремя красными квадратиками придал ему какую-то вечернюю нарядность, новизну.

— Спасибо, — сказал он. — У вас всегда в сумочке есть лишние галстуки?

— Нет, не всегда. Теперь, если вы не против, я согласна назвать вас Сергеем.

— Ну, это куда ни шло...

— Вот и отлично! Мне пора, Сережа. До свидания.

— Как пора? Вы уходите? К... куда?

— Туда, где меня ждут... Как и вас, наверно.

— Так что... на этом мы и расстанемся?

— Вы напрасно со мной познакомились. Я же не в вашем вкусе... Вам будет хлопотно со мной... И потом... вы спешите... Разве нет?

— Я не спешу, опаздываю — да. Но не спешу.

— Знаете, Сережа... Вы уверены, что вам хочется еще посидеть здесь? Со мной? Нет, вы в этом не уверены... На вас подействовал вечер и... кофе. Это всё кофе. Я ведь предупредила, что после него видишь гораздо больше, чем есть на самом деле... Завтра утром я буду...

— Я тоже по утрам предпочитаю не подходить к зеркалу... И даже бреюсь на ощупь. Поэтому у меня и виски всегда кривые... Вот посмотрите...

И Грышук, повернув голову в одну сторону, потом в другую, показал девушке куцые пучки шерсти возле ушей.

— Действительно кривые, — засмеялась она.

— Но я провожу вас? — сказал Грышук.

— Проводите... Это недалеко.

Когда они выходили, им в глаза ударил яркий свет фар. Взглянув в этот момент на девушку, Грышук подумал, что она в самом деле не так уж красива и уж несколько не похожа на женщин с картин старых мастеров. А именно их он считал образцом, на них походила его жена. Поэтому он и женился на ней в свое время. У него перед глазами вдруг возникла открытка: громадная, уходящая в темную бесконечность кровать, а на ней — большая розовая женщина с волнующим животом, лежащим на алой ткани. Да, кажется, на алой. И подпись: «Даная». Потому-то он и незнакомку неожиданно для себя назвал Диной. Все-таки созвучно. И красиво. Но, скосив взгляд на девушку, Грышук подумал, что та кровать была бы для нее велика, да и живот ее не лежал бы так свободно и независимо, как у той женщины. Но он был благодарен девушке за то, что она сама избавляла его от хлопот, связанных с прощанием. Зная, что через несколько минут они разойдутся в разные стороны, Грышук почувствовал себя легко и непринужденно.

По темной улочке они вышли к берегу. Наступила тихая темная ночь, и не было видно даже волн, которые шуршали у самых ног. Потом выглянула луна, и низенькие пенистые барашки засветились тускло и переменчиво. Начался отлив.

— Идемте, — сказала девушка. — Уже поздно.

Она поправила ему галстук, улыбнулась, и Грышук неожиданно для самого себя обнял девушку и поцеловал в щеку. Возможно, он полагал, что это единственный способ попрощаться и избежать разговоров, которые неизбежно ведут к завязыванию отношений, а может быть, он просто не совладал с собой, изнуренный вечерними неудачами. Однако, как бы там ни было, обняв девушку, Грышук вдруг почувствовал, что на него навалились все те ощущения, которые он переживал лет десять назад и о которых совсем забыл. Страх, что все это сейчас кончится, оборвется навсегда, усиливал ощущение горького счастья — девушка была рядом и будет с ним еще несколько мгновений. Но время сейчас не имело никакого значения. Секунды это будет продолжаться или годы — неважно. Сжав ладонями ее худенькие плечи, Грышук с трудом проглотил подкативший к горлу комок. Было в этом прощании что-то уж очень печальное, будто он расставался не только с этой безымянной девушкой, но и со своей молодостью, с самим собой, с той жизнью, к которой все время так безнадежно стремился.

Счастье кончилось. Все еще обнимая девушку, Грышук уже страдал от того, что больше это не повторится, что вряд ли он осмелится даже подойти к ней, если они случайно встретятся на улице. Эта мысль растрогала его, и он увидел, как фонарь невдалеке раздвоился и поплыл. Грышук плотно сжал веки, потом разжал их. Фонарь снова был на своем месте, но на ресницах остались маленькие тяжелые слезинки. Девушка хотела было освободиться, но Грышук еще крепче прижал ее к себе, не в силах сказать ни слова, не имея слов. Так они постояли некоторое время, и Грышук с чувством, начисто забытым, целовал ее в щеки, шею, губы. Девушка ладонью провела по его лицу и отшатнулась:

— Боже, что с вами?!

— А черт его знает, — ответил он хрипло и естественно. Взглянув на бледное в лунном свете лицо девушки, снова припал к ней, молча, с каким-то глухим стоном, как припадают пересохшими губами к ручью после долгого блуждания в пустыне. Грышук почувствовал, как оживает его парализованная, скованная душа, будто выбрасывает слабые зеленые листья, завязи будущих цветов, становится зыбкой и уязвимой. И всё вокруг тоже теряло жесткость и незыблемость. Грышук скорее ощутил, чем понял, что всё вокруг установлено не раз и навсегда, что возможны перемены — большие, неожиданные. Он испугался своего открытия, но это был радостный испуг. В изменчивости, которую он увидел вокруг, была сила более высокого порядка, чем в скованности и жесткости. И короткое, как вспышка, прозрение вдруг осветило его, а впрочем, вполне возможно, что ослепило. Он понял, что слишком слаб, слишком привязан к очень многим вещам, чтобы вот так, сразу, безнаказанно перейти в другой мир, живой и переменчивый.

Грышук, промывав что-то невнятно, оторвал себя от девушки и, не оборачиваясь, быстро зашагал по плотному мокрому песку, который еще совсем недавно был под водой. Грышук не знал, осталась ли девушка на месте, или тут же ушла, или идет следом, он не хотел этого знать, об этом помнить, он закрыл всего себя наглухо, намертво и шагал, слыша только, как упруго скрипит песок у него под ногами.

Луну снова затянуло тучами, и уже нельзя было даже определить, где она была минуту назад. Сквозь низкий туман только ближние огоньки городка светились тускло и как-то беспомощно. А рядом с Грышуком, прямо у его ног начинался океан, этот большой черный провал, из которого доносились слабые всплески невидимых волн, будто какое-то доброе чудовище выбралось из глубин и перебирало губами водоросли.

Грышук остановился и долго всматривался в темноту. Ни одного огонька не увидел он, океан был пугающе пуст и безжизнен. Грышук представил, как эта бесконечная поверхность воды круто выгибается, повторяя форму планеты, и где-то очень далеко отсюда, с другой стороны, начинает светлеть и постепенно наливаясь голубизной. Он представил, как в это самое мгновение розовые утренние лучи освещают скалы Неаполитанского залива, и с мстительным наслаждением почувствовал, что нет в нем ни малейшего желания быть там.

Подходя к своему дому, он почти успокоился. Но когда увидел свет в задернутом кухонном окне, скользнувшую по занавескам тень жены, сердце его заколотилось, как у человека, который возвращается домой из далекого и опасного путешествия. Едва жена открыла дверь, Грышук широко перешагнул порог и прижался к ее большой груди, к ее большому животу, как прижимаются дети к юбке матери, ища успокоения и защиты. Грышука охватило такое чувство, будто он избежал большой опасности, будто он мог совершить страшное преступление и только случайность да выдержка уберегли его от падения.

ГОЛОСА РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Июнь — это не тот месяц, который стоит проводить в Макарове, и, что представляют собой номера макаровской гостиницы в июне, я уже знал. Сырой воздух, тяжелые, отсыревшие подушки, холодные простыни, от одного вида которых пробирал озноб, да еще эти разноцветные потеки на стенах... Влажными были даже шторы. Я всегда старался побыстрее выбраться отсюда.

Едва я вошел в номер, как с кровати поднялся этот человек. Высокий, худой, с большими растерянными глазами. О нем так и хотелось сказать — белобрысый, хотя это слово не очень-то вяжется с человеком, которому давно за сорок. Вряд ли он был счастлив или, на худой конец, доволен собой. Он стоял у кровати, переминался с ноги на ногу и никак не мог придумать, что бы этакое сказать.

— Извините, — вдруг проговорил он высоким голосом, — вы здесь будете жить?

— Жить не жить, а переночевать придется.

— Да, место не очень уютное...

— Давно на острове? — спросил я.

— Третий год. Скоро будет три. — В его голосе прозвучало что-то детское. Так отвечает ребенок, когда хорошо знает, о чем его спрашивают.

— Не надоело?

— Какое это имеет значение, — улыбнулся он. — В этой гостинице я живу уже третий год... Работаю экономистом на бумажной фабрике... И они на семьдесят процентов оплачивают мои гостиничные счета...

— Кажется, вам здесь не очень весело?

— Откровенно говоря, мне никогда не было очень весело... Да я и не думаю, что к этому нужно стремиться... к веселию, — ответил он. — И знаете, коль уж нам придется ночевать вместе, давайте познакомимся... Меня зовут Костя.

Пока я раздевался, вешал плащ в размокший шкаф с незакрывающимися дверцами, он стоял у окна и смотрел, как рваные клочья тумана медленно продвигались между сопками, затопляли распадки, расплзались по улицам. Верхушки сопки, еще видные за пеленой дождя, были отрезаны от земли туманом и, казалось, плавали в воздухе. Туман проник в дома, в квартиры, просачивался сквозь одежду. В этот день я проехал полсотни километров в кузове грузовика и чувствовал, что туман добрался до самых костей. Нет, такую погоду не назовешь приятной.

— А между тем месяц назад здесь была отличная погода, — сказал Костя, не оборачиваясь.

— Что же с ней случилось?

— А вы не знаете? — обрадованно обернулся он. — С севера пошли льды Охотского моря. Они только сейчас начинают откалываться. И плывут на юг вдоль всего острова. Отсюда и похолодание, и дожди, и эти вот туманы...

— Сколько же им еще идти?

— В июле погода установится.

— Ну спасибо, утешили, — улыбнулся я и направился к выходу. И пока шел — чувствовал, что он смотрит мне в спину, мучительно хочет что-то сказать и никак не решится. Я невольно обернулся и увидел чуть ли не ужас в его глазах. Потом уж до меня дошло — он боялся остаться один.

— Пойдите, — сказал он так, словно эта мысль только сейчас пришла ему в голову, — а не поужинать ли нам вместе? — и столько вымученной непосредственности было во всей его фигуре, в улыбке, во взгляде. — Надо же чем-то заняться... Идти некуда, а сегодня суббота... завтра воскресенье...

Увидев, что я согласен пойти с ним, Костя засуетился, подтянул ремень на брюках, набросил на себя серый пиджак с обвисшими плечами, одним шагом пересек комнату и согнулся перед низко повешенным зеркалом, чтобы пригладить длинные прямые волосы. Он прошел вперед, показывая мне, где ресторан, и я видел, как развеваются его широкие шта-

пельные штанины. Коридор был узким, мы не могли идти рядом, и Костя поминутно оглядывался, будто хотел убедиться, что я не нырнул в какую-нибудь боковую дверь. По всему было видно, что ему в самом деле приятно оттого, что мы идем в ресторан. Его глаза заговорщицки светились.

Я уже бывал в этом ресторане с маленьким залом, лиловыми стенами, желтыми занавесками и жирными полиэтиленовыми пленками поверх скатертей. Мы сели за столик в самом углу. Подошла официантка и сказала, что, кроме пива, ничего нет. Но, выслушав путаную речь Кости, обещала еще раз поискать.

— Вы знаете, — сказал Костя, когда она отошла, — все-таки самое страшное бывает не в тех случаях, когда нечего выпить или не на что. Это пустяки. На нет и суда нет. Хуже всего, когда не с кем выпить.

— А бывает и такое?

— Ого! Еще и как бывает! И вот тогда становится паршиво по-настоящему. Не скажу, что водка доставляет мне такую уж радость, но она стала таким ускорителем общения, вы согласны? Темпы жизни скоростные, времени у всех мало, добиваться духовной близости обычными методами, темпами... слишком накладно... По времени накладно. Вы согласны?

Я был согласен. Не один раз приходилось замечать, как людям после целого дня стерилизованных отношений на работе хотелось самого простого — беззаботной болтовни о прошлогоднем снеге, о завтрашней погоде, оторванной накануне пуговице. И под шумок, между прочим, можно сказать и то, о чем плачут, перепившись, о чем душа болит. В случайной забегаловке за вторым или третьим стаканом белого крепкого можно рассказать о том, как выходила замуж твоя девушка, после чего перестал писать твой друг, почему тебе, кладовщику или снабженцу, неудобно встречаться со своими однокашниками.

Конечно, затевать такие разговоры на трезвую голову просто неудобно. Особенно с близким человеком. Обо всем этом можно говорить лишь с самим собой. Впрочем, пьяный разговор и есть разговор с самим собой. Кто знает, удержится ли хороший приятель от соблазна воспользоваться знанием твоих слабых мест. А случайный человек... Он забудет обо всем через минуту, даже если и услышит тебя.

Подошла официантка и молча поставила на стол бутылку сухого алжирского вина, заливные морские гребешки и красные ломти жареной кеты. В этот день по всему острову твердо выдерживалось рыбное меню. Во всех столовых, ресторанах, кафе можно было взять только дары моря.

— Знаете, — сказал Костя, — раньше стакан вина всегда давал ощущение подъема, свободы, раскованности... Ощущение весны. Ты молод, ты все можешь, впереди большая, интересная жизнь, тебя ждет прекрасная девушка, и не позже как сегодня вечером ты познакомишься с ней, если не знаком до сих пор...

— В свое время все ощущали это и без вина.

— Да. В свое время. Потом такое ощущение давало вино. А сейчас, — Костя поднял не очень чистый стакан и грустно посмотрел на его грани, — сейчас оно дает только аппетит. Ну и раскованность, скорее — развязность. Но его продолжаешь пить, надеясь снова испытать то первое безалкогольное опьянение... Смотрите! — вдруг крикнул он, показывая в окно. — Это он!

— Кто?

Но Костя не слышал. Мелькнула по залу его длинная фигура, и через несколько секунд он уже пробежал по улице мимо окна.

— Что? Один уже хорош? — спросила официантка, проходя мимо. Она брезгливо повела плечом и вскинула голову. Есть такие официантки, они никогда не упускают случая показать, как презирают людей, которых им приходится обслуживать.

Костя вернулся минут через пять взволнованный, с радостными глазами.

— Это надо же! — воскликнул он. — Здесь, в центре острова, в этом глухом поселочке, встретить друга! Это надо же, а!

— Что ж вы не позвали его?

— Да звал я! Спешит! Обещал вечером заглянуть в номер. Представляете, будет встреча!

И всё. Начиная с этого момента Костя говорил только о своем друге, о том, как они встретятся и что нужно сделать, чтобы эта встреча прошла по-настоящему. Мы наспех выпили вино и поднялись наверх. Костя тут же развернул бурную деятельность. Он упросил дежурную заменить скатерть на столе, сам подмел комнату, протер сырую пыль на подоконнике, заново перестелил все койки. Потом ему пришла в голову мысль достать музыку, и он кинулся было в соседний номер за магнитофоном, но я остановил его:

— Зачем? Не будете же вы с другом танцевать...

— И то верно, — согласился Костя.

И тут же принялся накрывать на стол. Он принес из ресторана несколько морских салатов, договорился о втором. Видя, что встреча намечается по высшему разряду, я достал из чемодана пару баночек с икрой, и Костя совсем растрогался.

Он надел свежую рубашку и сбежал за утюгом, чтобы выгладить брюки.

— Оказывается, совсем не обязательно пить вино, чтобы ощутить себя молодым, — сказал я.

— Но мы же пили вино! — засмеялся Костя. Потом он вспомнил, что видел в магазине какие-то хитрые деликатесы, и умчался, попросив меня не отходить от телефона, потому что может позвонить друг.

— Звонил? — спросил он, когда, запыхавшись, вбежал в номер.

— Нет, не звонил.

По улице все так же медленно плыл туман, шел мелкий прямой дождь. Вершины сопок совсем скрылись в низких тучах. Костя не отходил от окна, надеясь увидеть друга, как только тот покажется на улице. Чувствуя неловкость оттого, что столько времени он уделяет другу, Костя поворачивался ко мне.

— Представляете, мы жили в одном дворе, и его дом был как раз напротив нашего. По вечерам там всегда собирались доминошники... И, когда мы садились вместе, нас никто не мог высадить!

Мы с ним учились в одной школе, только он был на два года старше. Он был ужасно рыжим, а сейчас у него ни одной веснушки... И все зубы вставные. Я у него спрашиваю, когда ты успел так состариться? А он смеется. Он всегда смеется...

Знаете, это большое дело — иметь друга, к которому можно прийти, что бы с тобой ни случилось... Прийти и рассказать, не ожидая ни сочувствия, ни утешения, ни любопытства... Просто рассказать, и всё.

Я хотел было включить свет, но Костя попросил меня не делать этого. Будто включить свет, до того как придет друг, будет каким-то предательством по отношению к нему.

Ожидание становилось для Кости невыносимым, и он вышел в коридор, прошелся несколько раз из конца в конец. Я слышал, как, проходя мимо нашей двери, он замедлял шаги, чтобы услышать звонок. Наконец, уже в девятом часу, Костя не выдержал. Он надел плащ, фуражку с длинным прямым козырьком и резиновые сапоги.

— Пойду встречу его, — сказал он. — А то еще в темноте гостиницу не найдет... Он остановился у какого-то сослуживца. Он здесь проездом...

Из окна я видел, как Костя, постояв несколько минут на крыльце, поднял воротник и решительно двинулся в темноту.

По радио передавали концерт для рыбаков дальних экспе-

диций. Передача называлась «Голоса родных и близких». Если бы не обращения: «Здравствуй, Петя», «Здравствуй, Миша», «Здравствуй, Ваня», можно было бы подумать, что все время одна и та же женщина обращается к одному и тому же мужчине...

«У нас все хорошо... Скорее возвращайся... Удачного лова... Скучаю... Целую... жду...»

Где-то у самых американских берегов тоже плыл сырой туман, шел дождь и бородатые ребята ждали этого часа, чтобы услышать эту передачу. А здесь ждали их телеграмм, писем... И весь остров, вытянутый на сотни километров, напоминал большой корабль, на котором очень многие чего-то ждали...

Костя вошел, резко распахнув дверь. С его плаща стекала вода, фуражка промокла насквозь. Увидев, что в комнате темно, он не стал ничего спрашивать. Постоял, потоптался у порога и снова вышел.

Потом неожиданно вернулся.

— Я, наверно, выгляжу смешно, — сказал он, — но, знаете, я почти три года не видел ни одного человека, которого бы знал раньше. Как на другую планету попал. В общем-то расстояние не ощущается, просто какая-то изолированность... Будто живу в своем городе, но только в районе, где никогда не был... А может, дело в другом... Может...

Он вышел, не договорив.

Я включил свет.

Накрытый стол сиял во всем великолепии. Казалось, он сам излучал свет. Оранжевыми искорками поблескивала красная икра. От морских гребешков шел яркий белый свет. Жестко, как хирургические инструменты, сверкала ресторанная посуда.

Костины шаги я услышал в коридоре. Он побежал еще на улице, когда увидел свет в окне нашего номера. Распахнув дверь, он остановился на пороге. Радость медленно сходила с его лица, хотя морщины, складки на лице всё еще были расположены в виде улыбки.

— Ну что ж... Я думаю, нам надо выпить, — проговорил он устало. — Не пропадать же добру. — Костя как-то замедленно снял плащ, бросил его на спинку кровати, положил фуражку на батарею и присел к столу. Потом, заметив, что вода с плаща стекает прямо на одеяло, поднялся и повесил его на угол двери.

Я видел, что ему сейчас не до разговоров, но пить коньяк и молчать тоже никуда не годилось.

-
- Послушайте, Костя, как вы сюда попали? — спросил я.
- Как попал... Купил билет и прилетел.
- Зачем?
- А кто его знает... Хотя... Конечно, я знаю, зачем я сюда приехал. Мне нужно было знать, что я смогу сюда приехать. Я должен был доказать, что я смогу сюда приехать.
- Доказать самому себе?
- Не только. Сам я никогда не сомневался в этом... Наверно, в любой компании есть человек, над которым каждый считает своим долгом пошутить. Но шутка остается таковой, пока она в единственном числе... Потом шутка становится насмешкой. Сколько бы ни было в ней благожелательности и прочих... маскхалатов. Это одна из причин, причем далеко не самая главная... Но ведь мы не всегда руководствуемся главными соображениями, верно? Иногда пустяк заставляет сделать поворот... Осенний дым, снег на подоконнике, чей-то насмешливый взгляд... Мало ли... И я решил уехать. Ненадолго, но как можно дальше. Этот остров всегда вызывал у них чувства, близкие к ужасу... И я выбрал его. Знаете, люди имеют обыкновение пренебрежительно отзываться о вещах, которые им недоступны, которых боятся...
- Он замолчал, глядя перед собой всё с тем же выражением.
- А почему бы вам не съездить в отпуск? По-моему, кроме права бесплатного проезда на материк и обратно вы заработали где-то месяцев пять отпуска...
- Да, очевидно, придется съездить...
- Да почему придется?! Просто съездить. Или вас что-то держит?
- Держит, — улыбнулся Костя и с силой потер ладонью лицо. — Вы не поверите — боюсь.
- Бойтесь? Чего?
- Засмеют. Видите ли, одни и те же поступки могут вызывать и самое неподдельное восхищение, и столь же искреннюю насмешку. В зависимости от того, кто совершает эти поступки... Мне кажется, что поступки... как одежда... Они должны быть впору человеку... Ни на размер больше, ни на размер меньше. Этот мой бросок на остров — поступок на несколько номеров больше того, на что я имею право. Он висит на мне, как одежда великана. С этим поступком я кажусь себе смешным. И не только себе.
- Я, например, ничего смешного не вижу.
- А! Вот вы, почти незнакомый мне человек, с которым я завтра расстанусь и никогда больше не увижусь, вы знаете, почему я так много рассказываю вам о своем друге? Потому что на большее не решаюсь. Боюсь. И вы меня бойтесь.
-

И всё это очень грустно... Боже, сколько страхов! Страх показаться смешным, глупым, страх сказать не то, что от тебя ждут... Это все время меня гнетет! Я надеялся, что здесь, на острове, мне удастся избавиться от этого... Не удалось.

— Вам нужно обзавестись друзьями.

Костя вскочил, подошел к окну, прижался лбом к стеклу, потом резко обернулся.

— Вы заметили, что люди чаще не объясняются в любви, а оправдываются в ней? А человек, совершивший по-настоящему благородный поступок, ищет для него какое-то не очень красивое оправдание... Пусть он это делает в шутку, но делает! Зачем? Какая-то непонятная мода на грубость, бесцеремонность... Даже искреннее участие стремятся выразить как-то пренебрежительно, словно бояться, что их могут заподозрить в порядочности. А вы замечали, как боятся люди сказать друг другу хорошие слова? Все ищут какие-то нейтральные, совершают нейтральные поступки, рассказывают нейтральные анекдоты... И так к этому привыкают, что даже перед самим собой боятся назвать вещи своими именами.

— А ведь вы тоже не раскрылись, — сказал я. — И слова ваши тоже довольно нейтральные...

— Да! Да, черт возьми! Потому что я так привык к этим стерильным словам, что не могу пользоваться другими! Это как спирт! Я не могу пить чистый спирт, потому что привык к разбавленному.

— Ну что ж, давайте выпьем разбавленного... За то, чтобы мы не опасались друг друга.

Я уезжал на следующий вечер, и Костя пошел меня провожать. Из гостиницы мы вышли, когда совсем уже стемнело. Дождь на какое-то время кончился, и только туман бесконечными валами сползал с сопки, медленно двигался по улицам, переваливал через крыши домов и уходил в море.

До отхода поезда было далеко, и мы пошли к берегу. Прилив еще не начался, и вдоль всего городка шла широкая песчаная полоса — едва ли не единственное место прогулок. В теплые вечера здесь катались на велосипедах, ездили на мотоциклах, мамы и папы чинно вышагивали, толкая перед собой детские коляски. Здесь знакомились с девушками, хвалились нарядами, сводили счеты. Песчаная полоса вдоль моря стала постепенно главной улицей. Влажный песок был настолько плотен, что позволял даже надевать туфли с высокими каблуками. И тут же, стоя по колена в воде, парни ловили рыбу, чилимов...

Сейчас полоса была пуста. Ни одного человека мы не встретили до самых пограничных вышек. Стояла такая тишина,

которую можно услышать только здесь. В одну сторону простирался океан. Без единого всплеска. В другую — тайга. Без единого шороха. Какие шорохи в насквозь промокшем лесу!

Гудок паровоза мы услышали, наверно, километров за пятьдесят и повернули обратно.

Костя все-таки ошибался, говоря вчера, будто одни и те же поступки могут вызывать и насмешки, и восхищение. Да, суд людей может быть самым различным, но главное — не в том, кто совершил тот или иной поступок, главное — каковы мотивы, что заставило человека поступить так, а не иначе. Костя прав в другом: вернувшись, он действительно может не увидеть восхищения в глазах друзей. Его приезд сюда — вовсе не результат спокойного и мужественного решения, это бегство. Он бежал от неустроенного и одинокого себя там, на материке, надеясь здесь найти себя другим: уверенным, общительным, сильным. Но и здесь у него не хватило сил, чтобы сблизиться с людьми. И если он когда-нибудь уедет с острова, это будет очередная попытка избавиться от своей слабости и недоверия. Наверно, все-таки любить людей и быть сильным в жизни — это почти одно и то же...

— А что ускорило мой отъезд, — неожиданно сказал Костя, — так это жена. Я долго не мог решиться уехать и начал с того, что написал жене длинную записку, в которой подробно объяснил, почему еду, куда, зачем... Она нашла ее в моем пиджаке, когда я уже почти отказался от мысли ехать куда-то. Боже, как она смеялась! Радостно, искренне! По ее щекам катились слезы, она упала на диван и продолжала хохотать, чуть ли не дрыгая ногами. Она так никогда не смеялась, да и вряд ли ей суждено еще когда-нибудь так смеяться... Через неделю я уехал.

— Не жалеете?

— Трудно сказать двумя словами... Знаете, остров засасывает. Как бы мне здесь ни было плохо, я знаю, что дома буду мечтать только об одном — увидеть все это снова.

— Можно позвонить домой, это, в общем-то, несложно. Через спутник отличная слышимость.

— Я знаю... звонил... Слышно так внятно, будто я все еще там... У нее был такой улыбчивый голос... Ей до сих пор смешно. Смотрите! — показал он рукой в море. — Видите?!

— Что? Волны?

— Какие волны! Что вы! Это льдины! — Он сказал это с торжественностью, будто показывал город, поднимающийся из волн. — Да, это идут льды Охотского моря... Вот еще и за этим я приехал сюда.

— За чем? — не понял я.

— Чтобы иметь возможность протянуть руку и сказать — это плывут льды Охотского моря.

В тусклой дощатой комнатке вокзала ждал прибытия поезда только старый кореец с двумя мешками. Больше никто в ту ночь не уезжал из Макарова.

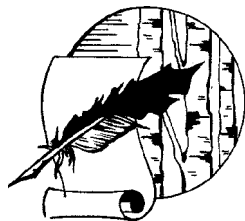
— Знаете, — сказал я, — может, с вашим другом что-то случилось?

— Да какой друг! — перебил он меня. — Он даже не знает моего имени, и я не знаю, как его зовут. Мы жили в одном дворе, и только... Хотелось услышать знакомый голос.

Костя стоял на дощатом перроне под фонарем и молча смотрел на влажные, тускло мерцающие вагоны узкоколейки. А как только поезд тронулся, сорвал с головы фуражку с длинным козырьком, но тут же снова надел ее, будто устыдился. Поезд набирал скорость медленно, и я долго еще видел его высокую фигуру под станционным фонарем. Я представил себе, как он будет брести по размокшим улочкам в гостиницу, как войдет в свой отсыревший номер, как включит свет и увидит еще накрытый стол — он и на следующий день ждал своего друга...

А поезд всю ночь шел вдоль моря, и всю ночь светились недалеко от берега голубоватые льдины, которые плыли из Охотского моря. К рассвету они становились все синее, ярче, а когда взошло солнце, от льдин брызнуло холодным чистым светом.

г. Москва



Татьяна ГРИБАНОВА

СУЛИ ХОТЬ РАЙ...

* * *

Ах, этот просёлок рассветный!
Вглянуть — и во век не забыть:
Деревни глухой, заповедной,
Огней, что лучатся сквозь сныть,

Паренья орла по-над кручею,
Шеломов-стогов по жнивью,
Кромы с камышовой излучиной,
Что в душу впадает мою.

Как мало для радости надо...
Как близок уже горизонт...
Но как же смотреть мне отрадно
На ливень берёзовых крон,

На этот просёлок рассветный,
Который не в силах забыть.
Да разве осмелится сердце
Себе самому изменить?

* * *

Говорят, что судьба и за печкой найдёт...
Ах, родной мой! Как хочется в это поверить!
Даже сбилась со счёту, который-то год
Для тебя нараспашку и сердце, и двери.

И тебе ни за что не расстаться со мной,
Даже если другой ты — навеки отрада.
Для судьбы моей жаркой ты — дождь проливной,
И стократная за прегрешенья расплата.

Ты давно для меня стал весенней листвой,
Этим небом льянным в нежный час предрассветный,

Соловьиною трелью в сирени густой,
Этим прудом в кувшинках молочного цвета.

А ещё первым снегом опять к Покрову —
Ты об этом не знаешь — до боли сердечной
Станешь ты ниспадать...
Эти сны наяву!..
Немота старых комнат — пудами на плечи...

* * *

Ласточки примчались на постой
В май, умытый тополиным ливнем,
В домик над окошком свой лепной,
Слаженный из радости и глины.

Плещет сад вишнёвым молоком
В малахит очнувшегося луга...
Словно всемогущею рукой
Кто-то замечает душу вьюгой.

Сквозь неё встаёт аэропорт,
Рейс до Пскова?.. Или до Ростова?
Ты опять в пути. Тебе с высот
Моего совсем не видно крова.

Ни взглянуть, ни протянуть руки.
В сердце боль настырная гнездится.
Встречи впопыхах, как миг... Звонки...
Но не вырвать из судьбы страницы.

Ласточка за ласточкой снуёт —
Счастье лепится до края лета...
В поднебесье тает самолёт...
След твой тает, тает незаметно.

* * *

Памяти матери

1
Ах ты, горе моё луковое, сгинь, —
На все стороны такая благодать!
Обронила по заре косынку в синь,
Проросли по ней купавы — не собрать.

Ах ты, дождик, вдоль просёлка пыль прибей.
Что ж ты вызрела до срока черемша?
Клонит, стелет кисти поземи кипрей,
Манит в травы перепёлочка птушат.

Косяками, лебедями облака...
Ах, за ними не угнаться, не поспеть!
Бабью долю смысла времени река,
Зацепилась лишь косынка за поветь.

2

Ласковый ветер в июньском просторе.
Стёжка хлебами спешит.
Хутор заветный. Две груши на взгорье.
Радуга нижет зенит.

Сеет обочиной лютики лето.
Если пройти через мост,
То сквозь гирлянды берёзовых веток
Выкрестят дали погост.

Мама, в оградке твоей земляника
Спеет... Сирени окрест.
Не отгащить, обвила повилика
Прозеленившийся крест.

Где-то кукушка... как ходики, тикает.
С неба глядят образа.
Светлою-светлою, тихою-тихою
Полнятся грустью глаза.

* * *

На октябрьский простор — только три огонька...
Да ещё — церква Сергия свечкой на взгорье.
Но меня этот край, где полынь и тоска,
Где в суглинок осыпались предков века,
Узелком привязал до неслыханной боли.

Захолынет душа ни с того ни с сего
И рванётся в его перестылые хляби.
У просёлка, что гнётся вдоль сосен дугой,
Посмотри-ка: гостинец судьбы дорогой —
Проросли зеленыя по возделанной зяби.

И сойду я с пути, и замру под сосной,
Залюбуюсь, как озимь гуляет волною.
Никому в целом мире узнать не дано,
Что нечаянной радости стало виной,
Отчего так светло плачу я в травостое.

* * *

Ныряет солнце в лопухи,
Закат сочится сквозь плетень.
В селеньях нашенских, глухих,
Без потрясений и стихий
Опять ко сну отходит день.

И серебрится молодик,
Затеплив в небеси светец.
И в ожерельях повилик,
Главою к росстаням приник,
По ком-то стонет крест-голбец.

Соседка, проглядев глаза,
Бесцельно кружит у ворот,
И не поверишь, рассказать...
Но мать, она — до гроба мать —
Всё из Афгана сына ждёт.

* * *

Осень! И ветер швыряет
Листья горстями в ручей.
В поле пустынном шныряет
Хмурая стая грачей.
Плача, моля о подмоге,
Где-то у дальних раки
С грузом гречишного стога
Лошадь устало храпит.
Выси — худая ряднина,
Сеет и сеет с небес.
Кроет холмы и долины,
Луг и берёзовый лес...
Душу б на радость настроить,
Может быть, сыщет приют?
Следом, глядишь, и зарёю
Белые снега падут.

Не таи обид на странницу, меня,
Пред тобой, отец, всегда, как на духу.
В дом наш старенький, с гераньками в сенях,
Я, как в юность, возвратиться не смогу.

Как живёшь, неисправимый Дон Кихот,
В окружении несчитанных ветрил?
«Под лежащий камень речка не течёт», —
Помню... помню, ты всегда мне говорил.

И, бывало, хоть усталость валит с ног,
По трёхрядочке пройдёшься сверху вниз
Да затынешь про Самару-городок,
А ещё про то, как любишь эту жизнь.

Не потёрлись ли у «ливенки» меха?
Так же в лад ей подпеваешь старый пёс?
И всё так же в серебристых петухах
По заре пылают окна на мороз?

А под Сретение, искидав метель,
Задыхаясь от предчувствия весны,
Так же грозди осыпает свиристель,
Словно детские, мои роняя сны?..

Не кори, отец, итак на сердце стынь.
Не забыть вовек мне твой горячий взгляд,
Не запить просёлка знойного полынь...
Захотела б — не сыскать пути назад.

* * *

Редкий раKITник
Вдогонку вдоль линии.
Скорый несёт
Сквозь октябрь напролом.
Первым, легчайшим,
Нечаянным инеем
Ночь присолила
Холмы за окном.

У полустанка —
Рассветные ивы,
Чёрный кустарник.
Бурьянный овраг.
На небо блёклое
Катит лениво
Солнца проржавленный,
Тёртый пятак.

Значит, к полудню
На грош потеплеет.
Брызнет обманная
Вновь синева.
Может, напрасно мне
Правдою мерить
Прикосовенья твои
И слова?

Друг мой сердечный,
Мой путник извечный!
Годы горят,
Как соломенный сноп.
Вот потому-то
Осенние встречи
Любишь до боли сердечной,
Взахлёб.

Даже самой
Удивительно-странно...
Словно навек
Остаюсь молода —
До перехвата дыханья
Желанны
Руки родные твои
И уста.

СУЛИ ХОТЬ РАЙ...

Заря кипрей заваривает в речке.
В туманах тает первое «ку-ку!».
Отец, как гвоздь вбивает:
«Не перечь мне!
Сули хоть рай, уехать не смогу!»

Заманивай горами золотыми,
Пусть речи не слышать вокруг людской,
Я, словно Чалый, приторочен к тыну..
И не ищу судьбы себе иной».

Вздохнул:

«Жизнь на земле — всегда не сахар,
А нынче вовсе — «свойской» не запить!
Но даже в час лихой, под смертным страхом,
Как мне рябины у крыльца забыть?»

Как всё предать, что доставалось кровью?
Гнездо родимое пустить в разор?
Уж лучше на погост!.. Не прикословь мне!..
Мать заждалась твоя с которых пор!»

Скрипят, скрипят тележные колёса..
Отец всё говорит и говорит..
Увозит Чалый дальше нас в покосы,
Как мир, просёлком древним, меж ракит.

Глубинка русская! Горюнь-юдолью
В веках твой Крестный проторялся путь.
Какой ценой, скажи, какой любовью
Дано познать и соль его, и суть?

Иди, смотри — увидишь сотни, тыщи!
Почивших в бозе наших деревень..
Но зреет утро скороспелой вишней,
И добрым сенокосом дышит день.

«Как сердце? — говоришь, —
Дуршлаг в заплатках.
Да кто ж ведёт прорехам нынче счёт?
Накинули вот рублик... словно взятку..
Поди, пытаются, стрепит ли народ?..

Оно, конечно, в гроб живьём не ляжешь.
Но... — затоптался голосом отец, —
Услышь Господь! Пусть в *этом* Заовражье,
Я обрету судьбы своей венец...»

А справа лес — в берёзовых сафьянах,
А слева луг поёт, жужжит пчелой,

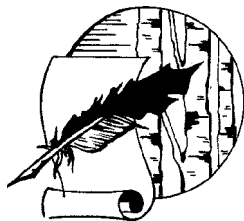
И в мареве от горлицветов пряном
Звонит пичуга в облаках юлой.

«Да что мы, в самом деле, как на тризне? —
Отец присвистнул, приударил конь, —
Вот я люблю, к примеру, пуще жизни,
Мою старушку ливенку-гармонь.

Пообещай со мной её отправить.
Ведь Там, поди, зелёная тоска —
Ни именин, ни свадебки не справить.
Уж мы с гармоней развернём меха!»

Отец смеётся, Чалый мчится рысью,
В долине солнце плещет через край.
«О переезде в город и не мысли!
Сказал — и точка! Посули хоть рай!»

г. Орёл



Виктория МОЖАЕВА

СЕСТРА МОЯ, СЕСТРИЧКА...

* * *

Мне не снится уже ничего,
Словно полог скользнул, обрываясь,
Где-то бродит моё естество,
От меня темнотой закрываясь.
Что я вижу и что говорю
В том сокрытом и призрачном мире?
Приближается жизнь к октябрю
И мечтает земля о кумире.
И опять тот же шёпот больной
На изгибах осенних излучин:
Что же будет с моею страной,
Где никто ничему не научен?
Сядут вороны на купола,
И промолвит бродяжка слепая:
«Я не знаю, куда я пришла,
По опавшему праху ступая.
Так далёк и неверен мой путь,
И нельзя мне от слёз отереться...
Приютите меня кто-нибудь...
Дайте мне у огня обогреться».

* * *

Сестра моя, сестричка,
Пшеничная косичка,
В глазах твоих застыла
Днепровская вода...

Так как же это стало,
Что быть ты перестала
Такою, как любила,
Любила я всегда?
А помнишь, как, бывало,
Плясала и спивала,
И в хате половицы
Ходили ходуном?
Так как же так случилось;
Зачем ты обручилась,
Как в сказке, обручилась
С проклятым колдуном?
Сестра моя, сестричка,
Кровь русская — водичка,
Заполнены погосты
Могилами детей...
Как оборотень, воешь,
И их уже не скроешь —
Те страшные порезы
От ведьминых когтей.
Подняться нету мочи,
Закрты кари очи,
Отравленное зелье
Из лап змеиных пьёшь...
Сестричка Украина!
Душа у нас едина,
И ты, в меня стреляя,
Саму себя убьёшь.
У них костры да плахи,
Расшитые рубахи,
Кровавые знамёна,
Чубов лихой завей,
Они дождались часа,
Не слышен клич Тараса,
Уже сбивают ляхи
Кресты с твоих церквей...
Мы были две сестрички,
Как в паре черевички,
И счастье, и несчастье
Делили наравне...
Раскрыты мрака жерла,
И панночка померла...
А я ещё не верю,
Что это не во сне.

* * *

Как жалко, что Москву я помню мало.
Закрыта касса, и не примут чек.
Москва меня, чужую, не ломала,
А принимала в шумный свой ковчег.
Я по брусчатке весело стучала,
Я по подземке бегала, как все.
Москва меня совсем не замечала
На чёртовом, над нею, колесе.
Как жалко, что исчезли, как ацтеки,
Как снимки чёрно-белые в огне,
Те люди, что остались в прошлом веке...
В разрушенной, как памятник, стране
Сплетаются трагедии и драмы,
Смываются то кровью, то слезой...
А в прошлом — только шрамы, шрамы, шрамы,
Которые болят перед грозой...

* * *

Там, где речка бежит под мостом,
Завиваясь в затолах кругами,
Две дороги сложились крестом,
Две земли разделив берегами.
Это дней моих тихий приют,
Это крест между тьмою и светом...
Одинаково птицы поют
И на том берегу, и на этом.
И об этом молюсь, и о том,
Там чужая, и здесь не родная...
Две дороги сложились крестом,
Две земли, как одну, распиная...

* * *

На верёвке билась простыня,
Паруса подобье обретая,
Дул весенний ветер сквозь меня,
С севера на запад пролетая.
И хотелось радостью простой
Слиться с этим праздничным кипеньем,
С этой изумлённой чистотой,

С этим вдохновенным птичьим пеньем,
Полететь за поле и за лес,
Где сияет воздух и искрится,
И услышать, что Христос воскрес,
И в дыханье вечном раствориться.

* * *

Уже проложен путь земной
Для тех, кто слышит тихий зов:
Возьми свой крест, иди за Мной,
Туда, где воздух бирюзов.
Я словно дерево ращу,
И не жалею дней и сил,
Я всё равно свой мир прошу,
Хоть он прощенья не просил,
И после казней и боёв,
Перед которыми стоим,
Я буду слушать соловьёв
Под вечным деревом моим.

* * *

П. Васильеву

Приюти меня, святая Троица,
Исцели мне душу от тоски.
Никогда архивы не откроются,
Где ножом срезали колоски.
Но зерно, просыпанное с колоса,
Призовёт к ответу Судным днём
Ясный звук оборванного голоса,
И глаза, сожжённые огнём.
Молодые, синие, бедовые,
Что добычей стали воронья...
Положи вериги стопудовые
На себя, о, родина моя!
Погляди: над степью,
Над курганами,
Где играет воздух и дрожит,
Русский сын, замученный погаными,
Одиноким соколом кружит.

* * *

Степь, да травы, да норы байбачьи,
Но прислушайся к этой земле:
Здесь и ветер поёт по-казачьи,
Словно всадник, качаясь в седле.
Прямо в небо шагнёшь от порога,
Бесконечная даль голуба,
По холмам заплутала дорога,
Как казачья кривая судьба.
А за теми холмами станица,
Ходит коршун дозором над ней,
Возле дуба святая криница
Пробивается из-под корней,
Рядом речка, отрада ребячья,
Вся просвечена солнцем до дна...
И бескрайняя песня казачья
Над рекой, где-то в небе, слышна.

* * *

У края невидимой битвы
В последнем дозоре стою,
Не помня чужие молитвы,
Одну повторяя свою.
Столкнутся ряды бестолково,
Коснутся зарницы земли,
И поле вздохнёт Куликово
Дыханьем единым вдали.
Подлесок, от солнца соловый,
С травинки глядит стрекоза,
У Дона бессмертник лиловый
Поднимет живые глаза.
Прольётся в кровавом развале
Святая живая вода...
Как люди меня называли —
Не вспомню уже никогда.
И сколько крестов ни носи я,
В немое уйдя забытьё,
Но слово Россия, Россия —
Запомню, как имя своё.

х. Можаявка Тарасовского р-на Ростовской обл.

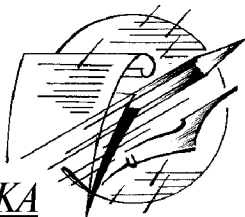
ЗВЕЗДА НАД РУССКИМ ЛЕСОМ

Воспоминания о встречах с Юрием Лекаркиным

15 октября прошлого года на 88-м году ушел из жизни Юрий Яковлевич Лекаркин — православный человек, заслуженный лесовод России, Кубани и Адыгеи, орденосеиц, ветеран труда, почетный гражданин кубанского районного поселка Мостовский и поселения Псебай.

Широко одаренный, глубоко эрудированный, он проявил себя и в профессиональной работе, и в общественной жизни. Всю свою трудовую деятельность Юрий Яковлевич посвятил лесному хозяйству, прошёл большой путь от молодого специалиста до советника министра природных ресурсов Российской Федерации и консультанта губернатора Краснодарского края.

Начинал он в Львовской лесостроительной экспедиции, 8 лет занимался лесоустройством Дальнего Востока и Сибири. В 1959 году переехал в посёлок Псебай, что в предгорье Кубани, где по 1983 год работал директором опытно-показательного лесокombината. С предприятием сотрудничали несколько научно-исследовательских институтов. С 1984 г. Ю.Я. Лекаркин возглавил Краснодарское краевое управление ле-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сами, которое в результате его грамотного руководства стало одним из лучших в СССР и затем в России.

В сложные, драматические годы «перестройки» Юрий Яковлевич всеми силами старался сохранить лесное хозяйство от развала, тяжело переживая непродуманные, губительные для экономики страны «реформы»...

В 2000-м году ушёл на пенсию, продолжая активно трудиться в должности советника министра природных ресурсов РФ и консультантом губернатора Краснодарского края.

...Судьба свела меня с Юрием Лекаркиным несколько лет назад. Это были незабываемые годы нашей дружбы, обмена откровенными суждениями как о трагедии русского леса, так и горьком, непредсказуемом будущем нашего многострадального Отечества. Отвечая на острые насущные вопросы: как остановить варварское уничтожение уникальных российских лесов, кто должен за это ответить и как нужно навести порядок в этой важной сфере хозяйства, Юрий Яковлевич говорит со свойственной ему прямоотой:

— Принятый Госдумой Лесной кодекс непродуман, вреден и опасен, так как лес рассматривается единственно как источник крупной наживы путем массовой хищнической вырубki лесных массивов и получения древесины. Корень зла в том, что наши леса превращены в безжалостный доходный бизнес частных лиц и компаний, психология которых — психология расхитителей, коим важна прежде всего безграничная прибыль, а не ответственное сбережение и интенсивное развитие лесного богатства. Необходимо срочно восстанавливать лесные службы, разрушенные в результате преступной и воровской «оптимизации»!.. Под видом санитарных рубок исчезают сотни и тысячи гектаров редких пород — дуб, ясень, граб и др. Призванные бережно охранять от варварского истребления и возрождать лесные уголья, лесники объективно не в силах справиться с этой задачей, доведены до нищеты. В результате пресловутой «оптимизации» их осталось очень мало. Раньше в каждом лесничестве работали по 10—15 человек, за каждым был закреплён свой участок — примерно три тысячи гектаров леса. Теперь же на лесничество приходится всего два человека — лесничий и его помощник. Профессия лесника стала реально опасной, его жизнь постоянно находится под угрозой так называемых «чёрных» лесорубов... Подумайте здраво, — восклицает мой собеседник, — по последним официальным данным, на сегодняшний день миллион гектаров леса сгорело!.. И не только по причине чьей-то глупости, нерадивости, недогляда —

лес специально сжигают, чтобы потом в несметном количестве здоровую древесину вывозить за кордон, получая баснословные барыши в иностранной валюте. А иные досужие чиновники на высоких постах, между тем, цинично, нисколько не стесняясь своих слов, заявляют: мол, тушение лесных пожаров бессмысленно, так как средств на это дело тратится больше, чем стоимость сгоревшего леса... Под нелепое сокращение попали не только многие труженики леса низового звена. Раньше на лесничество выделяли по 300 литров топлива, а сегодня 30—40. Даже мобильную связь лесничим не оплачивают. Им платят по 15—20 тысяч рублей. На эти деньги нужно кормить семью, содержать рабочую машину, самому ее чинить и ремонтировать... Без умолку талдычат одну и ту же ложь, которой прожужжали все уши, — «нет финансирования», «нет финансирования»! Страна трудится день и ночь, обладает неисчислимыми энергетическими ресурсами, в огромном количестве создаёт духовные и материальные блага — о каком пресловутом «отсутствии финансирования» тут можно бесконечно болтать?!

Слова Юрия Лекаркина находят подтверждение у многих других тружеников леса. Вот что пишет главный лесничий Мостовского лесничества на Кубани Сергей Мамонов, посвятивший своей профессии около 30 лет: «Лесное хозяйство претерпело не одну реформу за последние десятилетия. Если в прошлом веке основным родом занятий жителей Мостовского района было лесное хозяйство, непосредственно в лесу трудилось более двух тысяч человек, то сейчас всё не так. Нас в Мостовском лесничестве сегодня всего 16 человек на 159 тысяч с лишним гектаров. Раньше на одного человека приходилось не более двух с половиной тысяч гектаров леса, а сейчас — посчитайте, выйдет в несколько раз больше. Отсюда и все выводы: хватает ли людей для ухода за лесом? Конечно, нет. У нас практически нет лесоустройства в нужных объёмах уже лет двадцать» (газета «Предгорье», 2019 г., № 37, с. 16).

Разговариваю с одним из директоров лесхоза Тверской области. Он глубоко встревожен: «Одно из главных богатств России — это лес. Над лесом навис топор «реформаторов». Чего только стоит упразднение лесной охраны. Ранее лесники имели право проводить лесоохранные мероприятия, составлять административные протоколы, задерживать правонарушителей, имели оружие. Теперь они могут только проинформировать о факте нарушения. С прошлого года лес должно охранять вновь созданное агентство по контролю и надзору, но оно практически до сих пор не приступило к работе, даже штат не укомплектован».

Рассказываю Юрию Яковлевичу, что творится в лесном хозяйстве Тверской области:

— Я часто езжу в командировки по области по «знаменитой» рижской трассе. «Знаменитой» тем, что на участке от Ржева до Торопца дорога сверхопасная, с безобразно разбитой колеёй: её разбили огромные фуры-тяжеловозы, денно и ночью вывозящие из нашей области драгоценные породы леса-кругляка за границу. Как-то прочитал в местной газете «Вече Твери» заметку «Нелидово не расстается с лесорубами», в которой бодро изложено, как в богатом лесными угодьями Нелидовском районе стартовал традиционный конкурс профессионального мастерства среди вальщиков леса «Лесоруб-2006». Обучиться у западных партнёров высокой технологии обработки леса нам, конечно, давно пора. Однако не мешало бы прежде резко ограничить варварскую, беспредельную валку леса, научиться возмещать вырубленные площади молодыми насаждениями, расширять посадки леса, дабы потомки наши эдак лет через 50—70, а то и раньше не прокляли нас за бездумное разбазаривание бесценных сокровищ природы, данных нам Господом. Вот такой бы конкурс во всероссийском масштабе я бы горячо приветствовал!

— Согласен с Вами, — подтверждает Юрий Яковлевич. — Острейшей причиной возгорания лесов в огромных масштабах является не только и не столько человеческий фактор, сколько затеянный любителями дешевой наживы массовый вывоз контрабандных поставок леса за границу, особенно в Китай. Не случайно же глава Минприроды Дмитрий Кобылкин вынужден был заявить: если в Китае не станут подключаться к решению проблемы незаконной вырубке лесов на Дальнем Востоке и в Сибири, то экспорт леса в КНР может быть запрещён на 100%. Аналогичное обращение было направлено в адрес китайских правоохранительных органов — для совместной работы по пресечению контрабандных поставок через границу. Если помощь с китайской стороны оказываться не будет, то российскому правительству ничего не останется, кроме полного запрета на вывоз леса в Китай. Китаю также предложено заниматься совместно с РФ высадкой лесопосадочного материала вдоль границ и подключиться к созданию семеноводческих комплексов. Только вряд ли китайцы согласятся с нашим предложением, ведь высококачественный, легко доступный и дешёвый российский лес вот он, рядом, только руку протяни, а охранять его практически некому и нечем... Куда ни кинь — везде клин! Тотальная коррупция реально угрожает самому существованию лесного хозяйства страны. Необходимо вернуть наше при-

родное достояние из загребущих рук частников в руки государства. Каким бы ни был толковым арендатор, он прежде всего бизнесмен, заботящийся о своём кошельке, а не о сбережении и возрождении российского лесного богатства, по закону принадлежащего народу.

Начитанный, всесторонне образованный, Юрий Лекаркин часто обращался к своей настольной книге — классическому философскому роману «Русский лес» Леонида Леонова, ставя в пример своим коллегам по лесному хозяйству главного героя, выдающегося ученого-лесоведа Ивана Вихрова, для которого родная лесная стихия составила суть и смысл всей его незаурядной жизни и научной карьеры и который неукоснительно следовал своей главной линии: нам нужна идеология не потребителей, а идеология созидателей.

Признаться, и сам Юрий Яковлевич Лекаркин живо напомнил мне этого необыкновенно яркого, по-хозяйски заботливого леоновского персонажа: такой же неумолимый, твёрдый по характеру, прямолинейный и жёсткий в отстаивании дел государственной важности и вместе с тем необычайно радушный, гостеприимный, какой-то по-детски беззащитный в быту, широко открытый сердцем и душой, истинный патриот нашего Отечества, глубоко убежденный в том, что лес — это общенародное национальное богатство, данное нам Всевышним, и потому его нужно всеми силами беречь и возрождать.

Однажды при очередной нашей встрече Юрий Яковлевич показал мне аккуратно отчёркнутые в тексте леоновского романа строки и задумчиво произнёс:

— Вот читаю, много раз перечитываю и не перестаю восхищаться прозорливой глубиной идей и суждений Леонида Максимовича Леонова. Как же свежи и чрезвычайно актуальны для нашего времени его глубокие, пророческие мысли об исторической судьбе русского леса, о судьбе нашей Отчизны!.. Как тонко, органично и символично связал знаменитый русский писатель в единое неразрывное целое русский лес и наше Отечество!..

Да, само название романа Леонова — многоговорящая метафора. Великий писатель напомнил: лес — не только наше материальное богатство. Он — символ неуязвимости жизни и неистребимого могущества некогда великой и неодолимой России, олицетворение духовной мощи русского и всех других народов нашей страны. Трудно переоценить значение леса для человека и человечества: это лёгкие планеты, сырьё для промышленности, топливо, место для отдыха, он бережёт влагу для рек, даёт приют животному миру. Наконец, в эстети-

ческом и нравственном понимании лес — это великая поэзия души человека.

Прежде в России лес всегда был под охраной государства. Его берегли и разумно использовали. Но к русскому лесу протянулась жадная рука «реформаторов» — с единственной целью: за счет него обогатиться...

Давайте поразмышляем над леоновским шедевром вместе. Прочтем вот эти строки...

«...Чтобы принести наибольшую пользу Отечеству, мало беглых благих намерений или беглого ознакомления с правилами лесоводственной науки. Без изучения прошлого нельзя наметить столбовой дороги и в наше завтра: человеческий опыт питается памятью о содеянных ошибках. /.../ Лес кормил, одевал, грел нас, русских... Со временем, когда из материнского вулкана Азии, пополам с суховеями и саранчой, хлынет на Русь раскалённая человеческая лава, лес встанет первой преградой на её пути. Не было у нас иного заслона от бесчисленных кровопроливцев, по слову летописца, кроме воли народа к обороне да непроходной чащи лесной, служившей западнёй для врага. Там, на рубежах лесостепи, подымутся начальные сооружения древнерусской фортификации — набитые землёй и обшитые лафетной тесницей террасы, из-за которых так удобно целиться в осата-нелую, гарцюющую на коне мишень, — затёкшие смолой надолбы за рвами, ладные острожки и детинцы, что с начала четырнадцатого века станут зваться кремлями, и, наконец, донныне сохранившиеся з а с е к и — раскинутая на сотни километров цепь великолепных дубрав с положенными навзничь деревьями впереди, грозными волноломами для наступающей конницы. /.../ Два века спустя отборный воро-нежский дуб, лиственница и северная рудовая сосна, преоб-разясь в разные там шпангоуты и ахтерштевни российского флота, понесут по всем морям наши вымпелы, так что если Уралу-батюшке сегодня воздаётся всенародная благодар-ность за его мирные и боевые социалистические машины, позволительно и лесу русскому приписать хоть малую ча-стицу в громовой славе Гангута и Корфу, Синопа и Чесмы. /.../ Среди стихий, которым предки поклонялись за силу, доб-ро или красу, были и растительные великаны, подобные тем дубам, что ещё недавно высились на Хортице, или — соснам на Селигере, воспетым Иваном Шишкиным, отличным бой-цом за русский лес. Их глубоко чтили, у их подножья твори-лись суд и правда, а баяны слагали сказы о делах и походах племени. Поэтическое суеверье ревностно оберегало в ту пору наши южные б о ж е л е с ь я, посвящённые громовнику Пе-

руну, пока это резное развенчанное бревно с золотыми усами не уплыло вниз по Днепру, гонимое новой верой и царевной... /.../ С тех пор мельчает немногочисленный русский Олимп и дольше всех держится лишь сомнительное наше страшилище, лесовик, леший, в крестьянском просторечии, л е с. /.../ Таким образом, складывается образ леса как живого существа, чрезвычайно благожелательного и деятельного, на пользу нашего народа. Он никогда не помнил обиды от русских, даже когда его заставляли потесниться с помощью не слишком деликатных средств. Давно пора бы воздать ему хвалу, какой заслуживает этот милый дед, старинный приятель нашего детства, насмерть стоящий воин и безотказный поставщик сырья, кормилец рек и хранитель урожая. Но нет у нас такой песни о лесе, как, скажем, про степь или Волгу, которые, нет, не дарили нас соболями на вывоз, не кормили медовым пряником, не служили нам бессменными фуражирами от колыбели до нынешних пятилеток... Правда, доньше склонны мы на вечеринках подтянуть сконфуженными басками про ивушку и калинушку, берёзоньку и рябинку, но песни эти, всегда о второстепенных породах и преимущественно с участием топора, более окрашены каким-то леденящим восхищеньем перед их злосчастной участью, нежели признанием вековой верности и мощи величайшего в мире русского леса, чья деловая слава ещё в прошлом веке докатилась до мыса Доброй Надежды... /.../ Вряд ли какой другой народ вступал в историю со столь богатой хвойной шубой на плечах; именитым иностранным соглядатаям, ездившим сквозь нас транзитом повидать волшебные тайны Востока, Русь представлялась сплошной чашобой с редкими прогалинами людских поселений. Отсюда и повелась наша опасная слава лесной державы, дешёвая в глазах заграничного потребителя наш зелёный товар и создающая вредную, миллионерскую психологию у коренного населения. /.../ Наступит день, когда Пётр будет рвать ноздри и гнать на каторгу за губительство заповедных рощ, а пока леса так много, что в награду за расчистку даётся освобождение от податей и пошлин на пятнадцать лет, а чуть посеверней — и на все сорок. Лес стоит такой непролазной крепью и такого сказочного сортимента, что былины только богатырям вверяют прокладку лесных дорог. /.../ А раз так, чего и петь о нём! Бреди хоть тысячу дней в любую сторону — и лес неотступно будет следовать за тобой, как верная лохматая собачонка. Здесь и надлежит искать корни нашего небреженья к лесу. Мы просто не замечали его, потому что он был с в о й, домашний и вечный, всегда под рукой, как воздух и вода,

как заспинная сума, где и сонной рукой нашаришь всё, потребное душе и телу... /.../ Прогресс в обнимку с барышом вторгаются в хвойные дебри, позади остаются хаос беспримерной сечи, тяжкое похмелье и несоразмерно малое количество мелких промышленных предприятий. Такая круговерть обогащения случалась раньше только при открытии золотых россыпей. Впереди этого колдовского вихря, освещённого новинкой техники, волшебными электролампонами, и щедро sprыснутого шампанским, чтоб крутилось веселей, шагают благообразные, ухмыляющиеся соловьи-разбойники со звёздами и медалями на грудях и следом — другие, в котелках набекрень и с нахально-пронзительным блеском в глазах... /.../ Если не считать лесников, редко владевших доходчивым пером, мало кто писал на Руси, как отразится этот разгул торжествующего собственника на климате, земледелии и ландшафте любезного отечества. Закон поощрял преступление... /.../ Только в нашей стране человеку предоставлена возможность быть не бессовестным эксплуататором природы и не бессильной былинкой в её потоке, а великой направляющей силой мироздания. Для этого он должен подсмотреть таинственную взаимосвязь, объединяющую её явления в живой, целостный организм, чтобы облегчить и ускорить работу природы в её стремлении к совершенству. В этом цель и смысл человеческого разума; социализм — наиболее честная и экономная форма его деятельности. Мы движемся по нашей дороге беспримерными шагами, но могущественное и обречённое зло ещё не раз будет ставить преграды на нашем пути. Слава народу и армии нашей! Добро пожаловать, молодые лесники!

Лектор сделал заключительный жест, как бы приглашая слушателей проследовать под зелёную воображаемую арку позади себя, затем потянулся за графином... и вдруг всё потонуло в шуме рукоплесканий».

...Легким движением руки Юрий Яковлевич меня остановил и задумчиво произнёс:

— Владимир Александрович, как филолог вы, конечно, знаете, в чьи уста и с какой благородной целью автор вложил эти потрясающие своей необычайной искренностью слова. И действенным национальным патриотизмом, основанным на глубоком проникновении в дух и плоть русской национальной культуры и нашего национального самосознания. Несомненно, символическая вводная лекция главного героя романа «Русский лес», знаменитого профессора-лесоведа Ивана Вихрова для новоиспечённых первокурсников лесохозяйственного вуза носит отнюдь не декларативно-просве-

тительский характер. Она содержит нечто большее, нежели ставит целью приобщение студенчества к своей будущей профессии лесоводов. А что же именно — это большее?.. Пусть профессиональные литературоведы и критики углубляются по мере своих творческих сил в знакомую им «чистую» эстетическую стихию романа «Русский лес». Я же, с вашего позволения, подчеркну лишь то, что, на мой взгляд, непосредственно относится к выдающемуся пророческому гению писателя — его неистовый просветлённый Божий дар смотреть вперёд через века и эпохи, зорко видеть и напоминать нам, потомкам, какие огромные катакомбы предстоит ещё преодолеть нашей Отчизне, какой, быть может, океан невинной людской крови ещё предстоит пролить, прежде чем Россия также красиво и гордо воспрянет и оживёт, как гордо и красиво оживает лес после жестокого и беспощадного бурелома... Будь моя воля, я настоятельно рекомендовал бы эту поучительную во всех смыслах лекцию громко оглашать перед студенческой молодежью и вдумчиво размышлять над ней во всех учебных заведениях нашей страны, ведь мудрые мысли, озвученные в лекции умнейшего учёного-лесоведа, это торжественная ода великому русскому лесу и великой нашей Родине-России и вместе с тем не безосновательная тревога автора за их непредсказуемую горькую участь, и касается эта тревога всех и каждого в нашем Отечестве. Автор наставляет на путь истинный подлинного служения нашему Отечеству не только тех, кто посвятил свою жизнь благородному служению русскому лесу как символу России, но всех, кто призван видеть в своей профессиональной и гражданской деятельности служение прежде всего Родине, а не своему личному карману. Но вот что по меньшей мере странно! — взволнованным тоном воскликнул мой собеседник. — Леонид Максимович Леонов родился 19 мая 1899 года, то есть в этом году мы в России просто обязаны были широко и торжественно отметить 120-летие со дня его рождения! Но почему-то эта важная, знаковая во всех смыслах, «круглая» дата легко проскользнула мимо внимания нашей достославной общественности... Почему? Случайности тут быть не может — слишком велик и могуч этот писатель, чтобы о нём забыть в суетливой повседневности. Следовательно, его преднамеренно «забыли», стало быть, то, что он писал и какие великие идеи утверждал своим великолепным творчеством, кому-то по сей день стоят как кость в горле?! Прав писатель: враги русского леса и России, подобные коварному антиподу Ивана Вихрова, злостному русоненавистнику и бездарному невежде Грацианскому, и не вымерли вовсе, лишь затаились на

некоторое, неудобное для них время, а сейчас повывлезали, как тараканы, из всех тёмных щелей и продолжают творить своё чёрное дело, о чём с тревогой пророчески предупреждает нас Вихров: «...Могущественное и обречённое зло ещё не раз будет ставить преграды на нашем пути»!..

Мне ничего не оставалось, как согласно кивать головой и всё больше и больше восхищаться тонкой прозорливостью умного, равнодушного собеседника. Между тем, Юрий Яковлевич продолжал:

— Своим огнедышащим творческим пером Леонид Леонов не русский лес спасал, он Родину нашу от злых недругов спасал и устами своего персонажа Вихрова нам, потомкам, велел её спасать, не шадя живота своего. Леонов — наше великое национальное достояние, и тот, кто не признаёт этого, тот ненавистный враг нашей Родины, коим нет места на нашей священной Русской земле!.. Сегодня всевозможные русофобские недобитки явно осмелели и грязным потоком льют ложь на героическое прошлое России, и мы, верные сподвижники этого прекрасного писателя-патриота, не должны оставаться в стороне и равнодушным оком взирать на опасное зло!..

А с чего всё у нас начиналось? — задаётся вопросом лесовод. — Вспомните: ещё в мае 2000 года бывший российский премьер М. Касьянов добился ликвидации в структуре правительства самостоятельной Федеральной службы лесного хозяйства. Предприимчивые люди вознамерились готовиться к ещё одному «Клондайку». Газ, нефть, электроэнергия стали «прихвачиваемыми», и деньги от этого варварского бизнеса текли рекой. В декабре 2004 года выходит федеральный закон, согласно которому ликвидируется лесная охрана. А в ноябре 2005 года министр природных ресурсов делает доклад в правительстве, суть которого сводится к необходимости резкого увеличения объёмов рубки леса. Кроме этого, обосновывается антинаучное изменение в возрасте спелости леса, при которой его можно рубить, и, что вообще немислимо, ликвидировать деление лесов на группы, то есть чтобы в России впредь не было лесов первой группы (водоохранных, защитных, рекреационных, курортных) с жёстким режимом лесопользования и чтобы готовилось проведение приватизации лесоустроительных предприятий... Как руководитель лесного хозяйства Краснодарского края, я и мои коллеги других регионов пытались остановить этот беспредел, нас активно поддержал губернатор Кубани Николай Игнатович Кондратенко. Но, увы, выше головы не прыгнешь — высоко стоящие чиновники нам быстренько перекрыли кислород...

...Юрий Лекаркин отличался глубоким религиозно-философским складом ума, как христианин почитал Господа и православную веру. Пройдя большой жизненный и трудовой путь, успешно преодолев крутые жизненные рубежи и изломы, он неизменно руководствовался постулатами Священного Писания, твёрдо и неколебимо убеждённый в том, что земным бытием Бог не ограничивает человеческое существование, что жизнь — великий дар Господа — вечна. Библия занимала главное место в богатой домашней библиотеке выдающегося русского лесоведа и неизменно была им востребована.

Внимая мудрым словам собеседника, в тон ему я напомнил, что говорил приснопамятный Святитель, авторитетнейший русский архипастырь Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский: «Самый главный наш руководитель — это Священное Писание. Оно учит нас тому, как нужно жить, чего следует избегать и что необходимо воспринимать своим сердцем. Внимайте глаголам Евангельским, впитывайте в себя учение Христово, переданное нам Его учениками!»

Из уст Юрия Яковлевича мне было известно, что он много лет ведёт обстоятельный дневник наблюдений и размышлений по насущным вопросам бытия, вплоть до точных и конкретных сведений, какой была погода в тот или иной день и год. Читать этот дневник мне не довелось, да я и не настаивал, ибо понимал, что доверительно-сокровенная исповедь каждого совестливого человека доступна разве что Господу, но не другим людям, в том числе даже родным и близким друзьям. Но, признаюсь, отдельные свои дневниковые записи автор считал нужным для меня озвучить, и тогда я окончательно убеждался, какой сильной волей, непостижимой глубиной и ясностью ума обладал этот неординарный, светлосный Человек!..

Так, незадолго до своей кончины, который уже раз беседуя со мной о смысле жизни и назначении в ней человека, Юрий Яковлевич вдруг спокойно, без уныния в голосе заявил, что он совершенно не боится близкой смерти, и не только потому, что уже достаточно много пожил на белом свете, а потому что он, якобы, уже «лишний на грешной земле, поскольку мои друзья и сверстники давно ушли в мир иной, надо шире открывать дорогу молодым талантливым руководителям, и мои дела для людей безвозвратно остались в прошлом, как добрая память...»

Я был потрясён таким сокровенным признанием собеседника и попытался его как бы взбодрить, завершить наш ди-

алог лёгкой шуткой: дескать, ничто не вечно под луной, а смерть приходит, как говорят в народе, не за старым, а за поспелым...

Но Юрий Яковлевич мягко улыбнулся и деликатно меня прервал:

— Извините, дорогой Владимир Александрович, но, по моему, когда смеешь судить и размышляешь о вечном, шутки не уместны... Вас ещё, судя по всему, не берedit эта занудная ночная «философия», а я под неё засыпаю и с нею просыпаюсь...

Вскоре я застал моего старшего друга за чтением опубликованного выступления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в котором, в частности, говорилось: «Жизненный путь не кончается гробом, она продолжается вечно. Смысл человеческой жизни обретается только в бессмертии человеческой души, потому что всякая человеческая личность ценна пред очами Божиими. И если бессмертная душа, свободная и призванная к развитию здесь, в земной жизни, переходит в жизнь вечную, то это означает, что и развитие личности продолжается за гробом...»

...Жизнь и трудовая стезя Ю.Я. Лекаркина не были усыпаны розам. В трудном раннем детстве ему пришлось хлебнуть немало лютого горюшка, испытать, что такое страшный голод, жестокая гитлеровская оккупация, какова истинная цена людского добра и куска хлеба... В послевоенные юношеские годы ему пришлось учиться и одновременно работать на производстве. Но он никогда не роптал, никого не ругал, не проклинал, никому не мстил за причинённое зло, со свойственным христороливному человеку всепрощением приносил добро и простое житейское счастье людям, с которыми годами и десятилетиями рядом жил и поглощённо трудился.

Отчётливо помню примечательный, до глубины взволновавший меня случай. В день празднования посёлка Псебай, в котором он много лет руководил лесным хозяйством, Юрия Яковлевича при огромном стечении селян награждали высоким званием Почетного жителя. После произнесения поздравительных слов руководством поселения, вручения заслуженному ветерану букета цветов и соответствующего удостоверения к нему тихо подошла пожилая женщина, низко ему поклонилась, взяла его руки в свои, крепко прижала к сердцу и... вдруг поцеловала, орошая слезами, воскликнув:

— Дорогой наш Человек! Я никогда не забуду, как вы, будучи директором леспромхоза, дали мне, молодой матери-одиночке, проживавшей с ребёнком в съёмном чужом жилье,

квартиру со всеми удобствами. Спасибо сердечное и дай вам Бог крепкого здоровья и вечной благодарной памяти!..

Юрий Яковлевич прямо-таки опешил от столь необычного эмоционального обращения, быстро встал на ноги, растерянный, попытался освободить свои руки из благодарных рук женщины, но она долго их не отпускала и всё благодарила и благодарила. Наконец, знатный лесовод пришёл в себя и смущённо заговорил:

— Пойми, дорогая ты моя, эту квартиру не я тебе дал, а государство, согласно закону о социальной помощи. Ты её заслужила своим честным и праведным трудом. Это я и прочие чиновники обязаны низко кланяться и благодарить таких великих тружениц, как ты, и не забывать целовать ваши трудолюбивые руки...

...Как знать, может, вдумчивое осмысление, искреннее принятие умом и сердцем Бога и Православия позволило Юрию Яковлевичу Лекаркину достойно и спокойно встретить свою «лёгкую» кончину — уйти в светлый мир вечности без жестоких предсмертных мук, в тесном окружении родных, близких и многочисленных друзей и быть похороненным в кубанской земле под тихое отпевание священника, как и предписано русским православным людям.

г. Тверь

РАССКАЗЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Лес нервно нашепывал октябрю утренний мотив ушедшего лета, разбрасывая разноцветную листву в порывах редкого ветра. Он тщетно доказывал осени правду теплых дней, призывая солнечные лучи в свидетели своего недавнего зеленого триумфа. Однако сонное солнце неохотно выглядывало из-за свинцовых облаков.

Бесконечный мелкий дождик монотонно уговаривал деревья забыть несуществующий летний мотив давно минувших дней, и это настойчивое, тягучее убеждение со стороны осенней непогоды могло заставить любого отступить от несбыточных надежд на скорое возвращение тепла, но только не лысеющий лес. Этого не усыпишь страхами о скорых холодах, в нем кровь еще играет, как у азартного игрока, сидящего за ночной рулеткой.

И эта иллюзия былого величия подпитывалась суеящимися людьми, мелькавшими тут и там среди обнажающихся деревьев. Выстрел, еще выстрел. Дикий крик умирающего зверя. Треск сухих сучьев. И



ПРОЗА

новый выстрел. Потом еще и еще. И вновь предсмертный крик. Это ли не доказательство жизни! Теплая кровь на пожелтой траве, неостывшее тело мертвого лося и пальба, пальба, пальба.

— Авдей, закругляемся, — раздался усталый приказ крупного лысого мужчины, с выпирающим из широкой штормовки брюшком.

— Слушаюсь, Антон Васильевич, — моментально отреагировал подтянутый, широкоплечий парень.

Отойдя чуть в сторону и достав из-под дождевика портативную рацию, он резко прокаркал в нее:

— Всем отбой, сбор в квадрате четырнадцать у старой зимовки через полчаса!

— Вот и ладно, — задумчиво вздохнул губернатор, наливая из литровой фляжки в подставленную чашку марочный коньяк. — С удачной охотой, господа! — опрокинул в себя обжигающую жидкость Антон Васильевич.

Кто-то из свиты тут же протянул ему плитку шоколада.

— Авдей, распорядись подобрать трофей, рассчитайся с загонщиками и присоединяйся к нам, — кивнул телохранителю хозяин и повернулся к свите: — Пошли, свежачком закусим.

Через двадцать минут раскрасневшийся от быстрой ходьбы и доброго дорогого коньяка временный хозяин приличного куска российской земли в окружении своей разномастной свиты вошел в лесную беседку, площадью с хорошую танцплощадку.

— Располагайтесь, господа, — покровительственно повел рукой губернатор, усаживаясь в мягкое итальянское кожаное кресло во главе огромного дубового стола.

Лениво ткнув вилкой в кусок ветчины, Антон Васильевич подал сигнал к началу трапезы. Окружение тут же задвигало тарелками, застучало ножами и вилками. Оголодавшие за время охоты чиновники жадно набросились на еду. Сам хозяин пребывал в каком-то меланхоличном состоянии в предчувствии чего-то непоправимого.

Он сидел за столом, низко склонив голову, и время от времени опрокидывал в себя порцию коньяка. Свита, стараясь не тревожить думы Антона Васильевича, всё свое внимание уделяла молчаливому приему пищи.

Неизвестно, как долго бы продолжалось это унылое застолье, если бы вдруг не раздался далекий приглушенный крик: «Эст!»

— Что такое? — вздрогнул губернатор, подняв голову. — Кто-то кричал или мне послышалось?

— Да вроде как прокричали, — согласно закивало окружение.

— А чего кричали? — повернулся к Авдею Антон Васильевич.

— Не расслышал, — виновато развел руками охранник.

— А кто понял? — обратился хозяин к свите.

Все молча пожимали плечами, и в этот момент издали донеслось протяжное «Э-эст!»

— Кто это? — снова повернулся к Авдею губернатор. — Наши все на месте?

— Ашота Георгиевича Потосяна нет, Антон Васильевич, — нагнулся к хозяину Авдей.

— Доблестного фээсбэшника? — ухмыльнулся губернатор. — Шпионов ловит, наверное.

За столом раздался дружный смех, шутка хозяина имела успех.

— Зверье его, конечно, не устраивает, подавай ему агентов вражеской разведки, — смех грянул с новой силой.

— Орден зарабатывает, — осмелел кто-то из свиты.

— Очередное звание, — поддержал его под общий хохот другой.

— И самое главное, что под носом у начальства расправляется, так сказать, при свидетелях, — улыбнулся губернатор.

«Э-эст!» — донеслось до хохочущих.

— Опять орёт, — удивился Антон Васильевич. — Сколько же их там?

— А может, он вовсе не шпионов ловит, а лосиху завалил? — выдвинул новую версию главный милиционер губернии. — Лося-то мы подстрелили.

— Лосиху, говоришь? — рассмеялся губернатор. — Так чего ж тогда орёт?

— Много ему одному, — хитро подмигнул мент. — Видать, крупна оказалась.

Хохот вокруг грянул с новой силой.

«Э-эст!»

— Совсем завалил! — чуть ли не рыдая, выдавил из себя хозяин.

«Э-эст!»

— Еще раз завалил, — давилось слезами окружение.

«Э-эст!»

— Ну, это уже слишком! — держась за бок, поднялся губернатор. — Пошли посмотрим.

И гоголющая толпа рванула из-за стола.

«Эст, эст, эст!» — разносился по притихшему лесу громкий визг запоздалого охотника.

— Нам оставь хоть кусочек, — веселилась компания малость захмелевших мужиков, перешедших на полубег.

С диким улюлюканьем шумная орава охотников вылетела на большую поляну и, резко остановившись, уставилась на происходящее.

В середине поляны стояла одинокая береза, а на ней, на нижней ее ветке, повис толстый начальник ФСБ, беспомощно дергая ногами. Штанина правой ноги была сорвана, и на ее месте виднелась крупная кровоточащая рана. Под деревом стоял здоровенный раненый секач и пытался в очередной раз дотянуться своими клыками до ног горе-охотника.

«Эст!»

— Ест! — побледнел губернатор, глядя на происходящую драму.

В следующее мгновение секач повернул свою голову в сторону прибежавших, и на несколько секунд воцарилась гробовая тишина. Свита, разинув рты, смотрела на кабана, а тот, в свою очередь, вперил злобный взгляд в опешившую компанию. До охотников наконец-то дошло, что ситуация оказалась далеко не смешная: всё оружие осталось на зимовке. Секач угрожающе хрюкнул и тихонько направился в сторону прибежавших, что послужило сигналом к всеобщему отступлению. Самые резвые и необремененные лишним весом охотники тут же взобрались на деревья, остальные заметались в панике, выискивая подходящее укрытие. Кабан, определив для себя цель, бросился в ее направлении. Жертвой оказалась самая важная персона, брошенная челядью на произвол судьбы. Персона, икая от испуга, пыталась залезть на дерево, но руки не могли подтянуть тяжелое туловище и беспомощно соскальзывали вниз. Плача от злого бесилия и страха, Антон Васильевич прислонился спиной к стволу дерева в ожидании неизбежного. И когда вепрю оставалось пролететь до хозяина каких-то пять метров, раздался пистолетный выстрел Авдея.

Кабан будто бы ударился о невидимую преграду и тут же зарылся мордой в землю в двух шагах от губернатора. Антон Васильевич медленно сполз по стволу и беззвучно разрыдался.

Через полчаса удрученные охотники на большой скорости неслись в своих джипах в направлении ближайшей больницы. Скорбные испуганные лица выражали полную растерянность. В третьей от головы колонны машине полулежал на заднем сиденье Антон Васильевич и жадно хватал посиневшими губами неуловимый воздух. Персональный врач губернатора тщетно пытался успокоить срывающийся мотор хозяина, вводя ему лошадиные дозы сердечных стимуляторов.

А в это время лысеющий лес забрасывал своими разноцветными листьями последнюю жертву последней дикой охоты умирающего губернатора.

ТУМАН

Ранним утром, еще до петухов, тяжело оторвав голову от стола, Варвара недоуменно заморгала глазами. «Господи, никак уснула за столом», — мелькнула первая мысль, и сразу вспомнилось, как током тряхнуло: «А Милка-то где, неужто не пришла еще?»

Скрипнув стулом, невысокая усталая женщина поднялась из-за стола и направилась к окну. Белый густой туман обволакивал стекла настолько плотно, что создавалось впечатление, будто кто-то специально поменял окна на матовые. «Этого только не хватало, — тревожно вздохнула Варвара, накидывая на себя шаль. — Не дай бог Милка дорогу к дому не наша, как искать-то ее тогда в таком молоке?»

Во дворе стояла сонная тишина, даже пёс Куplet не дернулся цепью на открывшуюся дверь. Варвара чуть ли не ошупью, вытянув вперед правую руку, осторожно пересекла двор и уткнулась в заднюю калитку.

— Милка, девочка моя, — с ласковой нежностью позвала она корову, — Милка, поди сюда, я тебе хлебушко принесла.

Ответом была всё та же сонливая тишина.

— Мила, доченька, иди ж скорей, — разнеслось в тумане, и вновь навалилась ватная тишина, только Куplet наконец-то звякнул цепью и для приличия лениво вполголоса тявкнул.

«Не откликается. Значит, не пришла, — сделала вывод Варвара. — Где ж ее черти-то носят, пойду Василия будить».

Ежась от сырости и кутаясь в теплую шаль, Варвара подошла к сараю и с надеждой заглянула в него: а вдруг муж или дети загнали Милку на место, пока она спала? Пустым холодом пахнуло на Варвару из стойла. Недоброе предчувствие охватило хозяйку, и она, торопливо вернувшись в дом, принялась тормошить мужа.

— Василий, вставай давай! Корову искать надо!

— Какую корову? — сквозь сон пробурчал Василий, переворачиваясь на другой бок. — Не мешай спать.

— Вставай, тебе сказано, — сердито подтолкнула в спину муженька Варвара. — Корова, тебе говорят, пропала. Искать нужно.

— Как пропала? — открыл глаза Василий. — Чего брешешь-то?

— Ничего не брешу. Поди сам глянь, нету ее во дворе.

— Так, может, пришла да ушла. — Василий свесил с кровати ноги.

— Если бы пришла, так мычала б, с обеда не доена. Говорю же, что пропала. Я уж и двор десять раз осмотрела, и звала ее сколько, и ничего. А на улице туман-то какой, что парное молоко, в двух шагах ничего не видать.

— И где ж ее искать тогда, коль туман сплошняком? — проворчал Василий. — Вот сойдет, тогда и ладно. А может, она и сама до тех пор объявится. Чего вот будить-то ни свет, ни заря, спал бы себе да спал еще, так нет, обязательно надо весь сон сдернуть, вставай тут, иди незнамо куда, ищи незнамо где. До чего ж глупый народ эти бабы.

— Вася, да что ты говоришь-то, — всхлинула Варвара. — Может, она в тумане-то на болоте заблукала и завязла где уже, сиротинушка, может, потонула совсем, а ты спишь тут себе, как чурбан бесчувственный.

— Тьфу, ты, — озлился Василий, — токмо бы каркать, дурабаба, токмо бы беду накликасть.

— Васенька, — испугалась своим словам Варвара, — ну дура я, дура, согласна, а ты не серчай шибко-то, уж я и места не нахожу, и чего только в голову не идет. А хошь, я тебе бражки сейчас налью, а? А как с Милкой вернешься, так и всю бутылку выставлю?

— Ну ладно уж, чего с вас, дур, возьмешь? Наливай давай, — смягчился Василий, — токмо до краев, смотри. И стакан там не стопошный выставляй, а нормальный, чтоб сразу пробрало. Только вот куда вначале идти-то, где выискивать?

— На болото иди, там заперво поищи, а не найдешь — так по оврагам пробегись. Да начни с Волчьего, чтоб сердце не болело.

— Тьфу ты, опять каркнула, — чертыхнулся Василий. — Сама-то идешь со мной?

— А как же, Васенька, а как же!

На болоте следов Милки не оказалось, и Варвара облегченно вздохнула.

— Слава Богу, не утопла. Может, где по полям плутает.

— Вот что, Варька, — повернулся к жене Василий, — чего тут вдвоем время терять, давай-ка разбежимся по разные стороны. Ты к лесу полем пройдишь, покличь Милку, а я по оврагам проскачу. Глядишь, всё быстрее дело закончим. Да и туман, похоже, сходить собрался, вон солнышко пробивает, так-то еще полчаса и совсем развиднеется.

— Милка, Милка, — стали удаляться друг от друга супружеские голоса.

Наскоро Василий пробежал два небольших оврага, перепугав своим басом ранних птах да мелкое полусонное зверье, а Милкиного присутствия так и не обнаружил. «Вот ведь гадюка какая! — ругался про себя Василий. — Небось, уж до-

мой давно заявила, а ты тут шлындай по буеракам, ищи ее, заразу. И не вернуться ведь, Варька точно самогонку не даст, если без Милки заявлюсь. Загляну вот еще в Волчий, да и хватит. Если что, скажу, все овраги облазил. А может, Варька ее уже и сама домой привела...»

Окунувшись в остатки тумана на дне Волчьего оврага, Василий почти сразу заметил недалеко от себя какой-то смутный силуэт чего-то большого.

«Камень» — мелькнуло в голове, но тут же вспомнилось, что в Волчьем никаких камней никогда не было. И вот тогда сердце Василия екнуло, потом болезненно сжалось и замерло. Ноги, моментально став ватными, отказывались приближаться к страшной находке. Василий невероятным усилием воли заставил всё же себя подойти к тому, что еще недавно было коровой, и, окончательно ослабев, присел возле изувеченной туши. Бурёнку совсем недавно освежевали, шкуры не было, да и большей части мяса тоже. Лиходеи, видно, всё сразу забрать не смогли и частью просто бросили, надеясь на волков, которые овраг навещали чуть ли не каждую ночь. А вот нынче не сложилось, туман серым помешал на охоту выйти.

— Сволочи, ублюдки!.. — хрипел от ненависти Василий. — Фашисты! Убью, тварей, не жить им больше!

Вот эта-то, внезапно проснувшаяся ненависть, и придала Василию новые силы.

— Гады, гады, гады! — Пинал он на своем пути стволы деревьев, направляясь к дому. — Изрублю, падаль, изрублю!..

Ворвавшись в дом, Василий уверенно прошел к дивану и, отодвинув его, достал заветную бутылку, которую обещала ему Варвара.

— Нашел я корову, так что не сердчай, Варька. — Он приложился к горлышку. Отпив добрую половину, Василий со всего маха саданул бутылкой об стену и выскочил во двор. Выхватив из колоды колун, он вышел за калитку.

— Василь, ты куды энто так расшухарился, — окликнула разъяренного соседа бабка Семениха, — будто б на пожар, и лицо вон перекошено всё. Случилось чаво?

— Корову зарезали, Милку, — бросил ей Василий.

— Ох ты, господи, — испуганно прижала ладонь к губам Семениха. — Милку? Да где ж это, когда?

— В Волчьем овраге. В ночь не пришла, вот утром сейчас нашел. Убью гадину!

— Василь, да ты никак с топором? Ты чего удумал, Василь? — засемила за Василием старуха.

— Порешу Аглы, паскуду, его это работа, больше некому. Он, сволочь, нигде не работает, а мясом приторговывает, а у

самого и цыплака щипанного во дворе не сыщешь. Он это, больше некому, — прибавил шагу озверевший Василий.

Семениха, почувствовав, что ей не угнаться за соседом и тем более не остановиться, повернула к своему дому.

— Ванька, Ванька, — закричала она в дверь внуку, — давай сюды скорее! Да бегом, что ли!

— Чего случилось, ба, — выскочил на крыльцо здоровенный парень.

— У Василя корову зарезали, так он на Аглы думает, с колуном к нему побег. Ты давай скоренько его нагони да попридержи, а то, неравён час, грех сотворит. И смотри, поосторожней с им, а то еще и тебе достанется. Васька-то ополоумел совсем, — крикнула Семениха вслед убегающему внуку.

Новость о Милке по деревне разошлась влёт, и свободный от работы народ устремился к подворью Аглы.

Иван как ни бежал, а Василия догнать не смог. Тот же, влетев в кухню Аглы, с ходу замахнулся колуном на хозяйина, но спяну пошатнулся, и удар пришелся Аглы по лбу лишь вскользь, сильно содрал кожу. Тот сначала упал, но потом вскочил и опрометью кинулся бежать из дома.

— Ты что, опупел?! — заорал на Василия прибежавший Иван.

Тот как-то странно посмотрел на соседа и процедил сквозь зубы:

— Всё равно убую...

Через полчаса, уставшая от бесплодных поисков Милки Варвара, проходя мимо подворья Аглы, тревожно окликнула свою соседку.

— Теть Шура, случилось что?

— Как что, — ойкнула Семениха, — а ты не знаешь? Твой-то Василь Аглы колуном порешил за Милку вашу, все мозги наружу... Порешить-то порешил, а сам видать с ума спятил, мужики его еле повязали. А теперя вот в доме на кровати, говорят, лежит и песни поет. Свят, свят, свят...

Побелевшая как туман Варвара кинулась бежать к дому...

И только Милка обиженно мычала у своего двора, не понимая, почему ее никто не выходит встречать.

КЛАД

Поздно вечером злющая до невозможности Зойка, накинув на голову платок, вышла из дома.

— Вот гад, пьянь, паразит, петух общипанный! — ругалась она вслух, вышагивая по темной улице к дому подруги Люськи. — Попадись ты мне только, я тебе устрою сладкую жизнь,

я тебе так устрою, что век помнить будешь! Ты у меня попрыгаешь, пьянчуга подзаборная!

— С кем это ты разговариваешь? — раздался из темноты насмешливый Люськин голос. — Сама с собой, что ли?

— С собой, с собой, с кем еще? — остановилась возле подруги Зойка. — Моего у тебя нет?

— Так и моего еще не было, — исчезли насмешливые нотки у Люськи.

— Ясно, я так и знала, сердцем чувствую: опять пьют где-то, алкаши недоделанные! Ну, погоди у меня, придешь ты домой, — погрозила кулаком в темноту Зойка.

— Что делать будем, а? Может, к Дездемоне ходим? — предложила Люська.

— А что толку, вряд ли они там пьют. Дездемона давно б уже выгнала. Где-нибудь за деревней соображают, — махнула рукой Зойка. — Пойду назад, никуда не денется, приползёт.

Проснувшись утром и не найдя в доме мужа, Зойка обошла весь двор, заглянула в сарай и на сеновал. «Паразита» нигде не было. Наскоро управившись со скотиной, Зойка поспешила к подружке.

— Семен ночевал? — с порога крикнула она.

— Нет, а твой? — вышла из кухни взволнованная Люська.

— И моего нет, — плюхнулась на стул Зойка.

— Может, случилось что?

— Да что с ними могло случиться, с алкашами! Перепились и спят где-нибудь, — скривила толстые губы Зойка.

— Не знаю, не знаю, Зой, — покачала головой подруга. — Мой-то никогда на ночь не загуливал, даже в дрезину пьяный и то домой приползал.

— Приползал, говоришь? — призадумалась Зойка. — Ну, пошли тогда до Дездемоны, у ее мужика спросим.

Дверь им открыла сама Дездемона, длинная, худющая, с растрепанными волосами непонятного цвета.

— Верка, своего позови.

— Нет его, — зевнула в ответ хозяйка.

— А где он?

— А чёрт его знает, — недобро блеснула глазами Дездемона. — У шалавы какой-нибудь ошивается. Пусть только явится, я ему всю морду искорябаю.

— Значит, тоже не ночевал, — констатировала Люська.

— Что значит — тоже? — подбоченилась Дездемона.

— А то и значит, что не у одной тебя мужик пропал. Наших тоже нет дома.

— А может, они вместе по бабам шляются? — осклабилась Дездемона.

— Дура, — налилась краской Люська, — у тебя только одни паскудства на уме.

— Сама дура, — огрызнулась Дездемона. — Им только дай волю, козлам блудливым, они тут же под чужую юбку залезут.

— Ладно вам лаяться, — одернула обоих Зойка, — идем в правление к преу.

И подруги, толстая Зойка и маленькая Люська, решительно зашагали к правлению. За ними, запахивая на ходу халат, поспешила Дездемона.

Рассказав председателю о своей пропаже, женщины вместе с ним отправились к заброшенным руинам барского дома, где накануне разбирали кирпич их мужья.

У развалин одиноко стоял трактор, в прицепе лежал аккуратно сложенный кирпич, и вокруг ни души.

— Куда же они могли подеваться? — недоуменно пожал плечами председатель.

— Я ж говорю, блудят где-то, — принялась за свое Дездемона.

— Три человека — не один. Если б гуляли у кого, вся деревня знала б, — задумчиво покачал головой председатель.

— А может, они в другой деревне блудят? — не успокаивалась ревнивица.

— Слушай, Верка, может, хватит, а? — раздраженно накинулась Люська на Дездемону. — Если твой по бабам шарится, это не значит, что и у других такие же.

— Вот что, бабоньки, — почесал затылок председатель, — в другую деревню они вряд ли подались — трактор-то здесь стоит. Походите-ка вы лучше по нашему поселку, может, у кого в садочке опохмеляются. Ну, а если к вечеру не объявятся, тогда ко мне, будем искать всем миром. Но, вообще-то, пьют они где-нибудь втихую.

Вечером в конторе у председателя Зойка нервно докладывала:

— Всю деревню несколько раз обошли, нет их нигде, как сквозь землю провалились.

— Вы в Осиновку позвоните или в Волково, — встряла в разговор неугомонная Дездемона, — там они развратничают, чуе мое сердце, больше негде.

— Попробую, — снял телефонную трубку председатель.

Но ни в Осиновке, ни в Волково о пропавших ничего не слышали.

Через час к правлению колхоза на мотоцикле подкатил участковый.

— Вот, Филимоныч, пропали у нас трое. Вчера у барского дома кирпич чистили и с работы не вернулись. И сегодня их никто не видел. Трактор у развалин стоит, инструмент валя-

ется, а мужиков след простыл. Прямо наваждение какое-то, словно НЛО их забрало.

— Знаю я это НЛО, — затараторила Дездемона. — Ты, Филимоныч, к Нюрке сходи, у нее они, нюхом чую.

— Да что ты чушь всё несешь, — накинулись на Дездемону подруги. — С тобой же к Нюрке ходили, нет там никого.

— Так она вам этих кобелей и покажет, раскатали губищи! — не сдавалась ревнивая баба.

— Верка, помолчи, — оборвал ее участковый. — А вы тоже успокойтесь, — прикрикнул он на загалдевших баб. — Найдю я вам пропажу, никуда ваши мужики не денутся. Не растворились же они, в самом деле. Наверняка пьют где-то, больше и думать нечего.

Но ни в этот вечер, ни на следующее утро мужики так и не объявились. Мало того, за ночь пропало еще четверо. Филимоныч в недоумении только руками разводил и пытался переорать наседавших на него баб.

— Ну не знаю я пока еще, где они находятся! В других деревнях их тоже нет, значит, здесь где-то схоронились.

— А может, неживые они уже, — запрочитала вдруг Люська.

— Что ты ерунду городишь, — сорвал голос участковый. — Что значит — неживые?

— А то, — с новой силой заволновались бабы. — Может, маньяк у нас в деревне объявился, или басмачи в рабы мужиков уворовали, или на выкуп.

— Какой маньяк, какие басмачи? — вылупил глаза Филимоныч. — Общее помешательство у вас, что ли?

— Сам дурак. Аль телевизор не глядишь? Вот в Сирии сколько рабов находили, и денег миллионы требуют! — орали бабы, не давая участковому опомниться. — А ты тут штаны протираешь. У тебя из-под носа семерых уже утащили, а ты и глазом не моргнешь. Совсем нюх потерял.

— Да чё вы на Филимоныча набросились? — пожалела растерявшегося милиционера Верка. — Никакие это не басмачи, это волковские шалавы наших мужиков сманивают.

— Дездемона, ты уж, прям, сразу объяви, что в Осиновке и в Волково позавчера публичные дома открыли, а мы об этом до сих пор ничего не знали, — съязвил кто-то.

Вокруг раздался оглушительный хохот.

— Ладно, смейтесь, — обиделась Верка, — а вот как еще кто пропадет, тогда вспомните мои слова, да поздно будет, опутают мужиков лахудры волковские.

Дездемона как в воду смотрела — к вечеру пропало еще девять человек.

— Звони в область, пусть собаку присылают, — наседали на участкового разъяренные бабы.

— Не смешите народ — собаку приглашать! Что тут, убийство какое произошло? Ни трупов, ни крови. Да меня пошлют куда подальше, и весь разговор.

— Тогда сам ищи, нюхай, а не стой тут, как истукан!

— А вы не орите, у меня от вашего ора уже мозги вздулись, того и гляди лопнут.

— Пусть лопают, один чёрт от них никакого проку.

— Всё, бабы, шабаш! — рявкнул на толпу Филимоныч. — Я вам говорю: они точно где-то пьют, поэтому давайте искать их всем миром. Сегодня уже поздно, скоро темно, поэтому устроим в огородах засады. Им же нужно чем-то закусьвать, думаю, к утру их вычислим. Если нет, тогда с утра каждую щель в округе проверим. Согласны?

— Чего уж теперь, — дружно закивали бабы, — назначай, кто куда.

— Дежурить будете по трое. Если кого увидите, шум не поднимайте, пусть запасутся, чем пожелают, а потом, когда обратно возвращаться станут, проследите за ними. Заметите, где прячутся, — и сразу ко мне. Мы их всей деревней брать будем. Всё ясно?

— Давно бы так, — воспрянули духом бабы, расходясь по назначенным местам. — Уж мы их возьмем, так возьмем, только кости затрещат!

Где-то, только-только за полночь, сидя в засаде за кустами смородины в своем огороде, Зойка толкнула локтем Люську.

— Слышала? — указала она кивком головы в сторону забора.

— Что? — испуганно прошептала Люська.

— Штакетник треснул.

— Я сейчас проверю, — дернулась было с места Дездемона.

— Сидеть, спугнёшь! — схватила ее за локоть Зойка. — Филимоныч приказал только вслед идти.

Бабы вновь затаились, напряженно всматриваясь в темноту. Минуты через две от забора отшатнулась чья-то тень. Кто-то порыскал по огороду минут пять и опять исчез за забором.

— Пора, — поднялась из-за кустов Зойка.

Замирая от страха, бабы осторожно двинулись вслед ночному пришельцу. По земле стелился серый туман, небо приволокло тучами, и только луна, выглядывая из-за них, помогала следовательницам различать впереди смутную фигуру.

Тень выделявала замысловатые петли, плыла в волнующейся дымке в сторону барских развалин.

Люська, Зойка и Верка, дрожа в предчувствии чего-то ужасного, старались не отставать от «привидения».

— Зойка, видала? — вдруг затыкала пальцем вперед Дездемона. — Испарилось оно, нет его нигде.

— Ой-е-ей, — закрестилась в ужасе Люська, — это мертвяк, бабоньки, заманивает!

— А-а-а! — заголосила Верка и первая кинулась прочь.

За ней рванули и остальные. Не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, бабы с подвываниями влетели в деревню. Найдя Филимоныча у правления, они, перебивая друг друга, кинулись взахлеб рассказывать ему о случившемся.

— Мертвяк это был, — заикаясь, всхлипывала Люська. — Мертвяк самый натуральный, я сразу поняла! Над землей парил, ноги болтались из стороны в сторону, а как до развалин долетел, тут же пропал, сквозь землю провалился.

— Старый барин это, — выпучив глаза, показывала параметры привидения Дездемона. — Мне еще бабка рассказывала: ходит по ночам, невесту себе ищет. Найдёт красивую и за собой в могилу утаскивает.

— Ага, точно, — раздался чей-то насмешливый голос. — За Дездемоной мертвяк приходил...

Грянул громкий смех сбегавшихся на крик баб, и в сторону Верки понеслись подковырки.

— Что ж ты, Верка, за ним не бросилась? Глядишь бы, уж сидела б сейчас во дворце подземном и купалась в золоте и бриллиантах. Иль Зойка с Люськой не пустили?

— Дуры, я ить серьезно говорю, — не на шутку разошлась Дездемона. — Барин это мертвый, вот вам крест.

— Ага, барин, — смеялись кругом, — встал из гроба и прямиком до Верки, невестой неписаной! А она его не поняла, счастье свое под землю упустила.

— Ну, всё, хватит, — отсмеявшись, строго прикрикнул на баб Филимоныч. — С барином всё ясно. Вы мне лучше скажите: место, где это привидение исчезло, вы запомнили?

— Да вроде, — неуверенно затопталась на месте Зойка.

— Тогда пошли, — скомандовал участковый и решительно зашагал на длинных ногах в сторону барской усадьбы. Не услышав за собой шагов, Филимоныч оглянулся. — Вы чего? — удивленно спросил он у стоявших, как вкопанных, женщин.

— Ночью?! — ахнула Дездемона. — Я не камикадзе какая-нибудь добровольно отправляться на съеденье к вурдалаку.

— Какому вурдалаку! — топнул сапогом обозлённый Филимоныч. — Ты чего, белены объелась или наркотик какой проглотила?

— Ничего она не глотала, — вступилась за Верку Зойка. — Откуда нам знать, кто там шастает! Может, там бандюги какие, бандеровцы?

— Кто-кто? — аж присел пораженный Филимоныч.

— Бандеровцы, — неуверенно повторила Зойка.

— Тьфу ты, черт! — сплунул от досады участковый. — Точно сдурели. Какие еще бандеровцы?!

— Тогда кто это, а? — скрестила руки на пышной груди Зойка.

— Мужики это ваши, вот кто!

— Не, мужики наши ни с того ни с сего растворятся не станут, я по своему Степану знаю, — задумчиво произнесла Люська.

— Ну-ну, давай высказывай, кто же это, по-твоему? — раздраженно посмотрел на нее Филимоныч.

— Права Верка, как бы вы над ней ни смеялись, барин это прежний, места себе не находит.

— Может, и точно барин? — засомневались вдруг бабы. — Ведь и нам раньше в детстве бабки рассказывали страшные истории про развалины.

Филимоныч, открыв от изумления рот, обводил всех обалдевшим взглядом.

— А может, и не барин, — неожиданно изменила свое мнение Люська. — Может, мертвяк какой кому в дом хотел прийти, кладбище-то рядом.

— Свят, свят, свят, — закрестились бабы, испуганно поглядывая друг на друга.

— У тебя что, крыша совсем поехала? Приди в себя! — заорал на Люську Филимоныч. — Может, санитаров из дурдома вызвать? — И тут же обратился к толпе: — Ладно, бабы, давайте по домам. Возьмите, если уж вам так страшно, вилы, топоры, фонарики — и вперед, барина искать.

— Я кол осинового захвачу, — серьезно заявила Дездемона.

— Зачем? — не понял Филимоныч.

— В сердце вурдалаку вбивать.

— Бери хоть десять, — махнул рукой участковый.

Через час вооруженные до зубов бабы во главе с Филимонычем подошли к заброшенной усадьбе.

— Кажись, где-то здесь, — неуверенно остановилась Зойка у кустов сирени.

— Тогда так, — громким шепотом распорядился Филимоныч, — разбиваемся на группы по пять человек и тихо, как мыши, обследуем каждый кустик, каждое деревце, каждую канавку вокруг. В случае чего — кричите. Ясно?

— Ясно, — дружно закивали бабы и разбрелись в темноте.

Минут через десять ночную тишину прервал дикий вопль:
— А-а-а!

За ним прозвучал другой, потом третий, и через минуту вся округа вопила что есть мочи. Со всех сторон мимо участкового в сторону деревни пробежали бабы. Спотыкаясь, они падали в мокрую траву, тут же вскакивали и продолжали свой бег, крича дурными голосами.

У Филимоныча глаза полезли на лоб от изумления, и он, сам не зная, что и подумать, кинулся вслед за женщинами. Только у околицы все остановились.

— Вы чего? — перевел сбившееся дыхание участковый, поправляя фуражку. — Случилось что?

— Заорал кто-то, — икнув, ответила Люська.

— И что?

— Страшно, — загалдели кругом бабы.

— Значит, кто-то один заорал, — стало доходить до «Анискина», — и все — тоже, кто-то один побегал — и остальные тоже, так?

— А сам-то чего, лучше, что ли? — огрызнулись бабы.

— Кто первый закричал, признавайтесь! — не стал вступать в перебранку участковый.

— Ну, я, — всхлипнула в толпе Дездемона.

— Почему, можно полюбопытствовать? — ехидно спросил Филимоныч.

— Из-под земли голоса раздавались, — стучала зубами Верка.

— Свят, свят, свят, — в страхе закрестились бабы.

— А тебе не померещилось? — прищурил глаза Филимоныч.

— Н-нет.

— Понятно, — участковый задумчиво почесал затылок, сдвинув фуражку на густые брови.

— Что — понятно? — насторожились женщины.

— Под землей они.

— Кто «они»? — в испуге взвизгнули в толпе. — Мертвяки?

— Дуры, мужики ваши, вот кто! — в сердцах сплюнул Филимоныч, поражаясь бабской глупости. — Видать, нашли всё ж погреб...

— Какие погреб? — с любопытством уставились на «Анискина» бабы, отходя от испуга.

— А такие, — обвел всех победным взглядом участковый. — Если вы помните сказки про барина, должны помнить и рассказы про винные погреба, что были в старину при этой усадьбе. Мне отец рассказывал, что еще в его молодости эти подвалы искали, а потом забросили искать, посчитав всё это за выдумки. Но, видать, правдой оказалось, другого объяснения пропажи наших мужиков не нахожу. Видать, наткнулись случайно на погреб, ну и...

— Идем назад! — загалдели вокруг бабы. — Верка, показывай место, где голоса слышала. Это что ж такое, без нас дворянское вино хлестать!

— Не пойду, — уперлась Дездемона. — Давайте утром.

— Ни какого утра. Сейчас, немедленно! — орала бабы, подталкивая Верку в спину. — До утра они, может, всё выпьют. Что ж, из-за твоей трусости нам без барского вина оставаться? Веди, а то побьём.

Вернувшись к развалинам, Дездемона молча показала страшное место.

Тщательно обследовав небольшой участок усадьбы, бабы наткнулись на лаз под землю, прикрытый ржавым куском железа. Из-под него наружу прорывались приглушенные мужские голоса.

— Ну, вот вам и барин-вурдалак, и мертвяки, и бандеровцы... — усмехнулся Филимоныч, отодвигая в сторону ржавую крышку. — Я спущусь первым, оценю обстановку, а потом вас кликну.

— Ни черта, — оттолкнули его в сторону бабы. — Не надо нам никакой обстановки. Знаем мы тебя, счас будешь орать, что всё конфискуешь именем закона. Мы чего, зря страхи такие терпели, ночь не спали, чтоб ты наше вино у нас отбирал? Отойди, Филимоныч!

— Постойте, — попытался прорваться к лазу «Анискин», — слово даю, что не буду ничего конфисковывать. Сами подумайте, мужиков надо подготовить, а то ведь вас увидят — сразу скандал, мордобой. А я их припугну, пострашаю, тогда и вы спуститесь.

— Не врешь? — подозрительно поглядывали на Филимоныча бабы.

— Да когда я врал? — оскорбился участковый.

— Перекрестись, — нахмурилась Зойка.

— Вот-те крест! — простучал по груди Филимоныч.

— Лезь, — согласились бабы.

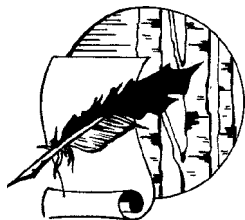
Минут через пятнадцать из лаза появилось раскрасневшееся довольное лицо Филимоныча.

— Бабоньки, да там не склад, а клад самый настоящий! — в восторге тряс початой бутылкой вина «Анискин». — Ох и вина, ну и вина! На неделю пить не перепить!

— Где там наши голубочки? — радостно затараторили бабы, спускаясь в погреб. — Соскучились, небось, без нас?

— А то-о-о! — глухо ответило подземелье.

г. Калининград



Магомед АХМЕДОВ

ЗЕЛЁНЫЕ ЗВЁЗДЫ

ПОЭТ И ИМАМ

Бой затих... И скалы понемногу
Озарялись отсветом луны...
«Выхожу один я на дорогу...», —
Доносилось с русской стороны.
И печально делалось и больно,
Отступали смерть и уют.
И Шамиль заслушался невольно:
«Что за песню русские поют?»
И толмач, имама знавший лучше,
Чем любой отважнейший мюрид,
Рассказал, что Лермонтов... Поручик...
Написал слова... Он здесь убит...
— А о чём она? — Да о герое,
Не жалевшем прошлого ничуть —
Он искал свободы и покоя,
Он хотел забыться и заснуть...
— Ну а как погиб? Из-за наветов?
Или горец выстрелил в висок?
— Русские... Они своих поэтов
Часто убивают. Видит Бог...
Всё у них поэты виноваты,
Им ценить поэтов Бог не дал...
— Если б мне он встретился когда-то,
Я бы свой не вытащил кинжал.
Что не наши — это слава Богу, —
Закивал имам... Шагнул к реке.
«Выхожу один я на дорогу...», —
Затихало где-то вдалеке.

РУССКОЕ ПОЛЕ

О, русское поле... Снега и снега.
Душа оживает от снега и света.
Старею... Но ты, как была, дорога —
Поныне дороже мне женщины нету!

Любимая, где ты? Кого мне винить?
Как жить без тебя мне с бесцельной целью?
Неужто метель так смогла закружить
Тебя?.. И ты сделалась белой метелью?

Любимая, где ты?.. Позёмка кружит,
Неспетую песню уносит далече.
А сердце без песни болит и болит,
А снег всё летит — на виски и на плечи.

Снежинка легка, но так больно плечу,
Когда под седлом ослабляя подпругу,
Я всадником белым сквозь вьюгу скачу —
По русскому полю... Сквозь русскую вьюгу..

Всё чудится — ты заблудилась в пути
Две наши дороги сойтись не успели...
И конь мой к тебе понапрасну летит
По русскому полю средь белой метели...

* * *

Отару Чиладзе

«Честь имею...» — коротко и страстно...
Честь имели храбрые мужи.
Вызов на дуэль... Рассветом ясным
В пистолеты вложены пыжи...

Разве нынче помнят про дуэли?
За углом ударили под дых...
Вместе с той эпохой отшумели
Страсти дуэлянтов удалых.

Никого уже у речки Чёрной
Подойти к барьерам не зовут.
Честь иметь — давно почти позорно,
Честь имеешь? — первым оболгут.

Чёрный воск ползет по чёрной свечке,
Чернота на кончике пера.
Черноту нам в души с Чёрной речки
Всё приносят чёрные ветра.

Бросишь взгляд... Жестоко ошибёшься.
Застит очи чёрная пурга.
Нелюбимой в чувствах поклянёшься,
Следом друга примешь за врага...

А потом, почти уже немея,
Позабыв про славу и талант,
Прохрипишь чуть слышно: «Честь имею...»,
Как с пробитой грудью дуэлянт.

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я — старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзённые выи.
И только ослепнув, вдруг понял — я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

Я так ликовал, если выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась чёрной, как мутное зелье.

Тяжелое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,

Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моем выстрелы снова звучат —
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко храпя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозное ущелье.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Зелёные звёзды порою мне светят с небес,
Зеленые травы мне дарят зеленые тайны.
И в зелени луга мне чудится столько чудес,
Хотя я всего лишь — растерянный путник случайный.

Здесь всё неподдельно и всё пробирает до слёз,
И сердце поэта зелёное марево лечит.
Зелёные косы раскидистых русских берёз
В Гунибе ласкают мои утомленные плечи.

Зелёные звезды с собой ты неслышно унёс.
Стою у могилы... Какие здесь могут быть речи?
Зелёные косы родимых гунибских берёз
Мне в Вологде молча ласкают усталые плечи.

Ушел ты не понятным... Не понимают меня —
Вовек не сойти нам с того бесконечного круга.
Но токи земли через нас проникают, звеня,
В высокое слово... И мы понимаем друг друга.

Я горского хлеба принёс тебе щедрый кусок,
Голодные птицы на хлеб напустились оравой.
Ты был одиноким... Я тоже давно одинок.
Бог видит — сочтёмся с тобою посмертною славой.

Боюсь обмануться и что-то промолвить не то...
Могила твоя не забыта в краю богоданном.
Есть памятник даже... Ты в чёрном немодном пальто.
И в шарфике чёрном... С нелепым своим чемоданом.

Собрался в дорогу... Последний готов пароход...
Вечернее эхо неспешно парит над рекою.
Минута-другая — и твой пароход уплывет...
Последним поэтам ты нервно помашешь рукою.

Букетик к букету... Торжественный траурный ряд.
Стихи подступают... И нет у поэзии края.
Стихов твоих звёзды давно над Гунибом парят,
Цветы из Гуниба у ног твоих чуть озаряя.

* * *

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовет прозреньем,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живешь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать...
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил — то тебе не впрок.
И всё гадаешь — что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идешь, гонимый черным веком,
На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком —
Придет строка, чтоб мучить и звучать.

Перевел с аварского Анатолий АВРУТИН

ШИЕС

ОЧЕРК

За вагонным окном проносятся серые облака, сплошь затянувшие небо. Пасмурно, полутемно. День — одно название, что день. Деревья давно уже сбросили листву, она покрывает землю бурым месивом. Тёмно-зелёные ели выглядят настороженно и хмуро в окружении чёрного кустарника, напоминающего колючую проволоку. Всё это снова и снова возникает за вагонным окном — и снова и снова уносится мимо, вдаль. Чтобы снова и снова возникнуть за окном сидячего вагона поезда Москва—Воркута.

К нам подходит женщина в бордовой куртке.

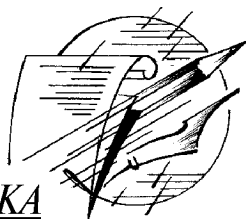
— На Шиес едете? — обращается она к Михаилу, на груди которого значок с надписью «Шиес. Ни шагу назад!»

— Да.

Женщина молча протягивает Михаилу купюру. Тысяча рублей. Михаил говорит ей:

— Спасибо!

Полчаса. Час. Время тянется невыносимо медленно. Кажется, что оно вообще остановилось. За вагонным окном всё то же мелькание серого, тёмно-зелёного, чёрного. Бесконечное мелькание серого, тёмно-зелёного, чёрного...



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Но ничто не может быть бесконечным.

Разноцветная мозаика флагов на самодельных флажтоках за окном! Станционное здание. Высокие груды щебня. Люди, машущие поезду руками с вершины одной из этих груд. Гудок электровоза. Ещё один, ещё, ещё!

— Сюда не зарастёт народная тропа, — говорит Александр.

Шиес остаётся позади. Нам нужно выйти здесь, но мы не можем. Решением РЖД на этой станции отменена остановка поездов. Обычных, по крайней мере. Сходить с поезда нам придётся в двадцати километрах отсюда, в Мадмасе. Это уже территория Коми.

В Мадмасе нас никто не встречает. Моросит холодный дождь. Мы грохаем рюкзаки на землю, Александр берётся за мобильный телефон. Но буквально через пару минут к перрону подруливает «буханка».

— Заправляться ездил, — объясняет водитель, пожимая нам руки. — Не рассчитал малость.

И тут же начинается разговор о недавнем событии — прорыве бензовозов на Шиес.

— А сопровождение-то! — говорит водитель. — Четыре машины ОМОНа! Вояки! Все в масках, б... И сам замминистра Коми с ними!

— Это замминистра внутренних дел?

— Ну да!

— Тоже в маске?

— Не, тот без маски.

— Карнавальную надо было ему надеть, — говорит Михаил.

— Да уж... Главное, мы их с севера ждали, а они помаячили на севере и ночью двинулись югом. Урдуму оцепили, газовиков «построили», всё рассчитали!

— А как такое вообще возможно? — спрашиваю я. — ОМОН из Коми на территории Архангельской области?

— А у нас тут, б..., всё возможно.

— Но официально-то это как-то вам объяснили?

— Сказали — «проводится операция».

— Какая именно?

— Какая — не сказали. Операция.

Грузимся в «буханку». К нам присоединяются мужчина с собакой на поводке и молчаливый парень с обтрёпанной «одноразовой» сумкой вместо рюкзака. Через некоторое время, показав чудеса преодоления размытой дождями грунтовой дороги, «буханка» останавливается.

— Пересадка! — сообщает водитель. — Дальше на «Зырянине».

Я с изумлением смотрю на невиданное мною доселе транспортное средство. Больше всего оно похоже на большущий металлический почтовый ящик, взгромождённый на четыре колеса от «БелАЗа». Мы передаём рюкзаки забравшемуся внутрь Михаилу и забираемся в металлическое нутро вездехода сами.

— Солидная техника! — говорит Александр, устраиваясь рядом с водителем.

— В Усинске делают.

— А движок какой?

— Вазовский. Захочешь — любой могут поставить. Держись крепче.

Напоминание не лишнее. Дорога — аж собаку начинает тошнить. Такое ощущение, что мы не едем, а карабкаемся куда-то. Примерно через полчаса выгружаемся у железнодорожной насыпи. В непролазную грязь, которая с первого же шага принимается измерять высоту наших резиновых сапог. Чавк, чавк, чавк... Пока сапоги, к счастью, выше.

Поднимаемся на насыпь. Первое, на что обращаешь внимание — громадные груды щебня вдоль неё. На одной из груд два человека в ярко-зелёных дождевиках. Рядом с ними красный флаг, воткнутый в щебень. Люди приветственно машут нам руками, мы машем в ответ.

И тут же — словно из ниоткуда возникнув — перед нами оказываются две фигуры в чёрном. Лица закрыты «балаклавами». Сотрудники ЧОПа. Мы молча проходим мимо них. Одна из фигур поднимает руку, в руке небольшая видеокамера. Она неспешно нацеливается на нас всех по очереди: на Александра, Михаила, другого Александра, Юрия. И на меня.

Это действие выглядит каким-то зловещим ритуалом. Жутковато. Хочется показать объективу камеры язык. Но я напоминаю себе, что здесь, на Шиесе, не место мальчишеским выходкам. Здесь людей задерживали, штрафовали, избивали. Здесь — всё всерьёз.

Огибаем станционное здание из силикатного кирпича, проходя мимо ещё нескольких фигур в чёрном. И направляемся к флагам на высоченных самодельных флагштоках. Их множество — флаги разных стран, разных русских городов, разных партий. Совсем рядом друг с другом Спас Нерукотворный и флаг ВЛКСМ.

А за флагштоками — палатки всех видов (от маленьких летних до многоместных зимних), балки, сарайки, нетканка, брезент, фанера, полиэтилен, доски. Железные трубы, из которых идёт дым. По сути — целый своеобразный город.

— Пост «Ленинград», — говорит мне Александр. Он, в отличие от меня, уже бывал раньше на Шиесе. Потому и встречают его радостно, как старого друга. Радушно встречают и всех остальных.

— Хорошо, что приехали! — улыбаясь, говорит невысокая женщина. — А то народу сейчас маловато.

— Сколько?

— Человек тридцать. С вами — уже почти сорок.

— Сегодня четверг, — говорит Александр. — В выходные наверняка люди подтянутся.

— Конечно!

Относим рюкзаки в одну из палаток. Внутри печка: не замёрзнем. Палатка рассчитана на четверых, но я по походному опыту знаю, что поместиться в ней смогут и пятеро, и шестеро человек. А при необходимости и больше.

— Чем я могу быть полезен? — спрашиваю Александра.

— Дело найдётся. Печки топить, воду носить...

— А воду откуда здесь носят?

— Привозят: через пост «Костёр». Потом флягу на двадцать литров в рюкзак — и понёс. А так-то колодец есть в лесу.

— На посту «Крепость», — уточняет Михаил.

Пост «Ленинград», что вполне очевидно, центральный — он самый большой и непосредственно граничит с позициями сотрудников ЧОП. Я ловлю себя на мысли: городок активистов на первый взгляд напоминает нечто вроде бразильских фавел: лепящиеся друг к другу сараюшки, «удобства во дворе», вездесущая грязь под ногами... Припоминаю, как в интернете активистам злорадно пеняли на эту грязь: дескать, боретесь против свалки, а сами-то... Но за первым взглядом следует второй — и видишь, а точнее, не видишь под ногами ни единого полиэтиленового пакета, ни единой консервной банки, ни единого конфетного фантика. Мусор здесь тщательно убирают, сортируют, вывозят. Городок активистов выглядит хаотично, однако организовано всё толково: дай бог в любом городе так организовать, как люди смогли здесь, посреди тайги. И не грязь под ногами, а болотистая таёжная почва. Которую непрерывно заливают в эти осенние дни дожди. Какого комфорта тут требовать?

Постепенно начинаю ориентироваться: вот жилые территории, вот генератор и склад топлива, продуктовый склад, костровая зона, мусорная площадка, умывальник и туалеты (мужской и женский — отдельные строения), кухня, столовая. Столовая и кухня — самые вместительные постройки. Столовая одновременно является ещё и своего рода штабом. В данный момент тема номер один — прорыв бензовозов.

— Как это они шли вдоль газопровода?! Бензовозы! Ночью! А там «нитки» старые — случись что... По закону...

— Да видели они законы!

— В четыре часа утра! Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...

— Вот ведь злыдни! Всё спланировали! Людям пятнадцати минут не хватило. В Урдоме спохватились — поздно...

— И интернет в Урдоме отрубили!..

— В четыре часа утра...

— Ещё огнемёты им раздать...

— Грамотно действуют, заразы! А ОМОНа-то сколько — целое войско...

— Ну и что? И показали, что против нас целое войско нужно! Силовики, б... Всем теперь ясно, для чего эти силовики...

— Стравливают Коми и Архангельск...

— Ещё «операция» у них...

— АТО, что ли?..

— Ато. А до чего они дойдут таким манером?..

— На сколько им топлива теперь хватит? На пару месяцев?..

— На три точно. Два бензовоза и прицепная цистерна. До конца января. А там зимники. Время тянут...

— Ну, хоть от вертолётов они отказались...

— Деньги считать начали — прижало, значит...

— ОМОН дешевле купить, конечно, чем вертолёт...

— Как в глаза-то людям будут смотреть?..

— А чё им смотреть, у них маски!..

Я грею озябшие руки у металлической печки, стоящей в столовой. Похожие печки во время Великой Отечественной войны называли «буржуйками». Думал ли я о том, что буду греть руки у «буржуйки» в Ленинграде? Словно страницу истории перелистнули назад.

— Из «Левого блока» здесь сейчас есть кто? — спрашивает приехавший с нами парень.

— Мы тут блоками не интересуемся.

— Только если бетонными...

Темнеет. Освещение есть: генератор работает. Но налобный фонарик, стоит сделать шаг в сторону от «Ленинграда», тут же оказывается предметом первой необходимости. Под ногами грязь, с неба — дождь, лучи фонариков мечутся, скользят в холодной, влажной тьме.

— Мне в поезде деньги дали, — говорит Михаил.

— Завтра из Урдомы завхоз приедет, ему отдашь.

— Продукты кому отдать? — спрашиваю я.

-
- А что привёз?
 - Сухари, тушёнку..
 - На кухню отнеси.

На кухне готовится ужин. Две женщины хозяйничают у кастрюль и котлов: здесь и печка, и электроплитки. Вся кухонная утварь разнокалиберная, с бору по сосенке.

В столовой — в штабе — составляют график дежурств на постах. На посту «Гора» дежурные меняются каждые два часа, поэтому людей нужно много. Мы с Александром записываемся на дежурство с четырёх до шести утра.

Рядом со мною негромко переговариваются между собой юноша и девушка. Язык, похоже, польский. Двое мужчин утомительно долго обсуждают итоги сентябрьских выборов в московском Кунцево, в которых один из них, надо понимать, принимал участие, и, надо понимать, проиграл. Надо понимать, незаслуженно.

— Посуду моею за собой! — командирским голосом напоминает женщина с рацией в руке. И добавляет столь же строгим тоном, обращаясь сразу ко всем присутствующим:

- Закон «Ленинграда» помните?
- Это насчёт спиртного? — уточняю я.
- Вот именно!

— Пьяный на войне — хуже врага, — говорит кто-то, возясь у печки. — Про речку Пьяну не забывать надо.

- Когда татар проспали?
- Ага. Когда ж это было-то...
- В 1377-м году.
- Точно.

В половину четвёртого просыпаюсь: мобильник Александра сигналит прямо в ухо. В палатке тепло — печка-«пошехонка», которая топится древесными брикетами, греет добросовестно. А вот едва выбираешься из палатки — дрожь сотрясает тело. Двигаться, двигаться! Умываюсь ледяной водой из ракушечника. Ночь. Капли дождя непрерывно летят с тёмного неба. Флаги хлопают, бьются на ветру.

Глотнув кофе в столовой, надеваем ярко-зелёные дождевики и выходим под дождь, который становится всё сильнее. Шагаем к станционному зданию. У Александра шаги широкие, я едва успеваю за ним. Впереди маячат фигуры в чёрном.

- Ку-ка-ре-ку!
- По-моему, я толком не проснулся, — говорю Александру. — Чудится, что петух кричит.
- Не чудится. Он в сарае с инструментами сидит.
- Из Урдомы привезли?

— Не знаю. Наверное...

Поднимаемся на гору щебня. Дежурные, которых мы сменяем, отдают нам бинокль, фонарь и рацию.

— Всё спокойно?

— Вроде бы да.

Отсюда, сверху, хорошо виден и пост «Ленинград» с его флагами, палатками и сарайками — и предполагаемая территория мусорного полигона. Она наполовину залита водой. Сбоку, освещённая по периметру прожекторами, на бетонных плитах разместилась база ЧОП: складские и хозяйственные блоки, двухэтажный жилой блок, грузовые автомашины. В лучах прожекторов различаю чёрные фигуры.

«Звёздные войны». Планета Шиес. Повстанцы против имперских штурмовиков. Только штурмовики не в белом, а в чёрном.

— В мае здесь жарко было, — говорит Александр. — Что творилось! Настоящая «горячая точка». Да и в июне тоже... Тогда и меня задержали. Вон, смотри — вон там стычка была! Я сейчас думаю, что спровоцировали людей всё-таки. Тут нервы крепкие надо иметь. Чопики что хотят, то и творят. А полиция... Говоришь ему: «А если тебе стрелять прикажут?». А он, знаешь, что в ответ? — «А мне пофиг!». Пофиг им, понимаешь? Вот и весь разговор. Да какой тут разговор... Люди говорят: «Полигона не будет!». А им говорят: «Полигон будет!». Что людям остаётся делать?

«А в самом деле — что? — думаю я. — Сопротивляться? — экстремизм. Смириться? — унинительно. Пожалуй, остаётся именно вот это, именно то, что люди сейчас и делают: стоять. Стоять лицом к лицу с незваными гостями, вращая ногами в родную землю. Становясь ею...»

Мимо с грохотом проносится длинный товарный поезд, электровоз несколько раз швыряет в окружающую тьму протяжный гудок. Я откидываю капюшон и подставляю лицо холодным дождевым каплям. Не спать...

Нас сменяют в шесть часов утра, минута в минуту. Забираемся обратно в тёплую — ох! — даже слишком тёплую палатку.

— Насовали брикетов в печку, организмы! — ругается Александр.

Проснувшись через пару часов, умывшись и отправившись в столовую, узнаём, что из Урдомы вот-вот должен прибыть «Зырянин» с грузом бензина и продовольствия.

Пьём кофе. Оживает рация:

— Пост «Гора» вызывает «Ленинград».

— «Ленинград» на связи.

-
- К вам направляются двое сотрудников полиции.
 - «Ленинград» понял, спасибо.

Все невозмутимо продолжают прихлёбывать кофе. Потом женщина, строго напоминавшая вчера о законе «Ленинграда», выходит из столовой. Мы выходим вслед за нею. Полицейские вяло спрашивают о чём-то (о ком-то). И удаляются. «С Дону выдачи нет», — припоминается мне.

- Пост «Костёр» вызывает «Ленинград».
- «Ленинград» на связи.
- «Зырянин» на подходе к вам.
- Принято.

Отправляемся вдоль железнодорожной насыпи туда, где вчера выгружались из вездехода. С собой забираем мешки с мусором. После ночного дождя сапоги ещё глубже, чем накануне, вязнут в грязи. Двое мужчин волокут по уходящему из-под ног болотному кочкарнику тачки. В тачки сгружаем из «Зырянина» канистры с бензином. Продукты — в рюкзаки. Рулон нетканки намотан на длинную жердь, которую поднимают на плечи два человека. И — потопали...

Сотрудники ЧОП исправно снимают нашу растянувшуюся вдоль железнодорожного полотна процессию на видеокамеры. Мы молча проходим мимо них.

Разгружаем продукты: частично на склад, частично на кухню. На кухне обеденные хлопоты в самом разгаре. Позже, за обедом обсуждаем свежую новость: на станции неожиданно остановился товарный состав. Слово «неожиданно» здесь не любят — оно не к добру. Вскоре появляется с подробностями «мэтр интернета» Оксана:

— С поезда сошли двое сотрудников транспортной полиции.

- Зачем?
- А кто их знает! К чоповскому переезду пошли.
- К незаконному? Так они что же, получается, за нас?
- Все против нас, — мрачно звучит у меня из-за спины.
- Да нет, тут дело такое... Надо бы разобраться, что у них на уме.

- Башли у них у всех на уме.
- Бима никто не видел?
- Кого?
- Собаку, которую в Мадмасе подобрали.
- Бима?
- Ну да, куда Бим подевался?
- На станцию ушёл.
- Сдаваться?
- Вот ведь чёрное ухо...

-
- Задержат как подозреваемого...
 - А может, инфоцентр пошёл обоссать?
 - Не исключено...

Палатка информационного центра стоит на базе ЧОП неподалёку от станционного здания. Я наслышан, что внутри информационного центра размещены информационные материалы, информирующие о позитивности проекта, который сторонники называют экотехнопарком, а противники свалкой московского мусора. Информационный центр появился после майских и июньских столкновений на Шиесе, когда считалось, что вот-вот на происходящее отреагирует Путин. Может, даже появится здесь. Путин не появился, появилась палатка информационного центра.

Дождь, прекратившийся было, вновь принимается поливать раскисшую землю. Под ногами всё разъезжается, скользит.

Несколько человек с рюкзаками подходят к столовой попрошаться с остающимися. Им пожимают руки:

- Привет Нижнему Новгороду, ребята!
- Вы из Нижнего? — спрашиваю я.
- Оттуда.

— Я у вас был на Рождество. Красивый город. Только с жильём забавно получилось.

— А что?

— Прочитал в интернете рекламу хостела: «Из окон вид на Кремль, 500 метров до центра». А оказалось — пятьсот, только почти по вертикали.

- Это где?
- Почайна.

— А, Почайнский овраг! В хорошей физической форме нужно быть, чтобы наверх топтать... Хостел-то хоть нормальный?

— Нормальный. И Кремль из окон действительно видно. Он внушительный у вас... гордый такой...

— Ещё бы не гордый! Ни разу за всю историю никому не сдавали! А ведь в 16 веке три раза штурмовали!

— «Зырянин» ждёт! — торопят нижегородцев.

Они уходят. Я смотрю на флаги — вот он, флаг Нижнего Новгорода — красный олень на белом фоне.

И флаг Архангельска — неподалёку от него.

— Мужчины! Воды надо принести!

Цепочка людей направляется в сторону леса. Я присоединяюсь к ним.

— А понесём-то в чём? — спрашиваю Александра.

— На посту «Баня» пятилитровки.

— Баня?

— Ну а как без бани? Оборудовали.

Добравшись до леса, выходим на довольно широкую дорожку. Широкою — по местным меркам. Берёзы и ели тесно смыкаются вокруг.

— Видишь? — показывает Александр мне на обломки вагончика, притиснутые к одному из деревьев.

— Это тот самый — когда экскаватором?

— Тот самый. Тогда людей здесь здорово обозлили, конечно. А люди сами ещё и виноваты, вроде как, оказались.

«Нормальный человек под экскаватор не полезет!» — вспоминаю я реплику в интернете. И ответную реплику: «В Великую Отечественную были ненормальные, которые и под танки бросались...»

Подходим к небольшой речушке: вода тёмно-бурая, торфяная. Рядом пятилитровые ёмкости — некоторые пустые, некоторые заполненные бурой водой. Разбираем пустые бутылки, здороваемся с женщиной, вышедшим из постройки, название для которой трудно подобрать. Не удивлюсь, если появится слово «шиесовка». Мужчина во «вьетнамках», даже смотреть на его почти босые ноги холодно.

— Здесь постираться можно, — говорит Александр. — Ну, если небольшое. А баня — вон. Сначала походная была, а сейчас уже всё основательно.

К бане ведёт дорожка, сооружённая из досок и брёвнышек. Но мы проходим правее и ступаем на тропинку, ведущую вдоль берега речушки. Неровная тропинка словно пытается стряхнуть с себя людей: ноги задевают о корни, съезжают то в одну сторону, то в другую. Потом начинается более ровный участок, но и более вязкий. Местами уложены жерди, местами просто приходится тщательно «целиться» ногами в кочки, чтобы не провалиться по колено. Или глубже? Проверять не хочется.

— Болот, они говорят, здесь нет, — ворчит один из идущих впереди меня мужчин. — Как же, нет... Прямо парк Горького...

Деревья расступаются, мы пересекаем высокие заросли пожухшей травы. Я вижу развалины двухэтажного здания из силикатного кирпича. Вероятно, именно здесь находился посёлок лесозаготовителей Шиес.

Как же быстро природа вернула себе свою территорию!

Проходим мимо здания, от которого осталась, по сути, одна стена, да груды кирпичей вокруг. Что это было? Администрация? Пожарная часть? Дом культуры? Что бы ни было — всё в прошлом.

Пост, открывшийся нашим глазам, встречает нас надписью: «Брестская крепость. Мы не уйдём!». Красные буквы на белом полотнище смотрятся так, словно кто-то сорвал белый флаг и вытряхнул из него всю капитулянтскую сущность. Между палатками и навесами проложены дорожки из кирпичей. Там, где они сходятся, табличка с надписью «Площадь Революции».

Приветствуем дежурных, которых предстоит сменить: они из Твери.

— Как у вас тут? Чопики не беспокоили?

— Бродят...

Круглый бетонный колодец закрыт аккуратной самодельной деревянной крышкой. На ней надпись: «Открывать нежно!». Используя ведро и воронку, наполняем бутылки и пускаемся в обратный путь.

Тверичи, которых на посту сменили архангелогородцы, идут вместе с нами. Проходим мимо столба с указателями расстояний от Шиеса до разных городов. На ходу читаю надписи на дощечках, потемневших от дождей. Бросается в глаза яркая наклейка на столбе: «Нет московскому мусору на севере!».

С бутылками воды в руках нащупывать ногами кочки ещё сложнее. И на неровной, скользкой, петляющей тропинке за деревья рукой уже не удержаться: сохранять равновесие удаётся с большим трудом. Наконец, выходим на дорогу.

— «Технической» воды прихватите, — говорит мужчина во «вьетнамках».

На берегу речушки к жерди привязан кусок нетканки с надписью «Джек Дэниэлс». Я с недоумением смотрю на эту совершенно инородную здесь надпись, потом догадываюсь, что кто-то пошутил по поводу цвета торфяной воды.

Шутки шутками, а закон «Ленинграда» соблюдается неукоснительно. Ни одного пьяного или похмельного, ни капли спиртного. Трезвость без всяких пропагандистских кампаний. «Веселие Руси есть питие»? Допустим. Но тут не до веселья. У меня мелькает мысль: власти были бы счастливы, если бы активисты накачались водкой. Нет. Приходится иметь дело с трезвыми людьми.

Оставив питьевую и «техническую» воду у кухни, присаживаемся под навесом вокруг потухшего костра. Здесь девушка и юноша из Польши (я уже знаю, что их зовут Моника и Анджей) разговаривают с урдомчанами.

— А у вас в Польше такой беспредел бывает?

— Но — да... Бывает... Но у нас это скандал, пресса... все возмущаются... Так Беловежская пуца было, когда там хотели стройка...

— Беловежская пуца в Белоруссии!

— На граница Белоруссия и Польша. Подляское воеводство у нас. Там хотели, чтобы стройка дорогих домов. Но это — пресса, сразу скандал... Невозможно стройка...

Александр принимается разжигать костёр. Бумага прогорает быстро, сырые дрова не схватываются.

— Бересту бы...

— А у нас тут какой только прессы не приезжало, — с горечью говорит пожилой мужчина в камуфляже. — И всё без толку...

— Но строительство — оно сейчас нет?

— Сейчас нет, а завтра да. Бензовозы вон не зря протаскивали. И всё рассказывают, как нам хорошо будет с этой свалкой.

— У нас в Урдоме, — вступает в разговор женщина, которую я постоянно вижу хлопчущей на кухне, — чужих никогда не было. И тут вот эти — в масках. Как будто прямо в дом к тебе вломились.

— Так и есть, — говорит пожилой мужчина. — И никакой управы на них не найти. Полиция, вон, ходит, их защищает. Их, а не нас. И в судах нас судят, а не их.

«Все против нас», — вспоминаю я. Все против простых людей. Всё сделано здесь для того, чтобы эти люди разуверились во власти.

И поверили в себя.

— Я так понимаю, — говорит Александр, — Урдома вся против свалки? И отступить не собирается?

— А куда нам отступить — со своей земли? Под землю если только...

— А Яренск как?

— Серединка на половинку. Там бюджетников много, а они — люди подневольные. Что в Архангельске-то слышно? Вроде хотят признать всё это полигонное хозяйство самовольной постройкой?

— Да, в Арбитражном суде. Но это долго может тянуться.

— Ужинать будете? — доброжелательно спрашивает нас подошедший к костру невысокий, приземистый мужчина.

— Да!

— Дак ведь печки-то сами не растопятся! — так же доброжелательно напоминает мужчина и удаляется.

После того, как печки растоплены и ужин приготовлен, принимаемся составлять график дежурств. Наше с Александром вчерашнее время на посту «Гора» — с четырёх до шести утра — уже занято. Записываемся на дежурство с двух до четырёх.

— Время-то сонное, — предупреждаю я Александра.

— А мне вахту во всякое время стоять приходилось...

— Посуду не забываем мыть за собой! — Илона как всегда строга. — Кто чашки днём грязные оставил? На кухне и без того работы хватает, ещё чашки за вами мыть?!

Оксана вносит в столовую большую картонную коробку.

— Из Красноборского района, — сообщает она. — Днём привезли. Сейчас давайте вскроем, да отправим в Красноборск видео, что всё в порядке, всё получили. Кто тут у нас ближе всех?

Ближе всех я. Беру нож, вскрываю коробку, достаю оттуда продукты и медикаменты. Оксана снимает всё появляющееся из коробки на телефон. Машет рукой в камеру:

— Красноборцам спасибо!

— Лекарства, надеюсь, не понадобятся...

— Ну, мало ли что... А вот на экобессрочку в Котласе — у них там целая палатка для сбора продуктов — сегодня пришла свадьба и принесла бутылку шампанского. С ней что делать?

— Пригодится за победу выпить!

Никто не откликается на мою необдуманно брошенную фразу. Скорой победы здесь не ждут.

Но в победу верят.

Второе ночное дежурство даётся мне тяжелее, чем первое. Несмотря на дождь, всё время клонит в сон. Поневоле позавидуешь Александру, который бодр, как днём. Отгибая рукав дождевика и рукав свитера, смотрю на часы — ещё только половина третьего. Лучи прожекторов прорезают дождевую завесу, фигуры в чёрном неспешно перемещаются между блоками базы.

«А если стрелять прикажут?» — «А мне пофиг!».

Не спать, не спать!

Фигуры в чёрном, начиная перемещаться чуть активнее, сбиваются в кучку неподалёку от станционного здания.

— Куда это они пошли?

— У них ведь тоже дежурство. Сменяются сейчас. Там вон курилка — туда и пошли, наверное.

«Курилка, — думаю я. — Они курят. Едят. Пьют. Разговаривают. Смеются. По приказу. Нет. По приказу они не смеются. По приказу они стреляют...»

— Тяжко что-то, — говорю я. — Спать хочется.

— Присядь, посиди, — предлагает Александр. На горющевня кто-то втащил стул, рядом с ним самодельное кресло из деревянных обрубков.

— Если присяду — точно усну...

Наконец, нас сменяют. Я уверен, что засну, едва оказавшись в палатке, но сон внезапно отступает. Александр, лежащий слева от меня, давно уже спит. Справа посапывает другой Александр. Желание можно загадывать... Там, где улеглись Михаил и Григорий, кто-то из них невнятно бормочет во сне. Минута тянется за минутой. Дождь усиливается, принимаясь изо всех сил колотить по палатке. И ветер... Каково сейчас там, на горе? Для чего стоят там люди? Во имя чего? Люди... Люди, да. Я выбираюсь из спальника, достаю налобный фонарик, авторучку, блокнот:

*Умосковской параши
Поморам не быть!
Земли строгие наши
Мы должны защитить
От столичной блевоты,
От тупой срамоты...
— Экий смелый ты! Кто ты?
— Человек. А кто ты?*

Просыпаюсь. Разве я заснул? В палатке никого, кроме меня. Светло. Сколько времени? Ох ты! Почти полдень!

Торопливо складываю спальник и убираю его в рюкзак. Так, что ещё? Фонарик, шерстяные носки... В палатку просовывается голова Александра:

— Не спишь? Давай-ка поактивнее — тебе ехать скоро!

Ледяная вода в умывальнике. Горячий кофе в кружке.

— «Зырянин» сегодня не придёт, — объясняет Александр. — Вологодский «каракат» починили, но он под завязку, сегодня много людей приезжает. Пойдём на пост «Костёр», я тебя провожу, оттуда уедешь. Соберай вещи.

— У меня всё собрано.

— Да? Отлично. Тогда сейчас и выходим.

И мы выходим — но я ещё успеваю попрощаться с Иловой из Сыктывкара, Оксаной из Архангельска, Татьяной из Урдомы, Сергеем из Твери. С другими людьми, имён которых не знаю.

Флаги, рядом с которыми мы с Александром проходим, бьёт ветром, раскачивает на флагштоках.

Словно корабельные паруса на мачтах.

* * *

В случае реализации проекта «Экотехнопарк» полигон на Шиесе площадью 3000 га станет самой большой мусорной свалкой в Европе. По планам строителей, на этом полигоне

планируется к захоронению по 2,3 млн. тонн московского мусора ежегодно, то есть более 40 млн. тонн ТБО за 20 лет.

Первая информация о проекте появилась в августе 2018 года. Тогда же начались строительные работы на месте размещения предполагаемого полигона. Никаких экологических экспертиз не было проведено и разрешение на строительство получено не было.

В феврале 2019 года жители Ленского района, на территории которого находится Шиес, начали блокировать дороги, ведущие к месту незаконных строительных работ.

В апреле 2019 года в Архангельске прошли демонстрация и массовый митинг против полигона на Шиесе. На сегодня осуждены 39 человек из участвовавших в этой акции протеста. Сумма наложенных на них штрафов составляет 1 082 400 рублей.

С апреля 2019 года в Архангельске началась бессрочная акция протеста против полигона на Шиесе, продолжающаяся по сей день. Подобные бессрочные акции протеста продолжаются также в других городах Архангельской области и других регионах России.

БЕССОНАЯ НОЧЬ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Подгоняемые ветром тучи скрылись за цепью гор, вслед зашепило солнце. Над замороженной тайгой, рассечённой белой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил в заиндевшие бакенбарды ворон. Когда я добрался до стана, в распадке уже хозяйничали сумерки.

Сняв и очистив от снега лыжи, я принялся, мурлыча нескладные, сочинённые ещё в Якутии куплеты, колоть дрова. Нарождающаяся ночь тем временем осмелела, укрывая всё окрест густеющим покрывалом. Обрывки туч, застрявшие у горизонта, ещё некоторое время отражали прощальное сияние светила, но и они вскоре потускнели, погасли. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали лишь вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Расколов три сучкастые чурки и, набрав в промоине ключа воды, забрался в палатку. Зажёг свечу, набил чрево буржуйки поленьями и запалил их смолистой щепой. Бока печурки вскорости порозовели и стали щедро возвращать тепло солнца, накопленное кедром за добрую сотню лет. Теперь можно



ПРОЗА

снять куртку. Поставив чайник, с наслаждением растянулся на ватном спальнике.

Ничто не предвещало того кошмара, который предстояло мне пережить этой ночью...

Я готовился ко сну, как вдруг резкий порыв ветра наполнил моё убежище таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть полог. В этот момент недалеко от палатки раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «бьюуу-ью» понеслось по распадку, нагоняя ужас на всё живое. По спине пробежал противный холодок, руки сами нащупали и вынули лежащее между спальником и брезентовой стенкой палатки ружьё и привычно вогнали патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят — высунул наружу ствол и полосонул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре он раздался, как мне показалось, ещё ближе.

Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, стиснув ружьё, боясь даже пошевелиться. Гадкий страх парализовал меня. Когда наклонялся подложить дров, берданку не выпускал. Воображение рисовало жуткую картину: оголодавшая стая окружила палатку и готова ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, словно заключив союз с серыми, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал, а дров оставалось совсем немного — я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же к трём часам положил в топку последнее. Когда оно прогорело, палатка стала быстро остывать. Страх и леденящий холод сковывали меня всё сильнее.

Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было забраться в спальник, но я понимал, что в нём буду скован в движениях и не смогу обороняться. Что же придумать?

Мысленно перебрал все вещи: можно ли ещё чем подкормить огонь? Но ничего не находил. А дрова были совсем рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко — выйти и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось в эту ночь надёжным бастионом, покинув который стану беззащитным.

В печурке дотлевали последние угольки. В конце концов, мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затёкшие ноги, обутый, с ножом в руках забрался в спальник, где и провёл остаток ночи в тревожном забытии. Сквозь дрему вздрагивал от каждого шороха.

По мере того, как мрак сменялся робким рассветом, во мне росла злоба на волчье племя. Зарождающийся день, изгоняя

вместе с тьмой страх, с каждой минутой вливал в моё сердце решимость отомстить за ночное унижение и уязвлённое самолюбие.

Взяв бердану, воткнул нож за голенище и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже проклюнулось в проём между сопок, и припудренный порошей снег искрился мириадами звёздочек. Держа ружьё наизготовку, крадучись, прошёл мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его. Мысль о том, что волк не один, что там, быть может, целая стая, уже не могла остановить меня...

Странно... на снегу ни единого следа. Дойдя до подножья сопки, огляделся, пытаюсь понять, куда серые могли так быстро и незаметно разбежаться... И в этот миг прямо надо мной раздалось противное, осточертевшее за ночь завывание. Я вскинул ствол, но... стрелять было не в кого! Повторяющийся через разные промежутки времени вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал, как сумасшедший. Надо же так опростоволоситься!..

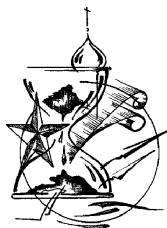
Когда я вернулся с очередного обхода путика, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

г. Уфа

О «РУССКОМ ВОПРОСЕ» БЕЗ ЭКСТРЕМИЗМА

Да, наша Россия — полиэтническая страна, включающая две сотни народов и культур. И всё же — отрицать существование в ней «русского вопроса» столь же глупо, как отрицать закон всемирного тяготения. Однако обсуждать «русскую» тему предпочитают всё же с оглядкой — как бы чего не вышло. И это — в стране, где даже по переписи 2010 года 77,7% населения — русские (великороссы), а с малороссами и белорусами (которые по сути те же русские) — почти 80%! Более того, русские составляют большинство населения (от 65 до 95%) во всех (!) Федеральных округах РФ, включая даже ЮФО с Северным Кавказом!

Однако, при этом положение русского большинства в России, мягко говоря, вызывает ряд вопросов. Почему русские, будучи не только абсолютным большинством, но являясь и исторически, и фактически государствообразующим народом России, юридически таковым не признаются? Почему они, в отличие от ряда российских народов, имеющих собственные национально-территориальные образования, не имеют ни клочка территории РФ, которая считалась бы «русской»? Поче-



РУССКИЙ ВОПРОС

му им отказано даже в праве считаться «титულიной нацией» России (то есть нацией, давшей имя данной стране: ведь «Россия» дословно означает «Русская земля»), при том что «титულიные народы» Татарстана, Якутии, Чечни и других республик таковыми считаются?

Я уж не говорю, что русские **как народ** не упомянуты в Конституции и вообще в российской правовой системе лишены какой-либо правосубъектности и что им отказано в праве на поддержанную государством «национально-культурную автономию», ибо они — «не меньшинство». А также то, что даже в столичных городах при Домах национальностей, где представлены все общины и диаспоры, русскую общину не представляет никто...

Строго говоря, всё это сильно смахивает на дискриминацию, т.е. «умаление (фактическое или юридическое) прав какой-либо группы граждан по мотивам их национальности». Надо ли доказывать, что при подобной абсурдной ситуации то, что гордо именуется у нас «национальной политикой», фактически таковой не является? И что при любой внутренней дестабилизации в России непременно найдутся охотники сыграть на принципиально нерешаемом «русском вопросе», чтобы, представив Российскую государственность главным врагом русского народа, развалить страну руками самих русских?!

Но стоит кому-то здравомыслящему заговорить о юридическом признании государствообразующей роли русского народа, как в ответ раздаётся: «Ах, вы хотите «Россию для русских»?! А как же татары, чеченцы, буряты и прочие?!» Как будто то, что Россия будет для русских, автоматически означает, что она — не для татар, чеченцев и всех прочих российских этносов. Или что государствообразующий статус создаст русским какие-то преференции по этническому принципу, нарушив равенство прав всех граждан России.

Что же касается самого лозунга «Россия — для русских», то придуман он не какими-то нациствующими отморозками, а одним из самых успешных российских императоров — Александром Третьим (Миротворцем). И звучал он полностью так: «Россия — для русских и по-русски». А что тут, спрашивается, не так? Если заменить «русские» на «большинство» (каковым в стране русские и являются), то получим: Россия — для большинства, и такая, как нужно большинству, — то есть формулу демократии в чистом виде!

Именно так и понимал проблему Государь-Миротворец: Россия и всё, что в ней, не может быть не для русских и, тем более, против русских. Потому что иначе неизбежно приходим к тому, что Россия — не для русских, а это уже откровен-

ной ксенофобией и экстремизмом попахивает. Хотя иные наши либеральные деятели, судя по их заявлениям, примерно так и рассуждают.

Кстати, здесь же неплохо уточнить, кого именно мы под «русскими» понимаем. При обилии смешанных браков говорить о кровно-этнической принадлежности и количестве чисто русских прабабушек, согласимся, глупо. Тем более что среди либеральной братии немало этнически чистых «Иван Ивановыч», люто ненавидящих Россию и презирающих русский народ, что автоматически не позволяет причислять таковых к русским. Гораздо реалистичнее оценивать сегодня «русскость» по духовно-культурной принадлежности человека: если говорит и (что ещё важнее) думает по-русски, по-русски видит этот мир и не отделяет себя от русского народа, значит, он самый настоящий русский и есть.

Но есть и другие, кто, не будучи по крови русским и принадлежа к иной культуре, тем не менее, не отделяет себя от России и Русской цивилизации. Это тоже наши, так сказать, «двоюродные братья» — цивилизационно русские: у нас общее прошлое, общие победы и герои, общая историческая судьба. Мудрый горец поэт Расул Гамзатов недаром говорил про себя: «За границей я — русский, в России — дагестанец, в Дагестане — аварец».

Поэтому самое правильное сегодня, на мой взгляд, это поднять на знамя лозунг «Россия — для русских ПО ДУХУ!». Для всех «русских по духу», заметьте, а не только для проживающих на территории России. Александр Третий, думаю, подобный подход одобрил бы.

А то сегодня как-то некрасиво получается: с одной стороны — Россия объявляет себя лидером «Русского мира» и вступает за права русских на Украине и в Прибалтике; а с другой — в самой России русские юридически «непонятно кто»...

Уже мало кто помнит, что в 2012-м предвыборном году вышла весьма примечательная «программная» статья Владимира Путина «Россия: национальный вопрос», положения которой многие власть предержащие постарались не просто проигнорировать, но вполне осознанно замолчать. А ведь в ней весьма важные вещи декларировались! Ну вот, например: «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России».

Или ещё: «*Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой—чужой» определяется общей культурой и общими ценностями.*»

Причём: *«Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».*

В кратком изложении всё это можно сформулировать примерно так: Русский народ — системообразующая основа для российской нации, государствообразующая — для России и культуuroобразующая для нашего общего пространства — Русской цивилизации. Что, казалось бы, остаётся только закрепить юридически — в Конституции и федеральном законодательстве. Тогда и якобы нерешаемый «русский вопрос» будет закрыт в России раз и навсегда, и никакие национал-маргиналы не смогут использовать его для того, чтобы взрывать страну изнутри.

Вот только наши отвечающие за национальную политику, но боящиеся любых перемен ревнители «стабильности» эту высказанную президентом истину саботируют вот уже восьмой год подряд. Очевидно, полагая, что если оставить всё как есть, то со временем «как-нибудь само рассосётся».

Но само, увы, не рассосётся! Да, сегодня «русский вопрос» в России, казалось бы, отодвинут на второй план наступающей бедностью, новыми налогами, свалками под окнами и другими житейскими проблемами. Но он никуда не делся. Он — как оставшаяся с войны ржавая мина, разрядить которую и боязно, и неохота, да и «более важные дела» не позволяют. Но рано или поздно мина эта непременно рванёт. И тогда уже никому мало не покажется.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОВАЛ РУССКОГО НАРОДА

Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей.

М.В. Ломоносов

Для того чтобы излечиться от тяжёлой болезни нужно знать историю её возникновения.

Вначале цитата из германского плана «ОСТ» (1942 г): «Каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа? Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский



РУССКИЙ ВОПРОС

народ. Целью немецкой политики будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения. Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п. мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, и т.п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство этих средств. Распространение этих средств и аборт ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев. Чем качественнее будут производиться аборт, тем с большим доверием к ним будет относиться население. Не должно чиниться никаких препятствий разводам».

С 1914 г. американка Маргарет Зангер, вдохновлённая окружением своих друзей (Джон Рид, Эмма Гольдман и др.) стала выпускать газету «Женский бунт». В 1921 г. Маргарет Зангер основала в США «Американскую лигу контроля над рождаемостью», которая в 1942 г. была переименована в «Американскую Федерацию Планирования Семьи», а в 1946 г. в «Международную федерацию планирования семьи». Среди консультантов Зангер был немецкий психиатр, профессор Эрнст Рудин — штурмбанфюрер СС, руководитель проекта массовой стерилизации населения на оккупированных территориях.

В России идеи Зангер были подхвачены Александрой Колонтай, возглавившей движение феминисток и создавшей вместе с Кларой Цеткин теорию «стакана воды». В 1920 г. Ленин подписывает декрет о разрешении в России абортов (запрещены в 1936 г.). В странах Запада аборт был разрешён в 1967 г. (Англия), в США — в 1973 г., в Ирландии — в 2018 г.

В декабре 1922 г. парализованный Ленин «выпускает» «ленинское завещание», в котором вопреки своему прежнему взгляду на национальный вопрос утверждает, что для достижения фактического равенства национальностей нужно русских поставить в приниженное социально-экономическое положение. Следуя этому «завещанию», Бухарин в 1923 г. на XII съезде партии заявил: «Русские должны поставить себя в неравное положение, более низкое по сравнению с другими». Сталин связал этот тезис с болезнью Ленина, а сказанное Бухариным назвал «несообразностью».

В 1952 г. в деревнях проживало 57% населения. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) — 2,97 (в деревне 3,8). В стране были традиционные семейные отношения, многие женщины были домохозяйками, воспитывали детей. Цены и зарплаты позволяли «кормильцу» одному содержать семью.

После смерти Сталина Хрущёв в 1954 г. затевает и реализует проект «Целина». Все ресурсы (людские, посевные, машинные) бросаются на целину. В ноябре 1955 г. отменяется запрет на аборт. В начале 1956 г. производится «развенчание культа личности» Сталина. Одновременно оживляется и укрепляется культ умершего 32 года назад Ленина. Производится укрупнение колхозов, резко увеличивается налоговое давление на личные подсобные хозяйства (ЛПХ), гибнут МТС, льнопроизводство, запускается авантюра с гонкой за Америкой. Колхозы разоряются, деревни гибнут. Крестьяне с «малых родин» бегут в города. Появляется проект «неперспективных деревень» (1960 г.). В городах расширяется строительство «хрущёвок», в которых более 60% квартир 1-2-комнатные, рассчитанные на одного ребёнка.

К 1970 г. сельское население «Нечерноземья» составляло уже 37% от общего числа. В 1990 г. — 26% (во всём СССР — 34%). Если здесь после переписи 1959 г., за 20 лет, сельское население сократилось вдвое, то за то же время сельское население ряда республик Средней Азии увеличилось на три четверти и более. «Между тем в сельских местностях Средней Азии и раньше не было недостатка трудовых ресурсов, а в Нечерноземье не было их избытка» («Политическое самообразование», 1981, №8).

Изменение экономической политики привело к нехватке продуктов. За 10 лет, с 1954-го по 1964 г., произошло более 35 конфликтов между народом и властью с гибелью людей. Рост цен затрудняет одному кормильцу обеспечивать семью. Через женские журналы и через фильмы нарастает пропаганда внесемейных ценностей: карьеры, свободной любви. В 1965 г., с опорой социологов на возрожденный культ Ленина, была упрощена процедура развода. Это дополнительно снизило ценность брака, пошатнуло установку женщины на детей. Где много разводов — мало детей. Через пять лет, к 1970 г., количество разводов увеличилось в 1,7 раза. Всего за период 1955—1981 гг. число разводов возросло в 7 раз.

За 10 лет, к 1964 г., величина СКР опустилась до уровня невосполнения населения (тогда — 2,2). В том же году в РСФСР было произведено наибольшее число аборт — 5,6 млн. (в СССР — 7 млн.). Всего же с 1955 г. по 1965 г. в России произведено 48 млн. абортов, а к 1990 г. — 157 млн. Всего после 1955 г. до 2019 г. — 207 млн. абортов. Число родивших-

ся детей на 1000 человек населения уменьшилось с 1954 г. по 1965 г. в 1,7 раза.

За период 1960—1970 гг. число детей в России до 4-х лет уменьшилось более чем на 35%. За тот же период число детей указанной группы в Узбекистане, где проживало 70% узбеков, увеличилось на 70%. Из азиатских республик рождаемость упала только в Казахстане, где доля русских составляла 41%. «Как показывают обследования, рождаемость у женщин коренных национальностей Средней Азии в 2-3 раза превышает рождаемость у русских женщин, проживающих в этих республиках» («Население СССР». М., 1983, с. 12, 60).

Получившая в стране высокий идеологический статус «Литературная газета» А.Б. Чаковского в 1979 г. радостно писала: *«В пятидесятых-шестидесятых годах из домашнего и личного подсобного хозяйства в производство пришли 13 млн. человек, в основном женщины. Это была победа. Торжество равноправия и женской полноценности»*.

Всего за 20 лет после переписи 1959 г. число работающих женщин возросло на 27,4 млн. человек.

На 1970 г. в России городская женщина с высшим и средним образованием имела 1,5 ребёнка. К моменту переписи 1979 г. в целом по СССР (данные по республикам были закрыты) у женщин родилось: с высшим образованием — 1,28, со средним 1,36, с неполным средним — 1,65, начальным — 2,72, без начального образования — 3,43 ребенка («Население СССР. Справочник». М., 1983, с. 61). В 1982 г. 84% всех занятых в общественном труде женщин имели высшее (11%) и среднее (73%) образование. В это время СКР депопуляции соответствовал уровню 2,3—2,4.

В 1953 г. русские в СССР составляли 54,6%. В 1990 г. — 50,8%. В СНГ (СССР без Прибалтики и Грузии) в 2010 г. — 43,8%. На 1979 г. 16,3 млн. человек нерусской национальности считали русский язык родным. В РСФСР число смешанных браков в 1979 г. достигло 13%. С 1959 г. по 2010 г., т.е. за 50 лет (!), численность русского населения в России возросла всего в 1,13 раза (с 98 млн. до 111 млн.). Для сравнения, в Дагестане за это время численность населения возросла в 2,7 раз, в Чечне в 1,8 раз.

В 1952 г. средний ежегодный естественный прирост был 1,74 %. При сохранении после 1953 г. прежних социально-экономических условий до 1990 г. и до 2017 г. в современной России при таком приросте должно было проживать 197,7 млн. в 1990 г. и 315 млн. человек в 2017 г. На самом деле в той же России в 1990 г. проживало 147,7 млн. и в 2017 году 146,8 млн. человек вместе с Крымом. «Нехватка», соответственно, 50 млн. и 168 млн. человек для неизменных условий, т.е. «нехватка» по политическим причинам.

«Влияние социально-экономических факторов на снижение рождаемости связывалось через трансформацию системы ценностей и системы потребностей населения. <...> В настоящее время в связи с усложнением системы потребностей сама потребность в детях у некоторых супружеских пар полностью удовлетворяется малым числом детей, нередко одним ребенком» («Возобновление поколений нашей страны». М., 1978, с. 39).

Технология социально-экономического поражения русских областей описана Г.И. Литвиновой в запрещённой тогда к публикации статье «К вопросу о национальной политике» (1983).

Когда кто-то говорит, что это общий, естественный процесс цивилизованных стран, то я приглашаю его приехать за 100 км от Москвы в посёлок и увидеть «цивилизацию», где люди топят дровами печки, носят воду из колодца и ходят на улицу в сортир. Но «чума малодетности» и здесь.

Почему, для чего были сделаны эти преобразования? В недавней тяжёлой войне погибло большое число нашего народа. В деревни, которые исторически были источником русского народа и всегда имели высокий демографический потенциал, не вернулось много мужчин. Зачем в этих условиях в 1955 г., всего через 10 лет после войны, нужно было отменять запрет на аборт? Зачем нужно было проводить политику, приведшую к бегству из деревень в города, к обнищанию и разрушению колхозов, осуществлять проект уничтожения «неперспективных деревень»? И при этом, как было распространено, — морально принижать деревенского жителя и деревню?

Зачем созданием психологических и материальных условий нужно было выгонять женщин из домашних хозяйств, из семей, от своих детей? Из сельского хозяйства и от домашнего очага женщины уходили в столовые, в сады, в ясли, в здравоохранение, просвещение и социальное обеспечение, торговлю и научное обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, в науку, культуру, искусство. Эти отрасли вскоре стали называться «женскими». В них рост числа предложенных рабочих мест даже опережал рост численности населения трудоспособного возраста. За 20 лет после переписи 1959 г. число женщин в «женских» отраслях возросло в 2 раза и в 1975 г. составляло 80% общего числа работавших здесь, в остальных отраслях — в 1,4 раза.

Официальный ответ следует из следующих цитат специалистов: *«Те огромные изменения, которые произошли за годы Советской власти в характеристике народонаселения СССР — его численности, социальной, образовательной, профессиональной и демографической структурах, в значительной мере определились изменениями, происшедшими в характере воспроизвод-*

ства населения Российской Федерации» (Паевский В.В. «Вопросы демографической и медицинской статистики». М., 1970, с.30).

«Новый тип воспроизводства сложился под влиянием достигнутых успехов в социалистическом строительстве, радикального изменения при социализме положения женщины в семье и обществе» («Население СССР». М., 1983, с. 54).

Это означает, что средства, необходимые на содержание миллионов нерожденных русских детей, шли на «огромные изменения» в СССР за годы Советской власти. Это была жертва.

«Такая помощь, готовность идти на огромные усилия и, скажем прямо, на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин, их ускоренного развития была завещана пролетариату России Лениным как высокий интернациональный долг» (Брежнев Л.И. «Ленинским курсом», т. 4, с. 51).

«Народы нашей страны обращают особые слова признательности к русскому народу. Без его братской помощи были бы невозможны нынешние достижения ни одной из республик. <...> Наша цель очевидна. Это, говоря словами В.И. Ленина, — «не только сближение наций, но и слияние их» (Андропов Ю.В. «Шестьдесят лет СССР»).

Невозможно принять объяснение, что демографический перевод России в зону «чумы малодетности» был необходим для могущества, развития, расцвета страны. С самого начала было совершенно понятно, что национальное ослабление объединяющего всю страну русского народа при одновременном «утяжелении» национальных окраин должно привести к распаду СССР. Это и произошло.

В период 1996—2006 гг. средняя величина СКР для всей страны была ниже 1,3, а в 1999 г. достигла 1,17! С 1992 г. по 2011 г. естественная убыль коренного населения России составила 13,24 млн. человек. За это же время в Россию прибыло 7,62 млн. мигрантов. «Между 1989 и 2010 гг. численность русских в России упала со 119 865 946 до 111 016 896 человек, то есть почти на 9 миллионов (при этом общий размер населения за тот же период сократился со 147 400 537 до 142 856 536 человек, то есть лишь на 4,3 млн.). Снижение доли русского населения связано с более низкой рождаемостью среди этнических русских по сравнению с большинством других народов России», — сообщает Википедия. Данные об изменении численности русских после 2010 г. отсутствуют.

По данным Росстата, всё больше российских семей ограничиваются рождением только одного ребенка. У 36,8 процента семей в 2017 г. был только один ребёнок. При этом 30 процентов женщин детей не имеют вообще...

НАЦИСТСКИЕ БЕСЫ И ПОЛЬСКИЕ «СВИНЬИ»

...И бесы просили Его: если выгонишь нас, то
пошли нас в стадо свиней.

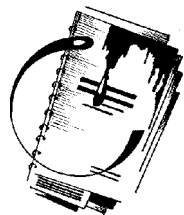
Мк. 5:11; Лк. 8:32

«План Уганды»

19 сентября 2019 по инициативе Польши и Литвы Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой непосредственной причиной Второй мировой войны было названо подписание пакта Молотова—Риббентропа. Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий изложил польскую версию истории XX века, рассказав о «союзе Гитлера со Сталиным».

Критикуя эту русофобскую акцию натовских фальсификаторов истории, президент России Владимир Путин напомнил в своем предновогоднем выступлении в Министерстве обороны РФ, что именно Польша была одной из первых стран, подписавших «Декларацию о неприменении силы между Германией и Польшей». Этот документ подписал с Константином фон Нейратом посол Польши в Германии в 1934—1939 годах Юзеф Липский. Он сыграл ключевую роль во внешней политике Польши перед Второй мировой войной. Гитлер в разговоре

ДОСЬЕ "МГ"



с Липским «прямо сказал, — напомнил Путин в своем выступлении, — что у него есть идея выслать евреев в Африку, в колонию... на вымирание, на уничтожение». Липский же, продолжал президент, «полностью солидаризировался с Гитлером в его антисемитских настроениях и, более того, за издевательство над еврейским народом пообещал поставить Гитлеру памятник в Варшаве». И закончил характеристику польского посла: «Сволочь, свинья антисемитская, по-другому сказать нельзя».

Столь эмоциональная речь Путина вызвала немедленный отклик. Глава Федерации еврейских общин России Александр Борода поблагодарил президента: «Очень искреннее и человеческое заявление... От имени еврейской общины России мы можем выразить только глубокую признательность за такой эмоциональный и праведный отклик на обнаруженные новых фактов касательно поддержки со стороны Польши политики Германии в 1930—1940 гг.».

Между тем председатель Союза еврейских общин Польши Клара Колодзейская-Полтын и главный раввин Польши Михаил Шудрих осудили высказывания В.В. Путина: «Одновременно, когда третий рейх изгнал тысячи польских евреев в 1938 году, польские дипломаты, включая лично посла в Лейпциге, оказали им поддержку. Обвинять его в антисемитизме по единственному предложению, вырванному из контекста, крайне безответственно».

В самом Израиле реакция на всю эту историю была неоднозначной. Так, глава МИД Израиля Исраэль Кац заявил, что поляки «впитали антисемитизм с молоком матери». А вот его подчиненный посол Израиля в Польше Александр Бен Цви расценил обвинения Путина в адрес Липского как политическую спекуляцию. «Мне сильно не нравится, — заявил он, — что политики используют какие-то вещи для своих манёвров. Если есть проблемы, исторический спор, то мы должны оставить это историкам».

Что ж, последуем этому совету и обратимся к конкретным историческим фактам и документам. В Варшаве, полемизируя с Путиным, всячески избегают цитирования депеши Липского об одобрении гитлеровского сценария депортации евреев в Африку, причем не только из Германии, а из всей Европы, включая Польшу. Это, между тем, реальный документ (См. Донесение польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Беку, № 1/165/38 от 20 августа 1938 г. // Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. М.: Политиздат. 1981. — Т. I. С. 175—177).

Что касается размещения евреев в Африке, то этот план действительно существовал. 14 августа 1903 г. британский министр колоний Джозеф Чемберлен, будущий премьер Англии, предложил главе всемирной Сионистской организации (ВСО) Теодору Герцлю план по созданию в Британской Восточной Африке на территории современной Кении автономного еврейского государства с названием Уганда (но не на территории современного государства с таким названием). В историю он вошел как «план Уганды». «План Уганды» был представлен Герцлем на 6-м Сионистском конгрессе (август 1903 г.) и вызвал ожесточенные дебаты, поставив под угрозу единство сионистского движения. ВСО поначалу приняла этот план, а затем от него отказалась, т.к. большинство сионистских организаций, особенно в России, встретило его в штыки (См. Электронную еврейскую энциклопедию: Российский сионизм: история и культура, материалы научной конференции. — М.: Еврейское агентство в России. 2002. С. 31).

В третьем рейхе под влиянием «угандской программы» разрабатывался план принудительного переселения всех евреев из Европы на остров Мадагаскар. В предвоенной Польше в рамках предполагаемой польской колонизации этого острова возникло движение по переселению евреев на Мадагаскар. Именно этот план и проталкивал польский посол Липский. И его действия полностью совпадали с гитлеровским планом «выдавливания евреев» из Европы. Правда, выслать польских евреев в Африку на «голодную смерть», как сказал Путин, он не успел, т.к. Польша с началом Второй мировой войны перестала существовать и «еврейской проблемой» в Европе вплотную занялось гестапо.

Тем не менее о «решении еврейского вопроса», о котором договаривались Гитлер, Геринг и польское руководство в лице посла Липского, следует вспомнить. 20 сентября 1938 года Липский отправил донесение Министру иностранных дел Юзефу Беку о беседе с Гитлером в Оберзальцберге, где, в частности, Гитлер затронул «еврейский вопрос» и свои планы по его «разрешению», которые он рассматривал в рамках так называемого «угандийского проекта», увязывая их с претензиями Германии на возвращение утраченных после Первой мировой войны африканских колоний. Фюрер сказал Липскому, согласно его депеши в Варшаву: «Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но

и польских евреев». Это совпадало с политикой польского правительства, которое с 1935 г. обсуждало с властями Франции и с привлечением палестинских сионистов план переселения польских евреев на Мадагаскар.

«Окончательное решение»

Пытаясь обелить экс-посла Липского и оправдать его роль в сговоре с Гитлером, польская пресса особо подчеркивает, что в 1938 году, когда Липский обсуждал «план Уганды» с Гитлером, фюрер «еще не собирался уничтожить евреев». Это, мягко говоря, наивная отговорка. Действительно, в 1938 году еще не дымили печи крематориев нацистских лагерей смерти. Однако всё шло к этому с того момента, как 30 января 1933 года президент Гинденбург назначил рейхсканцлером Гитлера. И хотя Гитлер даже выразил благодарность тем еврейским банкирам, которые финансировали НСДАП и тем самым помогли его партии прийти к власти, нацисты, не мешкая, приступили к преследованию евреев.

Уже 1 апреля 1933 года был проведен первый бойкот всех еврейских предприятий в стране. После поджога Рейхстага 27 февраля 1933 года и победы национал-социалистов 5 марта того же года на выборах репрессии не заставили себя ждать. Компартия Германии, которой традиционно руководили евреи, была запрещена. 3 марта 1933 года был арестован председатель КПП Тельман. Из 300 тыс. членов КПП (на начало 1933 года) около половины подверглись преследованиям, были брошены в тюрьмы и концлагеря, а десятки тысяч убиты без суда и следствия. В головы немцев вбивали гитлеровскую идею о «жидобольшевистском заговоре против Германии» и о тождестве еврейства и коммунизма. Первый концлагерь возник в Дахау уже в конце марта, за ним появились другие лагеря.

В сентябре 1935 года рейхстаг принял антисемитские «нюрнбергские законы», запрещавшие браки и внебрачные отношения между евреями и «арийцами». Закон о гражданстве рейха был одним из двух нюрнбергских расовых законов, принятых на VII съезде НСДАП (10—16 сентября 1935 года). Он был затем передан в рейхстаг и торжественно провозглашен его президентом Германом Герингом.

Затем последовал общегерманский погром евреев в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами. Эта кровавая ночь вошла в историю как «ночь разбитых витрин» или «хрустальная ночь» (иногда употребляют термин «кристальная ночь»,

по-немецки — Kristallnacht). Приказ об этом погроме был отдан лично Гитлером, а непосредственно его организацией занимались Геббельс, Гейдрих и Гиммлер. 1938 год стал переломным в отношении режима национал-социалистов к евреям. В июне в концлагеря были отправлены евреи, приговоренные к тюремному заключению на срок больше месяца.

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу. Но еще за семь месяцев до этого 30 января 1939 года Гитлер выступил с речью, в которой заявил буквально следующее: «Одну вещь я хочу сказать в этот день, который, может быть, памятен не только нам, немцам: в течение своей жизни я часто выступал пророком, за что меня обычно осмеивали. В период моей борьбы за власть я сказал, что однажды возглавлю государство и нацию и тогда наряду со многими другими решу и еврейскую проблему. Именно евреи первые встретили мои пророчества смехом. Их смех, некогда такой громкий, теперь, как я полагаю, застрял у них в горле. И сегодня я опять буду пророком: если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе» (Ширер У. «Окончательное решение. Взлет и падение Третьего рейха». М. 2009. Т. 2). Это было открытое, публичное объявление Холокоста. Посол Липский не мог этого не знать, будучи послом в Берлине.

Как пишет газета «Речь Посполита», «в Союзе еврейских общин заявили, что Польша поддерживала эмиграцию 10 процентов еврейского населения, сотрудничая с сионистским движением, а Липский, по их словам, поддерживал изгнанных из нацистской Германии евреев». Это признание о сотрудничестве с сионистами следует прокомментировать подробнее.

С первых дней правления Гитлера ведущие сионистские организации в Германии стали искать с нацистами общий язык (см. об этом подробнее: В. Большаков. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды. Институт русской цивилизации. М., 2016, стр. 456—552). Опубликованные в последнее время документы, свидетельствуют о том, что Гитлер поначалу действительно делал ставку только на выдавливание евреев из Германии, а затем из всей Европы, в том числе с помощью сионистов, которые увидели в этом возможность массового переселения евреев в Палестину. Именно поэтому они одобрили людоедские «нюрнбергские законы» третьего рейха, лишившие евреев всех прав челове-

ка, и пошли на сотрудничество с гестапо. Об этом напоминает медаль, отчеканенная ведомством Геббельса в 1938 году, на одной стороне которой вытеснена свастика, а на другой — «звезда Давида, символ Израиля». В то время как сионисты поддержали выселение германских евреев в Палестину, большинство еврейских организаций в Германии выступали с позиций реформистского иудаизма за ассимиляцию евреев, что вызвало особые гонения на них нацистов.

Сионисты занимались подготовкой еврейских переселенцев в концлагерях нацистов вместе с сотрудниками гестапо. Кстати, последний такой лагерь был закрыт в Германии только в 1942 году, когда уничтожение евреев уже шло полным ходом. «Сионисты, — писал немецкий журналист Ганс Хене в серии статей «Под знаменем черепа и костей» в журнале «Шпигель» в декабре 1966 года, — восприняли приход нацистов к власти в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную возможность осуществления сионистских намерений» (Der Spiegel. 19.02.1966). Несмотря на все свои опасения, Гитлер дал указание гестапо содействовать осуществлению сионистской колонизации Палестины.

Нацистское правительство организовало 40 сельскохозяйственных центров по всей Германии, где готовили молодых евреев к жизни в кибуцах в Палестине. Вплоть до самой войны немецкое правительство способствовало эмиграции евреев в Палестину — даже в 1940—1941 годах. Идеи сионизма поддерживались в передовицах эсэсовской газеты Das Schwarze Korps. Еще в конце марта 1942 года на территории Германии существовал, по крайней мере, один официальный кибуц для подготовки потенциальных эмигрантов

Весной 1934 года Гиммлер разработал подробный план работы среди еврейской молодежи с целью подготовки будущих переселенцев в Палестину. Этот отчет-план получил название «Ситуационный рапорт — еврейский вопрос». Согласно этой стратегии, фашистский режим помогал сионистам поощрять и пропагандировать еврейские школы, язык иврит, занятия спортом, «особое» еврейское искусство и музыку. Сионистским центрам по трудоустройству и переквалификации оказывалась значительная государственная помощь. Даже после запрета всех еврейских организаций гестапо исключало сионистов из круга преследуемых евреев. Согласно этой политике, 28 января 1935 года баварское гестапо распространило постановление, которым информировало местную полицию, что «члены сионистской организации не должны подвергаться тем же ограничениям, что члены остальных еврейских организаций — ассимиляторы». Все

еврейские организации, кроме сионистских, были в гитлеровской Германии запрещены.

Преследуя евреев, нацисты с первого дня своего прихода к власти использовали их в той большой игре за мировое господство, которую они вели с западными державами, как разменную карту.

Гитлер говорил своему военному адъютанту в 1939-м и вторично в 1942 году, что он обращался к Великобритании с просьбой вывезти всех евреев из Германии в Палестину или Египет. Великобритания ответила на его предложение отказом. (Белов Н. «Я был адъютантом Гитлера». Смоленск: Русич, 2003). Евреям, обреченным на уничтожение Гитлером, пытались помочь, предлагая различные варианты обустройства еврейских эмигрантов от Австралии до Доминиканской Республики, не говоря уже о «плане Уганды» польского образца. Сионистов это, однако, не устраивало. Они настаивали на том, чтобы всех евреев Европы переселяли в первую очередь в Палестину, а затем уже в другие страны. Эта непримиримая позиция сионистов не позволила остановить Холокост, хотя многих евреев удалось бы тогда спасти.

Одной из самых серьезных попыток помочь эмиграции евреев из Германии, к тому времени уже включавшей Судеты и Австрию, была предпринята в марте 1938 года на международной Эвианской конференции, созванной во Франции по инициативе президента США Рузвельта. На конференции были представлены 32 правительства и 39 частных организаций, в том числе 21 еврейская. В книге Шабтая Бейт Цви «Кризис постугандийского сионизма в дни Катастрофы 1938—1945 гг.», открытой для широкой публики Израэлем Шамиром, говорится, что руководство ВСО поначалу надеялось, что в Эвиане примут решение, обязывающее Англию — суверена Палестины — принимать еврейских беженцев без всяких ограничений, что позволило бы им быстро создать там еврейское государство.

Но на это не пошли ни Англия, ни США: Эвианская конференция занималась планами спасения евреев, а не планами заселения Палестины. Все представители стран-участниц говорили о возможности приема беженцев у себя и не думали оказывать давление на Англию. «И тут радикально изменилось отношение сионистов к конференции, — пишет Бен Цви. — Гнев занял место восторга и надежды сменились разочарованием. Было отменено выступление главы сионистского движения Хаима Вейцмана, который заявил в итоге: «Если конференция не собирается решить проблему евреев навеки путем переселения их в Страну Израиля, — нечего и

стараться». Немедленно вся сионистская пресса подняла истерическую кампанию: мы брошены, и никто нас не утешит, у мира не оказалось совести».

Как свидетельствует Бен Цви, сионисты изо всех сил пытались (и преуспели) торпедировать Эвианский форум. Он, в частности, приводит письмо одного сионистского лидера Джорджа Ландауэра другому — Стивену Вайзу: «Особенно мы (сионисты) боимся, что конференция подвигнет еврейские организации на сбор средств для переселения еврейских беженцев, а это повредит нам в сборе денег на наши цели». Ту же точку зрения выразил глава сионистов Хаим Вейцман: «Для приема еврейских беженцев в любой стране будет нужно много денег, значит, сионистские финансы будут подорваны. Если конференция увенчается успехом (то есть поможет еврейским беженцам эмигрировать из нацистской Германии), — она нанесет непоправимый ущерб сионизму. Не дай Бог, чтобы страны-участницы конференции явили свое великодушие и пригласили евреев Германии в свои пределы, тогда Палестина будет отодвинута другими странами, евреи не дадут денег, и англичане не будут давать разрешения на въезд в Палестину».

Когда же было принято решение о Холокосте — систематическом уничтожении еврейского населения Европы? В документах Нюрнбергского процесса есть протокол допроса Дитера Вислицени, одного из ближайших сотрудников Эйхмана, который ведал в гестапо «еврейским вопросом». Вот что он рассказал: «До 1940 года общая директива реферату была решить еврейский вопрос в Германии и занятых ею областях с помощью планового выселения. Вторая фаза началась с этого времени: концентрация всех евреев в Польше и других занятых Германией восточных областях и, причем, в форме гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 года. Третьим периодом было так называемое окончательное решение еврейского вопроса, то есть планомерное уничтожение еврейского народа» (Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 694).

В декабре 1940 года Гитлер через Гимmlера и Геринга поручил шефу гестапо Гейдриху выработать план «окончательного решения» еврейского вопроса. Составленный Гейдрихом план не сохранился, однако из сохранившихся документов известно, что он был направлен Гитлеру в конце января 1941 года (Ширер У. «Окончательное решение. Взлет и падение Третьего рейха». М.: Захаров, 2009. Т. 2. С. 452). Накануне нападения на СССР, летом 1941 года, Гитлер довел до высшего руководства рейха приказ о «Всеобщем ре-

шении еврейского вопроса». Текст приказа не сохранился, либо его хорошенько запрятали, однако о существовании такого документа известно из показаний на Нюрнбергском процессе.

Распоряжение о начале массовых убийств мог отдать только Гитлер, но поскольку письменного текста такого приказа не найдено, рубежом считается приказ Г. Геринга от 31 июля 1941 года, отданный шефу службы безопасности (СД) Р. Гейдриху. Речь идет о директиве Геринга Гейдриху с поручением провести подготовительные мероприятия по «окончательному решению еврейского вопроса» на территориях, находившихся под контролем Германии и координации действий в этом направлении соответствующих министерств и ведомств. «Окончательное решение» было одобрено 20 января 1942 года, о чём и информировал Гейдрих участников совещания в пригороде Берлина на озере Гросер-Ванзее. В историю оно вошло как Ванзейская конференция, целью которой стала выработка плана по уничтожению евреев в масштабах Европы. В рамках своего проекта Гейдрих предлагал отправить евреев на принудительные работы на Восток, где бóльшая их часть должна была погибнуть от изнурительного труда. Выжившие должны были подвергнуться «специальному обращению», то есть быть физически уничтожены (Ширер У. Указ соч. Т. 2. С. 452—453).

Сионисты до момента принятия Гитлером «окончательного решения» об уничтожении всех евреев Европы поддерживали тесную связь с нацистами и поэтому всячески замалчивали сообщения о том, что Холокост уже идет полным ходом. Советское правительство довело до сведения мировой общественности факты о зверствах, о масштабах и характере геноцида в отношении еврейского населения на оккупированных территориях СССР. Впервые это было сделано на официальном правительственном уровне — ноте НКВД СССР «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». В ноте от 6 января 1942 года сообщалось о случаях «зверского насилия и массовых убийств». В этом документе целый абзац был посвящен трагедии Бабьего Яра и гибели 52 тысяч евреев Киева. И что же? Всемирная сионистская организация немедленноотреагировала на этот документ, объявив его... «большевистской пропагандой»!

27 апреля 1942 года НКВД СССР вновь обнародовал ноту, в которой приводились многочисленные факты нацистских зверств. А сионистские лидеры от имени своих организаций

продолжали делать заявления, отрицающие достоверность информации о гитлеровском геноциде славян и евреев. Сокрытие правды объективно было на руку гитлеровцам. В заявлениях Еврейского агентства от 7 июля и 28 сентября 1942 года опубликованные в СССР сведения о кровавых злодеяниях нацистов против евреев по-прежнему назывались «неправдоподобными вымыслами».

Почему же они молчали и заставляли молчать других? В 1966 году во время симпозиума, организованного израильской газетой «Маарив», депутат кнессета Хаим Ландау заявил: «Это факт, что в 1942 году (то есть уже после того, как было принято постановление об «окончательном решении еврейского вопроса». — **В.Б.**) Еврейское агентство знало об уничтожении. И хотя темпы уничтожения не были известны, сам факт был известен и руководству агентства, и еврейским кругам в США. Но правда заключается в том, что они не только молчали об этом, но и заставляли молчать тех, кто знал об этом тоже». Достаточно вспомнить о том, что лидеры сионизма, вступив в сговор с Герингом, объявили в самый разгар нацистских погромов, что в Германии евреев не преследуют (Horizont. 1970. № 37552). Меньше чем через год после совещания в Ванзее Еврейское агентство точно узнает о том, что творится в Освенциме, Дахау, Майданеке. И вновь — полное молчание об этих массовых зверствах.

До недавнего времени всячески замалчивался тот факт, что в этих зверствах на территории Польши самое активное участие принимали сами поляки — как коллаборационисты, так и польские националисты. В деревне Едвабне 10 июля 1941 года они учинили жестокий погром евреев, убив несколько сот человек, а остальных сожгли живьём. В Едвабне погибло более 1500 евреев, включая женщин и детей. По данным историков, участие поляков в геноциде было массовым. Поляками было организовано не менее тридцати погромов и массовых репрессий, устроенных в 24 населенных пунктах. От рук поляков по самым минимальным оценкам погибли десятки тысяч евреев. Убивали их зверски — забивали камнями и палками, отрубали головы, глумились над трупами. Несколько евреев, укrywшихся в синагоге в Едвабне, сожгли заживо вместе с раввином. Нацисты, всячески скрывавшие масштабы Холокоста, вынуждены были даже расстрелять нескольких своих излишне ретивых польских поделщиков. Даже после окончания войны еврейские погромы в Польше не прекратились. 4 июля 1946 г. в польском городе Кельце толпа поляков в 2000 человек, к которым при-

соединились силы народной милиции, выкрикивая: «Смерть евреям!» и «Завершим работу Гитлера!», врывается в дома и убивала прячущихся евреев. Погибли 47 человек, в том числе бывшие узники концлагерей.

В переписке Министерства иностранных дел СССР с советским посольством в Варшаве есть такой документ: «За несколько месяцев страну покинуло 80 тыс. евреев. Наличие антисемитских взглядов в стране в предвоенные годы и усиленная пропаганда за годы немецкой оккупации дали себя чувствовать и в настоящее время. Мысль покинуть Польшу, найти себе другое место жительства, приобрести себе родину стала популярна среди всё большего и большего числа евреев. После погромов началась паника и массовое движение на Запад» (см.: Нацизм по-польски. «Известия». 03.11.2002).

Напомню также, что польские русофобы, говоря о подвигах посла Липского в деле спасения польских евреев, всячески обвиняли Сталина во всех их бедах и бедах Польши. Там предпочли забыть, что Сталин после оккупации Польши гитлеровцами фактически открыл границы СССР для польских евреев. В начале 1940 года в Белоруссии было зарегистрировано 65 796 еврейских беженцев из Польши. Общая численность еврейских беженцев из западной части Польши в СССР оценивается по разным источникам от 200 до 500 тысяч человек. Среди этих беженцев был и Менахем Бегин, возглавлявший молодежную боевую организацию «Бутар» в Литве. В конце 41-го Бегина после задержания освободили и помогли ему выехать из СССР в Палестину. В 1977—1983 годах Бегин занимал пост премьер-министра Израиля.

Польские евреи стали жертвами той политики сговора с нацистами, которую проводила панская Польша перед Второй мировой войной вместе с западными державами. И если бы Красная Армия не сломала хребет людоедскому третьему рейху, то «еврейский вопрос» мог быть действительно «решён окончательно», как и намечалось Гитлером. Это рано или поздно придется признать Польше, как признала Германия свою вину за развязывание Второй мировой войны и геноцид евреев, цыган и славян.

Об этом Юнна Мориц написала так:

*Просто вижу, просто не забыла,
Что не будь страны, где мы живём,
Запад из меня сварил бы мыло
Где-нибудь в Освенциме своём.*

Сговор русофобов

А теперь о позорных попытках нынешних властей Польши и руководства НАТО выставить СССР виновником Второй мировой войны. Задолго до того, как она разразилась, на Западе принялись сколачивать новый антиросийский союз. Цели заговора против СССР, активным участником которого была довоенная Польша, не менялись с момента рождения «плана Хауса», помощника президента США Вильсона, датированного 1918 годом. Этот план предусматривал раздел России на 7—8 государств и частично он был реализован с помощью В.И. Ленина, в результате чего из состава России вышли Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и едва не откололись Дальневосточная Республика вместе с Украиной и Кавказом. На реализацию «плана Хауса» в новых условиях были брошены все силы западной дипломатии.

Для начала было решено создать в Европе блок крупных империалистических держав, включая фашистскую Германию, — «пакт четырех». Его инициатором выступил фашистский диктатор Италии Бенито Муссолини. Дуче тут же поддержали в Лондоне премьер-министр Англии Макдональд и министр иностранных дел Саймон. В марте 1933 г. итальянский посол в Берлине вручил министру иностранных дел Германии Нейрату проект пакта. Гитлер проект одобрил, но внёс ряд поправок. В его редакции пакт предусматривал ревизию версальской системы мирных договоров, признание за Германией равенства прав в вооружении, сотрудничество в европейских и внеевропейских вопросах, в том числе и колониальном. После того, как пожелания фюрера были учтены, «пакт четырех» (официально новая Антанта именовалась так: «Пакт согласия и сотрудничества Англии, Франции, Германии и Италии») был подписан в Риме 15 июля 1933 г. Характерно, что «пакт четырех» еще до его подписания получил одобрение и поддержку в США. В заявлении госдепартамента США от 9 июня 1933 г. он характеризовался как «доброе предзнаменование».

«Пакт четырех» мало известен широкой публике, и о нём не часто вспоминают. Тем не менее именно этот пакт стал прообразом и «мюнхенского сговора», и множества союзов и договоров 30—40-х годов, направленных против Советской России. Этот пакт был первым сговором правительств Англии и Франции с фашистскими правительствами Германии и Италии и фактически развязывал Гитлеру руки в его подготовке к большой войне в Европе и агрессии против нашей страны. И хотя формально «пакт четырех» и не вступил в силу,

он оказал пагубное влияние на последующее развитие международных событий. Но главное — он снял все барьеры на пути реализации гитлеровской программы милитаризации Германии и подготовки Второй мировой войны. Весной 1933 г. английское правительство внесло на конференцию по разоружению так называемый «план Макдональда», предусматривавший увеличение германской армии со 100 тыс. до 200 тыс. человек с краткосрочной службой солдат (до восьми месяцев). План был поддержан также и американским правительством. Чувствуя попустительство западных держав, Германия увеличивала свои требования, а затем, ссылаясь на отказ Лиги наций признать за ней равное право на вооружение, 14 октября 1933 г. объявила о выходе из Лиги наций и об уходе с конференции по разоружению.

26 января 1934 г. с одобрения Англии, Франции, США и Ватикана был подписан еще один пакт, который также призвал гитлеровцам осуществить подготовку к войне, прикрываясь пальмовыми ветвями мира. Именно о нём напомнил В. Путин в своем предновогоднем выступлении в Минобороны. Это — германо-польский пакт (сроком на 10 лет) с официальным названием «Декларация о неприменении силы между Польшей и Германией», известный также как «Договор о ненападении между Германией и Польшей» или «Пакт Пилсудского—Гитлера». Он стал первым в череде подобных пактов Германии с европейскими государствами. Оба правительства заявили о своем желании «открыть новую эпоху в политических отношениях между Польшей и Германией», обязались «ни в коем случае не прибегать к применению силы с целью разрешения спорных вопросов». Подписал этот пакт именно посол Польши в Германии Ю.Липский.

Правительство Польши проглотило наживку Гитлера, ибо полагало, что он предложит Варшаве поучаствовать в совместном с Германией походе против Советского Союза. Еще 2 мая 1933 г. Гитлер в беседе с польским послом Высоцким, а затем 15 ноября при встрече с новым послом Липским заговорил о желании Германии установить «дружественные» отношения с Польшей. Гитлер, повторяя слова Черчилля и Клемансо, заявил, что Польша является форпостом Европы против Азии, «стражем Запада против проникновения коммунизма с Востока».

Германо-польский пакт был подготовлен всей предшествующей антисоветской политикой правительств Польши, Англии, Франции и США, поощрявших Германию к нападению на Советский Союз. Этот пакт, как и «пакт четырех» стал одним из значимых этапов на пути ко Второй мировой

войне. В нём даже не упоминалось о признании Германией неизбежности своих восточных границ. Не случайно немецкие историки писали, что пакт с Польшей «оправдался для Гитлера четыре года спустя, сыграв свою роль в его мероприятиях против Австрии и Чехословакии».

Польский журналист Мацкевич писал, что в Варшаве того времени рассматривали это соглашение в первую очередь как антисоветский акт: «Договор Гитлера с Польшей от 26 января 1934 г. являлся началом осуществления германского похода против Советского Союза при активном участии Польши и при нейтралитете Англии и Франции».

В союзе с Гитлером

Наиболее полно и откровенно планы войны против СССР обсуждались во время визитов Геринга в Польшу в 1935 г. на так называемую «охоту» в Беловежскую пущу. Суть этих переговоров изложена в официальной записке тогдашнего заместителя министра иностранных дел Польши графа Шембека. «Сегодня обсуждал с господином Липским вопрос о визите Геринга в Польшу, — пишет Шембек. — Посол утверждал, что во время бесед в Беловеже и в Варшаве Геринг был весьма откровенен. Особенно в беседе с генералами, когда он наметил в общих чертах далеко идущие планы, намекнув об антирусском союзе и совместном нападении на Россию. Геринг давал понять, что при этих условиях Украина стала бы польской сферой влияния, а Северо-Западная Россия — германской» (Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел СССР (далее — ИДА), ф. 15, он. 1, д. 93, лл. 81—82). С Пилсудским и президентом Мосьцицким Геринг имел еще более откровенный разговор. Он предложил Пилсудскому принять на себя общее командование объединенными германо-польскими силами в войне против СССР. Предложение было встречено с восторгом (ИДА, ф. 15, л. 26).

Советский Союз еще в январе 1934 г. заявил об опасности германо-польского пакта как для самой Польши, так и для мира в Европе. Подписанный 25 июля 1932 г. польско-советский пакт о ненападении был фактически дезавуирован соглашением с Гитлером. СССР предупреждал, что польско-германский альянс подрывает союз Польши с другими странами и оставляет «изолированную Польшу лицом к лицу с фашистской Германией» («Известия», 29.11.1934). Но этим предупреждениям не вняли. В Варшаве всерьез готовились к войне с Советским Союзом на стороне Гитлера. Не так давно из российских архивов достали документы, которые держа-

ли в тайне почти 70 лет. Комментируя их, генерал-майор ГРУ Лев Соцков сказал в интервью британской «Санди телеграф», что в ходе переговоров в Москве с делегациями Англии и Франции Сталин предложил поставить у границы с Германией мощный блок. Он предложил перебросить через Польшу к этой границе группировку советских войск в составе 120 пехотных дивизий (по 19 тысяч солдат в каждой), 16 артиллерийских дивизий, 5000 единиц тяжелой артиллерии, 9500 танков и около 5500 самолетов и бомбардировщиков. Глава британской делегации Реджинальд Дракс в ответ на это заявил, что уполномочен только вести переговоры, но ничего не будет подписывать, а тем более такой договор с СССР! Решительно выступила против предложения Сталина и Польша, у которой, как говорилось выше, были совсем другие планы в отношении России. СССР, оставшись в одиночестве, сказал генерал Соцков, «вынужден был повернуться в сторону Германии и подписать договор о ненападении, чтобы получить дополнительное время для подготовки к приближающемуся конфликту».

Известно, чем всё это кончилось. После вторжения в Польшу через два года после подписания с ней пакта о «союзе» Гитлер заявил, что как государство Польша не будет существовать никогда. Еще через год Гитлер оккупировал Францию, начались бомбардировки Англии. Только в июне 1941 года, когда Гитлер напал на Советский Союз, США, Англия и СССР заключили союз против Германии. Но к тому времени уже большая часть Европы была оккупирована. Американский историк Е. Беннетт, задает вопрос: «Как это могло случиться?» Почему США, Англия и Франция помогали гитлеровской Германии вооружаться и не препятствовали ее подготовке к войне? «Теперь мы имеем документальные свидетельства германских архивов, — пишет Беннетт, — которые показывают безоговорочное стремление правительства (Гитлера. — В.Б.) изменить существующий порядок. Однако союзники имели доказательства этого уже и тогда — в донесениях атташе, в речах в рейхстаге, в германской прессе. Дело было не в отсутствии доказательств, а скорее в неумении осознать их важность». Но дело, конечно, было не в неумении, а в нежелании остановить Гитлера, которого Запад подталкивал на войну с Советским Союзом, даже рискуя собственной безопасностью.

Советский Союз перед Второй мировой войной остался практически в полном одиночестве. Даже «братья-славяне» от него отвернулись. Наши болгарские «братушки», которых русский солдат спас в войне с Турцией от геноцида, пе-

реметнулись на сторону Гитлера. Также поступили и в Хорватии, создав там фашистское государство. Одни белорусы и сербы остались верны славянскому братству, хотя и в Сербии были свои фашисты — усташи. А уж что творилось на Украине, где Гитлера встречали цветами, и пройтись с немецким офицером по Крещатику считалось у местных дамочек высшим шиком, я и не говорю. Это, кстати, уже признают открыто, так как на Украине подручные гитлеровцев из бандеровской УПА и дивизии СС «Галитчина» значатся теперь в национальных героях.

«Мировая закулиса» самым тщательным образом наблюдала за ходом Второй мировой войны, в которой главным для нее была не борьба с фашизмом, не спасение народов от гитлеровского геноцида, а ее собственные узкокорыстные цели. Кстати, «закулиса» эта была прекрасно осведомлена об уничтожении славян, евреев и цыган в лагерях смерти, но ничего не сделала для их спасения. Более того, на Западе она всячески препятствовала всем попыткам СССР распространить информацию о нацистских лагерях смерти и зверствах гитлеровцев и их пособников на оккупированных территориях. В этой схватке гигантов задачей «мировой закулисы» было другое — раз и навсегда вывести Германию и Россию, а затем и Японию из числа великих держав и утвердить свое мировое господство. Вот почему, даже пойдя на союз с СССР, Англия и США действовали по принципу, сформулированному Уинстоном Черчиллем: «Если Германия будет одолевать Советский Союз, мы поддержим русских, если Советский Союз начнет одолевать Германию, мы поддержим немцев. И таким образом они взаимно обескровят друг друга...»

Даже после победы над фашистской Германией наши союзники по антигитлеровской коалиции держали захваченные в плен немецкие войска в полной боевой готовности. Вплоть до конца 1945 года существовала опасность, что их перевооружат и бросят против СССР снова, но уже в составе армий наших вчерашних союзников. В это верится с трудом, но рассекреченные в последние годы британские документы говорят, что такой план существовал. Он был найден в личном досье Уинстона Черчилля. Это план операции «Немыслимое» (точное название!) — войны против СССР, подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании. Под ним стоит подпись — 22 мая 1945 г. В книге профессора О.А. Ржешевского из Института всеобщей истории РАН «Сталин и Черчилль» (М., «Наука», 2004) этот план, подготовленный всего через две недели после победы над гитлеровской Германией, подробно описан.

Конечная цель состояла в том, чтобы силами западных союзных армий и не разоруженных немецких дивизий «оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления». Ставилась задача: «Нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну». Начало военных действий было намечено на 1 июля 1945 года. И не был он реализован только потому, что господа союзники всё же осознали, насколько мощной силой стала Красная Армия к концу Второй мировой войны. Имперский генеральный штаб Великобритании первым дал отбой и не поддержал этот план «по причине превосходства сил Красной Армии». Начальник британского генштаба фельдмаршал А.Брук резюмировал это решение так: «Россия сейчас всеильна в Европе».*

В соответствии с этим планом первоначальной целью новой войны с Россией было «вытеснить советские войска с территории Польши», используя для этого остатки Армии Крайовой. Правительство Польши в изгнании, которое возглавляло Армию Крайова, еще 18 декабря 1939 года опубликовало декларацию («Анжерская декларация»), которая провозгласила состояние войны с СССР, приняв тем самым сторону фашистской Германии.

7 мая 1945 года генерал Владислав Андерс, исполняющий обязанности верховного вождя (главнокомандующего польскими силами на Западе), официально утвердил организацию ДСЗ (Delegatura Sii Zbrojnych na Kraj), созданную для действий в тылах Красной Армии. 7 мая 1945 г. военно-политическое руководство ДСЗ на тайном съезде в Варшаве потребовало аннулировать решения Ялтинской конференции «большой тройки», обратившись к ООН. Кстати, посол Липский в «правительстве» Андерса сыграл в этом не последнюю роль. С началом Второй мировой войны Липский выехал во Францию. 26 июня 1941 года он был утвержден политическим секретарем в Кабинете Верховного главнокомандующего и министра по военным делам в польском правительстве в изгнании.

Все эти факты полностью опровергают польскую версию причин Второй мировой войны, которую изложил премьер-

* Реальная причина отказа от этого плана заключалась в том, что США еще продолжали войну с Японией, разгромить которую без помощи СССР американцам было бы очень сложно. — Ред.).

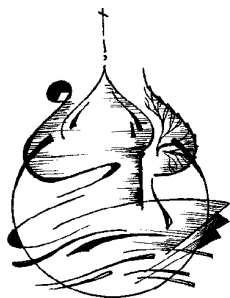
министр Польши Матеуш Моравецкий в Совете Европы, пробивая очередную русофобскую резолюцию о «союзе Гитлера со Сталиным». Кстати, в самой Германии, как сказал в интервью газете «Взгляд» видный немецкий политолог из Германии Александр Рар, «позицию Польши никто не поддерживает. Официальная точка зрения ФРГ в том, что пакт о ненападении между Германией и СССР нарушил первым Гитлер — добавил Рар. — В Германии неизменная точка зрения — она считает себя виновной в развязывании Второй мировой войны. На высказывания поляков о том, что во всем виноват СССР, никто в Германии не реагирует».

В начале января с.г. вице-спикер польского сейма Малгожата Кидава-Блоньска сообщила о планах Варшавы на законодательном уровне запретить российскую трактовку исторических событий. В этих целях в сейм будет внесен законопроект о «пресечении предположительной попытки России переиначить историю». Однако эта попытка поляков переписать историю обречена на провал. Переиначить историю пытаются не в России, а в Польше, чтобы заставить всех забыть о позорном сговоре Пилсудского с Гитлером об участии в его походе «Дранг нах Остен» и разделе СССР, о чём и напомнил в своем выступлении В.В. Путин.

Пилсудский, Андерс, Липский и все те заклятые враги России в довоенной Польше подстрекали Гитлера к нападению на СССР в надежде пожить и приобрести с помощью нацистов новые территории. В силу своей политической близорукости и присущего польской верхушке чванства, они не сумели понять, что Гитлер и его преступная клика не считали их за полноценных людей. Нацисты рассматривали всех поляков и других славян, не говоря уже о евреях, как Untermensch, что означает «недочеловек», и не намерены были исполнять свои обещания помочь им хотя бы частично воссоздать «Речь Посполиту» за счет Украины, на которую у третьего рейха были свои планы. В результате участники сговора с Гитлером потеряли саму Польшу и ее государственность, которую удалось восстановить только с помощью Советской Армии. Увы, нынешние правители Польши — прямые наследники этих квислингов польского образца. А еще точнее говоря — тех польских «свиней», в которых вошли нацистские бесы и которые погубили свою страну.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Чтобы объективно разобраться в том, что происходило в 1920-х годах, необходимо «открыть историческую ленту» назад. Значительная часть российского общества (не народа) ожидала революцию как некую спасительницу, которая избавит от «устаревшего режима». Многочисленные партии умеренного и неумеренного толка приближали ее как могли. С радостным воодушевлением «прогрессивная общественность» встретила февраль 1917 года. Но очень скоро выяснилось, что после «свержения» царизма положение не улучшилось. Более того, оно стало быстро ухудшаться. Ровно через восемь месяцев последовала вторая волна потрясений, которая смела революционеров-февралистов и возвела на вершину власти революционеров-октябристов. Февралисты очень надеялись, что октябристы-большевики не совладают с ситуацией и в скором времени будут разгромлены. Последовала кровавая междоусобица и исход миллионов людей за пределы



СИМВОЛ ВЕРЫ

страны. Но, как известно, далеко не все покинули родину. Вот о них и пойдет речь.

По мере знакомства с судьбами людей того времени приходит понимание: почему они принимали решение остаться в Советской России? И более того, трудиться во благо страны, а не только ради самосохранения. Как правило, мы мало знаем этих людей. Во всяком случае, недостаточно. А им следует воздать по заслугам. Они сделали для своего Отечества не меньше, а, пожалуй, больше, чем герои, которые «на слух». И здесь нам предстоит много открытий.

Начнем с того, что покинуть страну большинство просто не имело возможности да и желания. Во-вторых (и это очень важно), они считали своим долгом оставаться со своим народом в тяжких испытаниях.

Принято считать, что в послереволюционной России убивали и сажали всех, кто сопротивлялся «кровавым большевикам», без разбору. И действительно, смерть ходила по пятам за каждым. Кроме преследований ВЧК, могла последовать расправа от «революционно-сознательных граждан» или просто бандитов. Первыми на прицеле были золотопогонники, священники и «недобитые буржуи». А вот спутники всех революций — болезни и голод — не щадили никого, невзирая на наличие «пролетарской сознательности». О притеснении в быту всех «бывших» даже не упоминаем. Тем более удивительны следующие примеры. В Советской России не только остались, но и действовали: крупнейший русский военачальник Первой мировой войны генерал от кавалерии А.А. Брусилов; военный министр Временного правительства А.И. Верховский; генерал-майор медицинской службы Царской армии В.М. Бехтерев; монархист-«черносотенец» историк Д.И. Иловайский; представитель семьи крупных русских промышленников Алексеевых, основатель Художественного театра К.С. Станиславский; преподаватель Калужской духовной семинарии К.Э. Циолковский; сын священника, создатель русского народного хора М.Е. Пятницкий; дворянин, ученый с мировым именем академик В.И. Вернадский; еще один сын священника и ученый И.П. Павлов; представительница старинного дворянского рода артистка Любовь Орлова... И для полноты впечатления: в «совдепии» 12 лет прожил духовный писатель, публикатор нашумевших «Протоколов Сионских мудрецов» С.Н. Нилус. Известная большевичка А.М. Коллонтай была дворянкой, дочерью генерала М.А. Домонтовича! Не случайно она была направлена на дипломатическую службу.

Скептики могут ответить: это исключения. Остальных уничтожили. Извольте. Продолжим список: военный министр в правительстве Николая Второго (!) А.А. Поливанов; «красный граф», русский писатель, классик А.Н. Толстой; создатель Марфо-Маринской обители и мавзолея архитектор А.В. Щусев; автор духовной музыки А.Д. Кастальский; крупный мехоторговец В.Н. Муравьев, более известный как старец Серафим Вырицкий... Этот список можно продолжать долго. Они победили в битве за Россию. Но не на полях сражений. Эта брань была духовная, мировоззренческая, но при этом не менее трудная и кровавая.

Да, в эти годы был жесточайший террор. Может быть, самый жестокий за всё время нашей непростой истории. Просто жутко становится, когда знакомишься с судьбами многих наших сограждан. Тем более следует отметить тех, кто смог в эти грозные годы послужить своему Отечеству, рискуя ежеминутно пополнить число арестованных, ссыльных и расстрелянных.

Всякие события земной истории имеют свои предпосылки и духовное значение. Наши духовные мыслители высказывались о значении потрясений XX столетия как о наказании за Бого- и царетотступничество, уход с традиционного исторического пути. И у нас еще нет целостного понимания произошедших событий.

После революции духовные понятия ушли из государственной политики, построенной на материализме. Господствующее положение занимала идеология. Однако и нерелигиозная идеология все-таки тоже относится к сфере Духа. Она определяет мировоззрение людей и соответственно их действия. В марксистской терминологии это называется «надстройкой», хотя такое определение схематично и не раскрывает всей сути понятия. Так ведь и небо можно назвать надстройкой над землей.

Какая же идеология господствовала в России после прихода к власти большевиков? Казалось бы, ответ очевиден: марксистско-ленинская. Тем более что они как истинные революционеры понимали ее определяющее значение и сразу же предприняли все возможные усилия, чтобы устранить другие классово чуждые идеологии. Но вся сложность положения для них была в том, что и марксизм, и его продолжение — ленинизм, подробно исследовавшие «капиталистическую формацию», были разработаны еще до начала эры социализма. Нельзя же, в самом деле, ленинские статьи «Великий почин», «Как нам организовать Рабкрин» и «О кооперации» считать стройной системой госу-

дарственного строительства. Не случайно Сталин впоследствии говорил, что Ленин намеревался создать теорию социалистического строительства. Но такая не была даже сформулирована, несмотря на наличие авторитетных теоретиков. И чем дальше, тем слабее становилась теоретическая база социализма. К 1980-м годам она и вовсе заглохла. Марксисты были даже с академическими степенями. И термин, соответствующий времени, придумали: «развитой социализм». Но при этом был и очевидный идеологический вакуум (пустота). Советскому руководству нечего было противопоставить банальной западной пропаганде комфортной жизни.

Что делать в стране победившего социализма — даже большевики понимали по-разному. Одни считали Россию «топливом для мировой революции». Условно их можно называть истовыми революционерами или троцкистами. Другие искренне желали строить «светлое будущее» именно в России. Их тоже условно можно назвать национал-большевиками или сталинистами (сталинская теория построения социализма в одной стране). Подобное разделение на «западников» и «почвенников» наблюдалось и до революции. Не случайно и в советский период нашей истории политическая жизнь проходила в непримиримой борьбе этих двух противоположных начал. Не учитывать этого — значит, ничего не понять в нашей истории. И в сегодняшнем дне тоже.

Однако если стройной идеологии не было, то идеологические установки, которые во многом определили внутреннюю политику государства, родились именно в эти годы. Первая из них — советский патриотизм — появилась уже в 1918 году. «Социалистическое Отечество в опасности» было провозглашено в декрете-воззвании СНК РСФСР 18 февраля в дни наступления германцев на «колыбель революции» Петроград. Очень наглядная эволюция большевиков от лозунга «Поражение своего правительства в империалистической войне» к призыву воевать с теми же империалистами. Но, правда, для защиты достижений революции.

Вторая относится ко всей жизнедеятельности народа. Слова песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе...» действительно были идеологемой страны Советов. В послереволюционные годы очень многие жили, трудились и воевали ради счастья людей и светлого будущего. Этот душевный порыв называли «энтузиазмом». В переводе с греческого это слово означает «воодушевление». Всенародное воодушевление и

позволило наладить хозяйственную жизнь, ликвидировать безграмотность и беспризорность, провести индустриализацию, победить в Великой Отечественной войне и восстановить разрушенную войной страну. Но со временем энтузиазм стал заметно угасать, а на его месте уютно расположилось бытовое благополучие.

После того, как «трудящиеся» взяли власть в свои руки, приоритетом государственной политики неизбежно должна была быть провозглашена забота о трудовом народе. Но исполнение этой заботы носило противоречивый характер. Мало того, что вся внутренняя политика выстраивалась на основе учения о «диктатуре пролетариата», большевистская партия решала и то, что нужно этому самому трудовому народу. При этом случалось, что интересы правящей партии и «правлящего» класса не всегда совпадали. А те, кто не принимал решения «партии и правительства» как свои, становились «врагами народа» независимо от классовой принадлежности. Это противоречие предопределяло всю жизнь советского периода. Надо признать, что к 1970—1980 годам действительно было построено развитое социальное государство. Условия для жизнедеятельности «простого народа» (не для «эффективных менеджеров») действительно были созданы (при наличии всех ошибок управления). И теперь даже представляются сказочными. Но идеологический «пресс» вульгарного марксизма существенно их усложнял.

Схожая установка служения трудовому народу относилась ко всем. Снизу доверху. Но если в первые годы «наверху» эта установка во многом соблюдалась, то со временем «слуги народа» стали мало чем отличаться от «старорежимных кровопийц». Разве что отсутствием благородства.

Это же относится и к нестяжательству. Презрение к земному богатству, по сути своей, является христианским постулатом. Но в советской терминологии оно было названо «коммунистической сознательностью». Однако очень скоро оно исчезает сначала из партноменклатуры, а затем, с наступлением «развитого социализма», размывается и в «низах». Ко времени очередной революции (1991 года) большинство населения прежде думало о себе, а потом уже о Родине (причем не всегда положительно).

Формально марксистская идеология существовала, но она не отвечала на конкретные запросы жизнеустройства государства. Да, на первом месте всегда были высказывания «основоположников», но почти все они относились к досоциалистической эре. Большевики очень опасались «идеологи-

ческого оппортунизма». Душили любые попытки философствования не в русле марксизма. И в конечном счете задушили и сам марксизм. К концу советского времени штатными марксистами были: Яковлев, Гайдар, Чубайс, Коротич и им подобные одиозные персоны. СССР проиграл Западу идеологически. Только поэтому и были возможны как новая «либеральная» революция, так и последующее разрушение могучей Сверхдержавы.

От редакции. Сказанное автором статьи лишний раз подтверждает убеждение, не раз высказанное на страницах нашего журнала: умозрительные, псевдофилософские построения, лишённые истинной духовной основы, не способны стать надёжным фундаментом (по терминологии марксистов, «базисом») для великого государства, а так же атеистическая «мораль», сколь бы она ни казалась привлекательной, не сможет стать нравственной категорией для населяющих это государство народов.

Фёдор АБРАМОВ
(1920—1983)

К 100-летию выдающегося русского писателя

Заградительная сила отечественной литературы — от алчности, бессердечия и лжи — уходит своими корнями в глубинные пласты русского миропонимания. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Тургенев, Чехов и Лесков, не отделяя себя от народной судьбы, вместе с ним переносили его радости, скорби, страдания. Их наследники, писатели-почвенники Шолохов, Белов, Астафьев, Распутин, Шукшин продолжили в двадцатом веке летопись русского бытия.

Оставил на скрижалях времени свои правдивые письмена и Фёдор Александрович Абрамов, столетие которого мы отмечаем в этом году.

ДВА РАССКАЗА

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ

Не знаю, то ли потому, что я вырос в деревне, то ли натура у меня такая, но когда в унылом осеннем небе вдруг проглянет призывная голубизна, меня охватывает тоска и беспокойство перелётной птицы. И тогда единственное спасенье — немедленно отправиться в лес. В тот день я проклинал свое безрасудство. Едва я вышел из теплого вагона на полустанок, как на меня обрушилось всё худшее, что таит в себе поздняя ленинградская осень: сырость, ветер, пронизывающий до самых костей, непролазная грязь... Я надеялся, легче станет в лесу. Но там было еще хуже. Глинистая дорога разбухла — приходилось жаться к мокрым кустам, сворачивать в сторону... Словом, когда я под вечер вышел в поля, окружавшие хутор, я едва держался на ногах. Больше всего я боялся, что не застану дома Зину. Девушка молодая, на выданье, а сегодня была суббота. Что если ушла в поселок? (Родители ее еще



ЛАРЕЦ

неделю назад уехали в Калининград к своим родственникам.) К счастью, мои опасения скоро рассеялись. Хутор — два старых финских домика с примыкавшими к ним полуразвалившимися постройками — стоял на широком холме, и я еще издали увидел знакомую картину: на зеленых лужайках серыми валунами рассыпались овцы, бродит свинья, внушительная, хорошо откормленная, и тут же — домашние гуси. Потом, когда я подошел поближе, я увидел маленького человечка в чёрном, неподвижно сидевшего на верхней ступеньке крыльца. В сгушавшихся сумерках отчетливо выделялось его белое крохотное личико. Этим человечком, к моему изумлению, оказался ребенок, которому едва ли было больше пяти лет. При моем приближении он не выказал ни страха, ни удивления и даже не пошевелился. Маленький, худенький, в низко нахлобученной на глаза ушанке, он сидел, по-воробыному нахохлившись, и с равнодушием и стойкостью деревенского старика переносил промозглое ненастье. Впрочем, одет он был неплохо: черное ватное пальто с теплым отогнутым воротником, на ногах валенки, тоже черные, с новыми поблескивающими калошами.

— Ты что тут делаешь, малыш?

— Мамку жду, — тихо, не поднимая головы, ответил ребенок.

— А где твоя мамка?

— В поселок ушла.

Я уже догадывался, что мать мальчика, видимо, та самая гулёна — новая жительница хутора, о которой мне недавно рассказывали мои знакомые.

— А где Зина?

— К телятам ушла.

За стеной, в помещении, услышав наши голоса, залаяла собака.

— Это Динка, — сказал мальчик. — У ней морду псы кусали.

Грохоча в сенцах ведрами, я отыскал ключ, открыл двери. На грудь ко мне тотчас же кинулась большая теплая собака. Узнала! Она лизала мое мокрое лицо, заочевшие руки, виляла от удовольствия хвостом и, пока я ставил ружье, снимал рюкзак и зажигал маленькую лампёшку, неотступно кружилась возле меня. В кухне был образцовый порядок. Пол вымыт и застлан пестрыми домашними половиками, на плите очага поблескивала хорошо начищенная кухонная посуда, а из сумрака горницы, сверкая никелированными шарами, как ладя, выплывала высокая двухспальная кровать, накрытая белоснежным покрывалом. Маленький Сережа — так звали мальчика — не подавал ни звука. Он сидел недалеко от поро-

га на низенькой, будто специально для него сделанной скамеечке и, казалось, никак не реагировал на то, что попал в тепло. Только немного позже, когда собака, израсходовав на меня всю свою ласку, задела его хвостом, он негромко сказал:

— Динка, не балуй.

И опять все та же недетская оцепенелость и погруженность в себя.

— Сережа, хочешь сахару?

— Нет, — машинально, безразличным голосом ответил мальчик. Но когда я, нагнувшись, протянул ему два белых куска, он вдруг приподнял голову, посмотрел на меня внимательно своими большими черными немигающими глазами и, тихо прошептав: «Спасибо», принял.

Меж тем явилась Зина. Деловито и неторопливо вытерев ноги, она привычным взглядом хозяйки окинула кухню и только тогда сказала:

— Здравствуйте.

Ее тяжелая, нахолодавшая рука, на секунду задержавшись в моей руке, не ответила на пожатие. Зина здоровалась по всем правилам учтивости, обязательной для самостоятельных, уважающих себя девиц.

— Что ж ты, Зинаида, — начал я с укором, — ребенка на такой сырости оставила!

— А ну его. Звала на телятник — не пошел. «Мамку ждать буду». Ну и жди. Ее дождешься. Она — как кукушка. В одном гнезде обогрется — в другое летит. Всё чего-то ищет, как потеряла. А нынче моду взяла: каждую субботу — в посёлок. Мало ей здешних мужиков... Мальчик вдруг поднялся со скамеечки и молча, опустив голову, постукивая калошами, пошел к двери.

— Сережа, Сережа, куда ты?

Я хотел остановить его, но мальчик с неожиданной силой оттолкнул мою руку и упрямо, не оглядываясь, продолжал двигаться к порогу.

— Это ему не понравилось, что я о матери заговорила. Иди, иди, да больше не приходи. Вишь какой! Я его кормлю, пою, а ему слова не скажи... Ладно, не задерживайте, — кивнула Зина. — Пришла та, выжига.

— Ну зачем ты так, Зинаида? — заговорил я, как только за мальчиком захлопнулась дверь. — Разве можно так о матери при ребенке?

— Она еще не того заслуживает, — сердито заметила Зина. — Муж весной помер — деревом замяло. Без памяти ее, тварь, любил. А она, говорят, и при нем гуляла... Сережка-то неизвестно еще чей. Мужики как с ума посходили. Нашли тоже

ягодку.. Она живет, как птица небесная. Уж вот не вру: спроси у нее, что завтра исть будет, — не скажет. В том месяце пенсию на мужа получила. Триста рублей — деньги! А она как распорядилась? Сережке коня с хвостом купила — двести рубликов выкинула. А у самой платя переменишь нету. Ох, да что о ней говорить, — Зина махнула рукой, — увидите. Прибежит. Она свежего-то мужика, как собака зверя, за версту чует.

Всё это говорила Зина, ни на секунду не забывая о деле. Через каких-нибудь пять минут в кухне уже, весело забывая и распространяя малиновое тепло, горела плита. На Зину приятно было смотреть. Крепкая, румянощекая, она легко ворочала чугуны, сливала пахучую, настоявшуюся на сене воду, давила вареную картошку, глубоко запустив голые руки в ведра, потом, слегка пружиня широкой спиной, несла их скотине. Сырость и холод для нее не существовали. Она выходила на двор разогретая, в одной ситцевой кофточке, и возвращалась оттуда неторопливо, удовлетворенная, с мокрыми розовыми руками. Перед ужином она переделалась. В кухню вышла нарядная, с гладко зачесанными, напомаженными волосами, в черных лакированных лодочках со скрипом.

— Зинаида, да что с тобой сегодня? — пошутил я. — Ты как жениха встречаешь.

— А может, и жениха, — спокойно, без всякого смущения, с рассудительностью двадцатипятилетней девушки ответила Зина. — Есть тут один на примете. Ничего бы парень — с профессией. Тракторист. Да только еще ветреница не прошла. Столько зарабатывает, а кроме мотоцикла да приемника — шаром покати. Пальта себе завести не может. Ну да ничего. Отец у нас такой же был, а мама прибрала к рукам. Нынче рюмки без спроса не возьмет..

— И ты приберешь, Зиночка, — поспешил я заверить ее.

На лице Зины проглянула улыбка.

— Надо. Вашего брата не прибрать — всю жизнь маяться. Так, полушутя-полусерьезно переговариваясь, мы собрали на стол, но поскольку вот-вот должен был появиться жених, я предложил подождать его. Жених действительно скоро пришел, но пришел не один, и Зина, еще в сенцах слышав топот и смех, недовольно заметила:

— Опять с дружками. Каждый раз веселье надо.

Из трех парней, шумно ввалившихся в кухню, я сразу же узнал жениха. Товарищи его — два двоюродных брата, оба кряжистые, краснолицые, в одинаковых ватных пиджаках до колена, в резиновых сапогах с прямыми голенищами — мне были знакомы. В доме Зины их звали Иванами-пасту-

хами (они и на самом деле работали в колхозе пастухами). Не знаю, понимали ли они всю безнадежность своего ухаживанья за Зиной, но вот уже в течение двух лет регулярно каждую субботу по вечерам давили скамейку в этой кухне, а затем, словно отбыв холостяцкую повинность, исчезали на целую неделю. Аркадий — жених Зины — выгодно отличался от своих товарищей. Это был высокий белокурый парень, явно смахивающий на того красавца тракториста, каким нередко изображают его в кино: светлый взлохмаченный чуб во весь лоб, коротенький засаленный ватник нараспашку и щеголеватые хромовые сапоги. У него и характер был под стать озорноватому киногерою. Еще переступая порог, он неожиданно навел на Зину карманный фонарик, и когда та, жмурясь и отмахиваясь руками, что-то недовольно заворчала, Аркадий весело рассмеялся, показывая белые крепкие зубы. Вид бутылки «столичной», которую я достал из рюкзака, сразу же вызвал у ребят повышенное настроение. Но только я налил в рюмки и открыл рот, чтобы сказать что-нибудь по случаю нашего знакомства, в сенцах снова зашуршал веник.

— Идет, без нее уж не обойдется, — сказала Зина и строго поглядела на жениха, живо обернувшегося на стук. Два Ивана, не расставаясь с рюмками, хмуро глянули на порог. В кухню вошла женщина.

— Не помешала?

Никто не отвечал ей. Зина демонстративно уткнулась в вязанье, которое предусмотрительно захватила, садясь за стол. Два Ивана, очень недовольные оттяжкой начатого дела, тяжело вздохнули. Откровенно говоря, я тоже не обрадовался непрошеной гостье. В памяти моей всё еще свежа была встреча с заброшенным ребенком. Но надо же было как-то разрядить возникшую неловкость. Поздороваться, по крайней мере. И женщина, словно угадав мои намерения, первой протянула мне руку, когда я подошел к ней.

— Шура, — сказала она робко.

Помню, меня покорибила тогда эта «Шура», отдающая каким-то скороспелым, уличным знакомством. Я даже подумал, что у нее, наверно, и на руке-то наколота эта самая «Шура» — видал я таких. Да и вообще весь ее облик никак не вязался с тем, что говорила о ней Зина. Маленькая, худенькая, невзрачная. На голове пёстрая шерстяная косынка, как повязка, стягивающая щеки при зубной боли. (Слава богу, такие косынки, еще несколько лет назад захламлявшие многочисленные ларьки промысловых артелей, теперь стали исчезать.) Ну чем тут соблазниться?

— Зиночка, я на минутку. Стирального порошка у тебя нету? Я со стиркой разобралась.

Я ради приличия пригласил ее к столу.

— Не знаю, разве что за компанию, — неуверенно сказала она и бросила выжидательный взгляд на хозяйку. В руках Зины с треском заходили вязальные спицы.

— Давай, давай — подождет твоя стирка, — сказал Аркадий.

— А и правда, успею. Ночь-то длинная.

Шура живехонько скинула резиновые сапоги, сняла козынку, пальто. В коротеньком бордовом платьице (Зина, пожалуй, была права насчет ее гардероба), в простых нитяных чулках в резинку, вероятно приобретенных в детском отделе, она показалась мне еще невзрачнее, а когда села за стол напротив величественной, полногрудой Зины, то и вовсе потерялась. Мне так и не пришлось произнести тост. Два Ивана стремительно, точно боясь, что может возникнуть еще какая-нибудь заминка, чокнулись. Вслед за ними выпили и остальные, за исключением Зины, которая только пригубила. Потом так же поспешно выпили по другой: всех, по-видимому, угнетало угрюмое молчание хозяйки. Аркадий раза два наклонялся к ней, что-то шептал на ухо, но складка над переносьем у Зины даже не дрогнула. Тогда Аркадий, тряхнув светлым чубом, решительно схватил Зинину рюмку и опрокинул себе в рот. Все было рассмеялись, но, встретившись с помрачневшим взглядом хозяйки, опять примолкли. Шура первой нарушила молчание, обращаясь ко мне:

— Вы, наверное, к нам на охоту?

— Да, на охоту.

Я сказал это таким тоном, что у всякого другого пропало бы желание вести дальнейший разговор (ведь надо же было как-то успокоить Зину!), но Шура как ни в чем не бывало продолжала:

— Ох, и лис у нас развелось! Красные, как собачонки, бегают. Ко мне повадились — два гуся унесли...

— Так будешь смотреть — и последнего унесут, — вдруг вставила свое слово Зина.

— А что мне делать с этими гусями, Зиночка? На веревочке водить? Я и так каждый день пуляю...

Я с нескрываемым любопытством смотрел на Шуру. И как я раньше не обратил внимание на эти большие, простодушные, по-летнему ласковые глаза? Пышные с рыжеватым отливом волосы хорошо промыты, и на них всё еще отсвечивает дождевая пыль... Странно, меня не раздражала даже дешёвенькая красная ленточка, кокетливо проглядывавшая в во-

лосах, — единственное украшение, которое было на ней. Я сразу повеселел.

— Ну и как? Много вы «напуляли»? — Мне очень понравилось это слово!

— Лис-то? Ни одной! — Шура беззаботно потрянула головой. — Сережка утром с улицы прибежит: «Мама, опять лиса подбирается». Где, какая лиса? Страсть ведь интересно, как она по земле-то ползет. Ну, а лиса, наверно, не любит, когда на нее полыми глазами смотрят. Хвостом махнет — только и видали. Я уж потом, когда она за угорышек скроется, выстрелю. У вас не богато порохом? — запросто обратилась ко мне Шура. — У меня один патрон остался.

— Это она чернобурку завести хочет, — опять подала голос Зина.

— Почто, Зиночка, чернобурку? На нашем телятнике и без чернобурки утонешь.

— Не утонешь. По субботам-то немного бываешь на телятнике.

Шура медленно покачала головой:

— Ох, Зиночка, Зиночка... Ты всегда вот так обо мне. По субботам-то я... Она вдруг охнула и, схватившись руками за голову, громко разрыдалась.

— Ну еще, — фыркнула Зина, — то песни, то слёзы. Надо одно что-нибудь. Лицо Аркадия стало белым как полотно. Наверно, с минуту не дыша, он смотрел на Зину, потом устало махнул рукой:

— Дура. По субботам-то она знаешь, какие песни поет? На могиле у мужа... Еду я сегодня с дровами...

Шура резко подняла голову:

— Не надо, не надо...

Под порогом спросонья заворочалась собака, щелкнула зубами, видно, роясь в своей шубе, и снова затихла.

— Вот ведь я какая, — с виноватым видом сказала Шура. — Нагнала на всех тоску.

Губы у нее всё еще подергивались, но мокрые глаза уже лучились.

— Ладно, давайте лучше про охоту. У меня Сережка страсть любит, когда про зверей рассказывают. Охотником, наверно, будет.

— Шурочка! Вот за это люблю... — воскликнул, загораясь, Аркадий. — Терпеть не могу плаксивых! Хочешь, я тебе дам пороху? — предложил он и с каким-то восторженным выжидающим уставился на Шуру.

Два Ивана тоже расщедрились:

— Порох и у нас имеется. Можем!

Затем все трое наперебой начали давать Шура советы, как лучше изловить коварную лису. Потом советы сменились охотничьими историями, и тут неожиданно выяснилось, что каждый из них охотник, да и притом не последний охотник. Впрочем, пока они расправлялись с зайцами, лисами, енотами и другой подобной мелочью, можно было еще слушать, но когда они переключились на медведей... Зина, не расставаясь с вязаньем, откровенно зевала, я тоже заметно скучал — слишком уж смело обращались охотники с хозяином леса. Зато Шура слушала с величайшим удовольствием. Ее большие доверчивые глаза были широко раскрыты. Она переводила их с одного рассказчика на другого, иногда по-детски простодушно вскрикивала: «Ох!», «Правда?» — и Аркадий, и два Ивана, поощряемые ее вниманием, забирали всё выше и выше. Было даже неловко, что Аркадий совсем забыл о своей невесте, и сидел, повернувшись к ней спиной. Не знаю, как долго продолжалась бы эта потеха, если бы Зина трезво не заметила: — Вы хоть бы ввали, да поменьше дымили. А то сидим, как в овине...

...Бутылка «столичной» давно уже была допита. Да и что такое поллитра на четырех мужиков? Кто-то (кажется, Аркадий) неуверенно предложил:

— Зинаида, ты теперь раскошеливайся.

— Вот еще! Вы хоть ведро выхлещете!

Мы с Аркадием переглянулись. Нет, у обоих пусто в кармане. На достатки Иванов тем более рассчитывать не приходилось.

— А знаете что? — вдруг сказала Шура. — У меня соседка гуся торговала — тут близко... Всё равно лиса утащит.

— Не выдумывай! Сережке жрать нечего.

Да, конечно, Зина права. Чёрт знает, куда может завести эта водка! Все как-то сразу почувствовали, что пора расходиться. Шура поднялась первой.

— Ох, батюшки, время-то... А у меня еще белье замочено.

— И есть же такие дуры на свете! — сказала Зина, едва замолкли шаги в сенцах. — Уши развесила — сидит, а вы, бесстыдники, навораживаете.

Ей никто не ответил. Аркадий смотрел в тёмное окно. Два Ивана, кисло морщась, сосредоточенно докуривали папироски, а затем, не сговариваясь, потянулись к кепкам.

— Ну вот, ушли! — с облегчением сказала Зина и вдруг вся совершенно преобразилась: ни холодной степенности, ни раздражительности, которые не покидали ее весь вечер.

А впрочем, что же удивительного? Ведь девушка, наверно, весь день только и думала о том, чтобы вечером остаться с

женихом. А тут нелегкая принесла меня, потом — Иваны, потом — Шура, потеснившая ее в собственном доме.

В кухне стало светлее — Зина подвернула фитиль в лампе. Дым, разгоняемый платком, как в трубу, устремился в раскрытые двери.

— Хотите, чаем напою? — предложила Зина.

Раскрасневшаяся, улыбающаяся, поскрипывая лакированными лодочками, туго обжимавшими ее полные ступни, она подошла к Аркадию, который всё так же задумчиво сидел у стола, подперев голову рукой, потрепала его по светлому чубу:

— Ну чего пригорюнился? Хочешь, подвеселю? У отца где-то в бутылке оставалось.

Аркадий вяло отвел ее руку, посмотрел на нее потухшими, отнюдь не жениховскими глазами.

— Нет, не хочется. — Он встал. — Пойду, что ли. Завтра рано на работу. Председатель торф затеял возить на поля.

Аркадий вышел, не попрощавшись. Мы долго молчали.

— Ничего, — сказала, крепясь, Зина, — одумается. Завтра прибежит как миленький. Еще каяться будет.

Первым делом она сняла лакированные лодочки, тщательно протерла их ватой, а потом, переодевшись, стала убирать со стола. Работа ее всегда успокаивала, но всё же размолвка с женихом взволновала ее не на шутку, потому что она несколько раз заговаривала:

— Это всё та бесстыжая... Куда ни пойдет — всё вверх дном.

— Зина, — спросил я, — а откуда эта Шура взялась?

— Калининская. Тут, на Карельском,

все разные. Брат после смерти мужа приезжал, звал. Не поехала. Еще бы! Тут в лесу-то ей самое раздолье. Блуди — никто не видит...

И все мои попытки хоть сколько-нибудь побольше разузнать о Шуре кончались одним и тем же: ожесточенными нападками Зины на соседку. Что это? Откуда у нее такая неприязнь к Шуре? Ревность? Или ее, такую хозяйственную и самостоятельную девицу, оскорбляло само существование Шуры?

Дело было к ночи, Зина босиком, полураздетая (меня она не стеснялась) пошла закрывать наружные двери. Я тоже решил подышать свежим воздухом перед сном. Сырости не было и в помине. Подмораживало. В небе играла луна. На мгновение она скрывалась в темном облаке, потом неожиданно разрывала его, и тогда всё кругом покрывалось дрожащими лунными бликами. С крыши на обледенелые ступеньки крыльца со звоном срывались сосульки.

Зина косо посмотрела на крохотный огонек, светившийся

в окне соседнего дома:

— Зажгла свою лампаду.

— Зиночка, да она стирает.

— Стирает... Пусть кому другому морочит голову... — И вдруг Зина, не договорив, с несвойственной ей живостью схватила меня за рукав. — Смотрите-ка, смотрите, — зашептала она, вытягивая вперед руку. — Кто идет-то там?

Далеко внизу по дороге, залитой лунным светом, неторопливо двигалась одинокая чёрная фигура. И кругом было так тихо, что мне казалось, будто я даже слышу хруст шагов. Или это сосульки шелестят, срываясь с крыши сарая? Но вот и черная фигура растаяла в темном перелеске. Зина облегченно вздохнула.

— Аркаша это. А я-то подумала, он у той шельмы... Чуete, чуete, — вдруг горячо зашептала она, — сосульки на ночь играют. — Зина тихо и радостно засмеялась: — Это, говорят, к счастью.

Мне от всей души хотелось верить в Зинино счастье, но я вспомнил весь этот нынешний вечер и ничего не сказал.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Ни одного не осталось, все там... А какой лес был! Петя, Ваня, Павел, Егор, Степа... Пять мужиков! Я, бывало, время рожать подходит, не про то думаю, как их всех прокормить да одеть, а про то, как за столом рассадить. Стол-то, вишь, у свекра был небольшой, на себя с хозяйкой да на сына делан, а меня в дом взяли — засыпала ребятами. Ну, о старших я уж не говорю — тех война съела. На одном году три похоронки получила — вот как по мне война-то прошла. И Егор тоже через войну нарушился — в плену у германца был. А Степа-то! Мизинец-то мой желанный! Тот уж по моей совести, того я сама упустила... Вот и не просыхаю. Какой уж — двадцать семей пошел, а я всё точу себя, всё думаю: ох, кабы спохватилась ты тогда пораньше, Офимья, не куковала бы теперь одна на старости. Ложусь и встаю с тем. Ты когда из дому-то уехал? До войны еще? В тридцать восьмом? Ну дак Степу-то ты и не помнишь. Я его в тридцать четвертом на беду родила. Все дети у меня хорошие были — ни на одного не пообижусь, а такого не было. Чистое золото! Сколько ему — девяти годков не было — помер, а мы с девкой не знали дров да воды. Всё он. За скамейку станет — самого не видно, только пила зыкает. И за грибами там, за ягодами — не надо посылать, сам бежит... Вот это-то его старанье и сбило меня с толку. Я

уж тогда на него глаза раскрыла, когда он кровью заходил. Как-то раз вышла утром за хлев — не знаю, из-за чего дома до бела света задержалась, так-то все и на работу и с работы в потемках, ребят в лицо по неделям не видишь — вот как мы в войну-то робили, а тут не знаю чего — задержалась. Смотрю — на, господи, снег-то в отхожем месте за хлевом весь в крови, и на бревнах тоже кровь намерзла. Я в избу: «Ребята, кто сичас за хлев бегал?» Молчат. И девка молчит и парень. «Признавайтесь, — говорю, — неладно ведь у вас. Кдохтуру надо». Тут Степанушко у меня и повинился: «Я, мама». Я уж и сама догадалась, что он. Парень уж когда, с самой осени, небаской с лица. И день в школу сходит да три лежит. А раз прихожу домой — по сено ездил: «Мама, говорит, ко мне сегодня птичка прилетала. Я лежу на лавке, а она села на стволочек рамы да клювиком в стекло тук-тук и всё смотрит, смотрит мне в глаза. Чего ей от меня надо?» — «То, говорю, замерзла она, в тепло просится. Вишь ведь, говорю, стужа-то какая — бревна рвет». А птичка-то, оказывается, не простая — смертная. С предупреждением прилетала: готовься, мол, скоро по твою душеньку прилечу. В те поры, когда он, Степа-то, про эту птичку рассказывал, я и в ум не взяла: вся устала, примерзла — до птички ли мне? А вот когда я кровью-то за хлевом при белом свете увидела, тут я про птичку вспомнила. Побежала к бригадиру. «Так и так, говорю, Павел Егорович, у меня парень порато болен — дай лошади в район кдохтурам съездить». А бригадир, царство ему небесное, — помнишь, наверно, Паху-рожу, — нехороший человечешко был, через каждое слово матюк: «В лес, в лес! мать-перемать!.. Чтобы через час духу твоего здесь не было!» — «Нет, говорю, Павел Егорович, кричи-не кричи, а повезу парня в больницу. Ты, говорю, и правов таких не имеешь, чтобы меня задерживать». Павел Егорович стоптал ногами, войной меня гнуть: «Я, что ли, войну выдумал?», а потом видит, война не помогает — бух мне в ноги: «Что ты, говорит, Офимья, опомнись! Парень твой как-нибудь неделку промается, а мне ведь, говорит, за то, что лошадь в простое, — решка...» Я пришла домой, плачу: «Ребята, говорю, что мне делать-то? Бригадир в лес гонит...» А ребята — что! Разве можно в таком деле ребят спрашивать? «Поезжай, мама! Надо помогать братьям». В ту пору у нас еще все живы были: и Петя, и Ваня, и Паша, и Егор. Ну, поехала. Как не поедешь. Тогда ведь не просто робили — не деньгу в лесу зашибали, а лесную битву с врагом вели. Так у нас про лесозаготовки внушали — и взрослым и школьникам. Терпите! Поможем нашим сыновьям и братьям на фронте... Ох, что пережито! Теперь начнешь вспоми-

нать, не всяк и верит. Как, говорят, можно целую зиму прожить, и чтобы без хлеба? А мы не видели в эту зиму хлебного — всё до зернышка на войну загребли. Да и картошки-то было недосыта. Одного капустного листа было вволю. Вот Степа-то у меня через этот капустный лист было простудился, на нем здоровье потерял. В Покров прибегает из школы — как раз в ту пору затайка исделалась, на полях снег водой взялся: «Мама, говорит, люди на колхозном капустнике лист собирают. Нам бы, говорит, тоже надо». — «Надо бы, говорю, парень, да матерью-то у тебя из упряжки не вылезает». А вечером-то с работы прихожу — на, изба-то у меня полнехонька листу. Анка сидит с лучиной, в корыте моет. А кто наносил, не надо спрашивать — Степа. Лежит на печи — только стукоток стоит, зуб на зуб не попадет, начисто промерз. Сам знаешь, каково на осеннем капустнике по воде да по грязи бродить. Да в нашей-то обуви. И вот, сколько у меня тогда ума было. В лесу два сухаря на день давали — радуюсь. Ладно, думаю, нет худа без добра. Я хоть Степу немножко поддержу. Может, он у меня оттого и чахнет, что хлебного тела не получает... А вернулась из лесу — Степа-то у меня уж совсем худ. Я сухари на стол высыпала: Степа, Степонец родимый! Ешь ты, бога ради, сколько хочешь. Хоть все зараз съешь... А Степа за сухарь обеими руками ухватился, ко рту поднес, а разгрызть и силы нету. «Я, говорит, мама, в другой раз». Ну, я и лошадь не отводила на конюшню. Судите, хоть расстреляйте на месте — повезу парня в больницу! Не довезла... Одну версту не довезла... Спуск-то перед районом помнишь? Большая лиственница стоит, комель обгорелый. Ну, дак у этой вот лиственницы Степина жизнь кончилась. Стужа была, мороз, я все одёжки, какие дома были, на него свалила, а тут, у листвы, немного приоткрыла. «Степа, говорю, к району подъезжаем. Можешь ли, говорю, посмотреть-то?» А он сам меня просил: «Мама, скажи, когда к району подъезжать будем». Ребенок ведь! Нигде не бывал дальше своей деревни — охота на белый свет посмотреть. И вот Степанушко у меня голову приподнял: «Мама, говорит, как светло-то. Какой район-то у нас красивый...» Да и всё — кончился. Так на руках у матери дух и испустил. Не знаю, не знаю, что бы тогда со мной было, наверно, заревелась бы тут, у лиственницы, а не то замерзла — страсть какой холодина был. Да хорошо, на мое счастье или несчастье, Таисья Тихоновна попала, председатель сельсовета. Из района домой попадает. Пешочком. Так председатели-то тогда ездили. На своих. Лошадей-то на весь колхоз три-четыре оставляли, а остальных в лес, на всю зиму. Хорошая у нас была председательни-

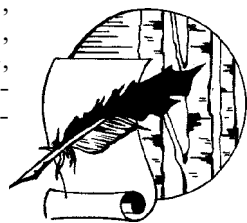
ца. Бывало, поблажки от ей не жди — в лес там, на другую какую работу сама гонит, а у кого горе в доме, похоронка, чего другое — там уж она всегда. Первая причитальщица. Бывало, так и говорила: «Нечем мне вам, бабы, пособить, ничего сейчас у советской власти нету, кроме слёз да жалости». Ну и плакала, не жалела себя. А в другой раз, видит, слезой да жалостью человека не пронять, и поругает, побранит. Меня тогда не один день жучила. «Сколько, говорит, еще реветь будешь? Сыновья на фронте, голодные, холодные, может, рев им твой надо? Не забывай, говорит: ты мать, да и над тобой мать есть. Всем матерям мати...» Ох, Таисья, Таисья Тихоновна... Сколько годов минуло! Самой уж, наверно, лет двадцать в живых нету. Скоро после войны свернуло, надорвала, видно, на нашем горе сердце, а я всё с ней разговариваю — вслух, по ночам. Разговариваю да спорю. Анна, дочь, проснется: «Что ты, старуха дикая! Сказано тебе: война Степу съела». «Да, может, и не война, говорю. Над старшими, говорю, мати не вольна, а малой-то возле меня был. Я недосмотрела». «Да когда тебе было досматривать-то? Ты в лесу была». «А что бы, говорю, случилось, кабы я на день, на два позже в лес выехала?..» Анне сказать нечего, да и утром вставать рано (скотницей робит), заорет: «Да дашь ли ты мне спокойя? Когда у нас это кончится?» Я замолчу — беда, нервенный народ стал, всё в крик, всё в горло, а про себя думаю: никогда не кончится. До скончания века не кончится. До той поры, покуда материнское сердце живо...

В последние годы на волне возрастающего интереса к литераторам советской эпохи в печати всё чаще звучит имя Евдокима Евдокимовича Русакова. Самородок из новгородской глубинки, он продолжил литературную традицию «крестьянских» поэтов Ивана Никитина, Алексея Кольцова, Ивана Сурикова... Известный советский поэт Михаил Дудин так писал о Русакове: «Евдоким Русаков — редкостный русский человек. По профессии он пастух, а по душе — истинный поэт, и эти два начала жили и живут в его характере, в его судьбе дружно, как бы помогая друг другу. Он умеет делиться своей благородной душой, её опытом, её горем и восторгом просто и открыто. Его душа ласкова и светла. Она лучится добром и сочувствием...»

Евдоким Евдокимович Русаков родился 26 июля 1926 года в деревне Сопки Мошенского района Новгородской области в многодетной крестьянской семье. С девяти лет стал работать пастухом. Окончил 7 классов школы. В начале Великой Отечественной войны Евдокима направили на оборонные работы на Волховский фронт. Во время налёта фашистской авиации его тяжело контузило. Домой он вернулся на костылях. Трудился пастухом, сторожем, сапожником... И одновременно писал стихи, которые впервые были опубликованы в 1953 году в районной газете «Мошенский колхозник».

В 1966 году подборка его стихов вошла в коллективный сборник поэтов Новгородской области «У Ильмень-озера» («Лениздат»). Так начинался путь крестьянского поэта-самородка в большую литературу. Его стихи печатались в газетах «Сельская жизнь», «Литературная Россия», журналах «Сельская молодёжь», «Звезда», литературных альманахах... Поэтическая известность пришла к Русакову в 1973 году, когда ленинградское отделение издательства «Детская литература» выпустило книгу его детских стихов под названием «Мельница-метелица». Иллюстрированная Еленой Васнецовой (дочерью знаменитого художника) и изданная тиражом 150 тысяч экземпляров, «Мельница-метелица» в 1980 году выдержала второе издание.

Затем последовали книги «Живу я в маленькой деревне» (Л., «Лениздат», 1979), «Заозерье» (М., «Современник», 1982), «Июль — мой прародитель» («Лениздат», 1987)... В 1980 году Е.Е. Русаков был принят в Союз писателей СССР. О нём писа-



ли центральные газеты и журналы, снимались документальные фильмы, на его стихи складывали песни.

Потом наступили трудные 1990-е годы, когда стране стало не до литературы. Но Е.Е. Русаков продолжал писать стихи. По воспоминаниям его детей, ночью, когда жизнь в деревне замедлялась, Евдоким Евдокимович устраивался в закутке за печкой и, вооружившись очками, крупным, размашистым почерком набрасывал в ученических тетрадках пришедшие на ум образы и рифмы. В конце 1990-х годов, потрясённый смертью трагически погибшей дочери, Е.Е. Русаков слёг и больше уже не поднялся. Поэт скончался в 2001 году.

Евдокиму Русакову удалось найти собственную, узнаваемую поэтическую интонацию. Несмотря на тяжёлую личную судьбу, а может быть, и вопреки ей он писал простые, прозрачные и ясные стихи, радующие душу. Был он светлым, добрым человеком, чутким к природе и «братьям нашим меньшим». Лира поэта-пастуха (есть в этом сочетании что-то библейское!) настроена на добро, на гармонию человека с миром, с природой и космосом.

В с. Перёдки Боровичского района открыт музей Е.Русакова, проводятся Русаковские чтения; в честь поэта учреждена памятная медаль.

Е.Е. Русаков тщательно работал над своими стихами, нередко дописывал и переделывал их. Поэтому в разных публикациях можно встретить разные варианты одного стихотворения.

В представленную подборку вошли стихи из прижизненных поэтических сборников «Живу я в маленькой деревне», «Заозерье», «Июль — мой прародитель».

**Ирина Катченкова,
Татьяна Никольская**

ИДУ ТРОПОЙ В ЗАЛИВ ПОКОСОВ

НИВА

Памяти А. Кольцова

Звонким голосом
В поле сызнава
В каждом колосе
Песня вызрела.

Нива сонная
Чуть колышется,
Разноцветная
Словно вышивка.

Летней полночью
Воском светится,
Мёдом полнится,
Споря с месяцем.

В звёздной осыпи
К небу вздыблена,
Вся, как звёздами,
Пересыпана.

Тучным колосом
В ноги клонится.
Звонким голосом
Крикнуть хочется:

— Ой, хмельна земля
В спелой ярости,
Вся душа моя
Полна радости.

РАССВЕТ

Дотла истёрся лунный жернов.
В веснушках рос — лицо лугов,
И тянет свежестью озёрной
С отлогих тёмных берегов...

Иду тропой в залив покосов,
Подставив солнышку плечо,
И смех желтеющих колосьев
Мне греет душу горячо!

Иду тропой, и в дымке синей
Я слышу здесь сквозь ветра зов,
Как бьётся сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.

ИЮЛЬ — МОЙ ПРАРОДИТЕЛЬ

Июль — мой прародитель —
Родил в полях меня,
В крестьянскую обитель
Влил песню соловья.

Берёзкою-соседкой
Он нянчился со мной...
Опять вхожу я в детство,
Парнишка озорной.

Вокруг краса и воля,
И я, как колосок,
Бегу в ржаное поле
Подать свой голосок.

* * *

Улеглося лето
В клеверный омет,
И солону ветер
Под коленку мнёт.

На полях прохлада,
А сентябрь с кнутом
Семенит за стадом
Рыжим пастухом.

СЕЛЬСКИЕ ДОРОГИ

По холмам-отрогам
Летом и зимой
Сельские дороги
Всё бегут за мной.

Вековечным бором,
Рассекая мглу, —
С радостью и горем
От села к селу.

Глянь, по всей России
В гуле и пыли
Всю перекрестили
Грудь родной земли.

Битые копытом,
Топтаны ногой,
Ливнями умыты, —
Писаной строкой,

Косяком лебяжьим,
Ободом, углом
Крепко память вяжут
Затяжным узлом.

Век им мнится мигом,
Год им — будто миг,
Каждая, как книга
Из мудрейших книг.

ПАМЯТЬ

Жуть войны тревожит память.
Средь прицельного огня
Смерть глаза угрюмо пялит
Сорок с лишним лет в меня.

Тишина стоит над Русью,
Сёла мирные, поля...
Но знобит от давней грусти
И от скрипа костыля.

В каждой малой деревушке,
Где б к окошку ни преник,
То видна вдова-старушка,
То калека-фронтовик.

И куда б ни кинул взора —
Вся Россия мне родня,
Нет такой избы, где б горе
Не касалось и меня.

В КОНЧАНСКОМ-СУВОРОВСКОМ

На всех холмах за деревенькой
И вдоль дороги и тропы
Стоят солдатами в шеренгах
Широкоплечие дубы.
Дубы,
Как рать живая в сборе,
Как будто собрались в поход,
И ждут,
Что им старик Суворов
Вот-вот скомандует:
— Вперёд!

ВДОВЬИ СНЫ

Уж сколько лет, лишь засыпает
Вдова, под светлую звездой
Незримый кто-то воскрешает
Её, как прежде, молодой.

И вот с парнишкой на просёлок
Бежит средь лепета берёз,
А им в глаза глядит весёлый
Цветущий звонкий сенокос.

Вокруг тепла и света много...
Её с тем парнем из села
Непозабывтая дорога
В медовый месяц завела,

Где только шаг шагнули в лето,
В горячий глядя суходол, —
Как вдруг июнь в тиши рассвета
Их счастье громом расколос.

Ей снится сын и внука детство,
Уже минувшая война...
И молит, молит, чтоб невестка
Вдовой не стала, как она.

ДЕРЕВУШКА

Вьётся речка, словно стружка.
В темноте среди бугров
Притаилась деревушка
Из пятнадцати дворов.

Лунный серп —
Блестящий, тонкий —
Вдоль тропинок жнёт лозняк.
Постаревшие девчонки,
У окошек — березняк.

Ива клонится к забору,
Вся в предчувствии забот:
Деревенька скоро-скоро
То ль уедет,
То ль уйдёт...

ЧУЖАЯ ТЁТЯ

Гроб плыл тоскливо за ворота.
Как на волнах, куда-то вдаль.
Мать от меня бесповоротно
Ушла, оставила печаль...

Я был душой, конечно, против,
Когда отец сказал:
— Взгляни,
Пришла, сынок, к нам эта тётя.
А хочешь, мамочку зови... —

Я презирал её по-детски,
Не верил в ласки ни на грош.
Пугали мачехой соседки:
«От ней в три глаза заревёшь!..»

А та в бригаде с мужиками
В полях трудилась допоздна
И в ночь с бессонными глазами
Мне что-то шила у окна.

Не замечал её усталость,
Считая тёткою чужой,

И до поры свою к ней жалость
Я не прочувствовал душой.

Однажды, съев какой-то корень,
Я слёг в постель совсем больной
И тётю, сломленную горем,
В слезах увидел над собой.

И я взглянул в глаза ей прямо,
Приподнял голову чуть-чуть
И в первый раз сказал ей:
— Мама!
Не плачь... Поправлюсь как-нибудь.

ЖУРАВЛИ

Журавли с собою лета песни
Понесли в далёкий перелёт.
Грусть стоит над озером и лесом,
Грусть такая,
Даже сердце рвёт.

В дальнюю дорогу провожая,
Створки окон настезь растворя,
Им пути счастливого желая,
Деревенька вслед глядит моя.

Да и мне не скрыть свою кручину,
Тихий клин глазами проводил:
Я когда-то так же на чужбину
Из своей деревни уходил.

* * *

Улеглись метели.
В инее кусты,
Будто в самом деле
Расцвели цветы.

И за кем-то следом
За поля-холмы
На санях я еду
В первый день зимы.

И, звеня с рассвета,
Понизу летит
Песней недопетой
Цоканье копыт.

Конь бежит исправно.
Солнце высоко.
На душе отрадно,
На душе легко.

Не цепляйся, старость,
Конь ты мой, лети,
Я догнать стараюсь
Молодость в пути.

* * *

Наконец зима отбушевала,
Перестала белый свет мутить.
Так она устала —
Сил не стало
Карусели снежные крутить.
Бьёт капель
С карниза в землю звонко,
Кот улёгся, ласково ворча.
Из сугроба, будто из пелёнки,
Побежала ниточка ручья.
И старушка с внуком за калитку
На прогулку вышла не спеша.
Отогрелась детской улыбкой
Стариков озябшая душа.

СЕНОКОС

Где-то скрипнула телега.
На поля во все концы
Косари идут с ночлега, —
Солнце взято под уздцы.

И стоит на косогоре
Клён, как парень на стогу.
Поднимает ветер шорох,
Сохнет сено на лугу.

Кто под куст рубаху кинул,
Кто кричит:
«Давай! Бегом!..»
Припекает солнце спины
Как горячим утюгом.

НАШЕ РУССКОЕ

На полях — ни звука,
Льнёт туман к стерне,
И плывёт округа
В сонной тишине.

Бродят ночи тени,
Кажется, в тиши,
Будто на деревне
Нет ни души.

Да шумит веселье
На краю села:
В доме новоселье,
Гости у стола.

Ничего, что резкая,
Но зато чиста
Песня деревенская —
Наша красота.

Этой голосистой
Угомона нет...
На тропе росистой —
Серебристый след.

Вкруг деревни русской —
Ширь и даль полей.
Радостно и грустно
На душе моей.

АВГУСТ

Журавли надёжным клином
Рубят осень пополам,
И рябинники рубином
Полыхнули по полям.

...Под остывшим небосводом,
Призадумавшись, иду,
И не яблоки, а годы
С яблонь падают в саду.

ПЕСНЯ РУССКАЯ

Хоть проси, не проси,
Собеседница,
Звонко в сердце Руси
Песня песнится.

На лугах — косари,
Где-то вдовушка
Тянет песни свои,
Как соловушка.

От села до села
Тропки торятся,
И любые дела
С песней спорятся.

Ну а коль затужил,
Замутился свет, —
Песня людям чужим
Слёзы вышибет.

Хоть проси, не проси,
Собеседница,
Звонко в сердце Руси
Песня песнится.

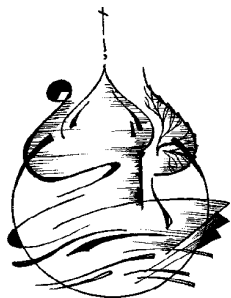
ПУТЬ ЗЕРНА

ОЧЕРК

ДЕРЕВЕНЬКА ТУНГУЙ

От Иркутска до деревеньки Тунгуй день пути.

Покинув рано утром предместье ещё спящего города, где на берегу резвой Ангары потомки поставили памятник основателю селения-острога казачьему сотнику Якову Ивановичу Похабову, покатил выдавший виды институтский автобус-«уазик» не вглубь Сибири, к Нерчинску, а на запад, к Енисею, удаляясь от Байкала и его беглянки-дочери Ангары. К полудню остался позади старинный городок Усолье-Сибирское, десятки задичавших в рыночном мороке посёлков, деревенок, городков. Миновали авиагородок с пустыми глазницами пятиэтажек — бывший причал стратегических бомбардировщиков... И снова тусклые, обнищавшие со времён «перестройки» селения с разорёнными мелкими производствами, дававшие заработок местному жителю. Под вечер, в отдалении, выжидательно смотрел на тракт окнами невысоких строений районный центр Кутулик — родина автора «Утиной охоты» и «Провинциальных анекдотов»



ПОДВИЖНИКИ

Александра Вампилова. Вместо летних нив, ухоженных полей с пшеницей, овсом, ячменем, тянутся вдоль дороги пустоши, берёзовые колки, розовые разливы иван-чая, полянки мышиного горошка, лютиковой желтизны...

— Тут уже близко, — приободряет Виктор Кириллович нас, притомившихся от тряски безостановочного пути.

Водитель Володя в молчании то сбрасывает скорость, пропуская лихачей, то сам идёт на обгон дальнобойных фур.

Холмистая сторона с распадками, взгорками, лесистыми островками напоминает безлюдный псковский край. Миновали райцентр Залари. Чуть в стороне от трассы село Бажир. Дорога, поуже, отделяется от магистрали, забирает вправо. В поле возникают сваи-столбы — то ли заброшенная стройка, то ли остов разрушенного здания. Дорога скатывается с бугра в ложину, охваченную по краю леском.

Путь завершается у ворот Опытного поля, по-нынешнему — стационара, Сибирского института физиологии и биохимии растений. Володя по-хозяйски разводит створки ворот, рулит к ближнему одноэтажному строению. Выгружаем пожитки. Разместил нас Виктор Кириллович Войников, директор института, в главном строении стационара, зимнем доме из бруса, построенном уже в годы его руководства; сам определился в вагончике-балке. Сотрудник института Николай Владимирович Дорофеев поселился в дальнем доме-лаборатории.

В восьмидесятые годы теперь уже прошлого века на этих землях было отделение совхоза «Заларинский», одного из крепких хозяйств Прибайкалья. Животноводческие фермы, свинарники, овчарни, птичники; на своём молокозаводе, кроме кефира и творога, выпускали брынзу. Строили и производственные корпуса, и жильё. В Тунге находилась молочно-товарная ферма; дети занимались в местной начальной школе, старших возили в Бажир.

При горбачёвском «социализме с человеческим лицом» всё зашаталось, как на зыбучих песках. Под хор речей «о непреодолимых противоречиях плановой экономики» принимались десятки разрушительных законов. Вложения в сельское хозяйство, важнейшую отрасль экономики, по команде сверху прекратились — продовольственной основе государства был нанесён расчётливый удар. В промышленных центрах, крупнейших городах спешно вводились продовольственные талоны. Подконтрольная пресса винила колхозно-совхозную систему. В пример ставился единоличник, работающий без дотаций «на себя». Для себя можно посадить картошку «под лопату» на двух сотках, но кто будет снабжать

товарным зерном, молоком, мясом, овощами почти трёхсот-миллионное, в основном городское население страны?

За пять лет перестроечных «реформ» огромная сельскохозяйственная отрасль, выходящая на путь индустриализации, специализации, как на Западе, была уничтожена. Волны гигантского обрушения экономики докатились от стен Кремля до заларинских ферм, пашен.

Но умирающая власть ещё имела права: Войников, в то время заместитель директора по науке Института физиологии и биохимии растений Сибирского отделения АН СССР, и сам директор Рюрик Константинович Саяев успели при содействии райкома партии и райисполкома оформить часть заброшенных к тому времени тунгуйских полей под стационар для селекционных, исследовательских работ.

Руководители института предвидели, что великая эпоха советской науки, её свершений от космических полётов до мирового открытий физиков, математиков, генетиков остаётся в прошлом. Замирала жизнь на тысячах предприятий, производств — без сырья, сбыта, зарплат. На селе не лучше; про науку забыли, финансирование прекратилось. «Всенародноизбранные» спешно принимали «пьяный бюджет». Два зайца: пополнение казны и меньше вопросов от населения... После научно-обоснованных «пятисот дней» началось разграбление народного богатства. Смена государственного строя умело маскировалась горбачёвскими поделниками: «Больше критики — больше социализма».

В Иркутской области, как и по всей стране, втянутые в воронку всеобщей разрухи, погибали крупнейшие коллективные хозяйства. Мало кто понимал, что «гласность», «демократия», «ускорение» — только присказка, сказка впереди. Горбачёвские «верхи» расчищали пространство под американскую модель колонизации России — возвращался капитализм начала двадцатого века, когда доля Российской империи в мировом хозяйстве составляла 1,2 процента.

Бетонные столбы, которые мы видели, подъезжая от Бажира к Тунгую, — всё, что осталось от животноводческой фермы-кормилицы, дававшей хлеб семьям доярок, электриков, механизаторов.

К порогу девяностых деревенька Тунгуй оказалась в полном запустении, и первым делом, чем пришлось заниматься иркутянам, — расчищать территорию бывшего хозяйства, вывозить навоз на поля... Тогда ещё можно было строиться: достать материалы, договориться с руководством «живых» предприятий о шефской помощи. В середине девяностых стационар в Тунгую уже мог принимать учёных, аспирантов, студентов, понемногу выполнять своё назначение.

Технику, способную работать на небольших селекционных делянках, доставили с берегов Чёрного моря. Разгром СССР начался с княжеских междоусобиц, межнациональных конфликтов, спровоцированных интригами «перестройщиков». Разгоралась война в Абхазии, совсем рядом с Адлерским стационаром Новосибирского института цитологии и генетики. Новосибирские учёные предложили иркутским коллегам перебросить технику в Тунгуй. Так на Опытном поле появилась малогабаритная, в основном импортная техника, способная вести посев, уборку урожая, вспашку, рыхление на небольших участках и грядках.

Создавался стационар в годы ельцинской разрухи — если шахтёрам не платили вовремя заработанное, то вспомнят ли про учёных... Но во все времена подвижники не отступали перед трудностями. В разгар Гражданской войны молодой профессор Вавилов и его сотрудники на свои бедняцкие рубли покупали гвозди, лопаты, доски, закладывая небольшое Опытное хозяйство под Саратовом. Это в Мертоне, под Лондоном, где Николай Иванович перед Великой войной проходил практику у знаменитого генетика Вильяма Бэтсона; фермы, сад, лаборатории содержались на деньги, завещанные миллионером...

Кроме жилого зимнего дома появились в Тунгуйе гараж для машин, тракторов, комбайнов, крытый зерноток, полевая лаборатория. Новосибирские учёные проводили здесь опыты по своим темам; преподаватели, студенты, аспиранты Иркутского университета, сельхозакадемии, Иркутского института физиологии и биохимии растений включали в свои планы исследования как в области «чистой» науки, так и по селекции пшеницы, ржи, тритикале (гибрида ржи и пшеницы). Главная цель — повышение урожайности, зимостойкости в условиях лесостепной зоны Прибайкалья.

И яровые, и озимые пшеницы часто обрекают на гибель холод и засуха. Николай Иванович Вавилов, закладывая фундамент великой мировой сокровищницы растительных ресурсов, в своих экспедициях от Памира до Эфиопии, от Кавказа до Алжира искал в горных, засушливых районах прежде всего сорта пшениц, пригодных для суровых условий России. Его соратник, товарищ по учёбе в Петровской сельхозакадемии Виктор Евграфович Писарев, уроженец Иркутска, вернувшись в 1909 году на родину с дипломом агронома, на опытных участках в Баяндае, потом в Тулуне занялся выведением скороспелых сортов, приспособленных к недолгому лету Сибири. Ему удалось вывести на полях Восточной Сибири устойчивые к засухе сорта мягкой яровой пшеницы

Балаганка, озимой пшеницы Тулунская, ярового ячменя Червонец. Опыты по выведению сорта длятся годами — законы живой природы постигнуть непросто.

Поиски не всегда завершаются успехом. Грегор-Иоганн Мендель, монах-августинец, в середине XIX века положивший начало науке о наследственных задатках в живой природе, названной позже генетикой, после семи лет опытов на делянке в монастырском садике в Брюнне (Брно) опубликовал результаты своих наблюдений. Были они, впервые в биологии, изложены в виде математических расчетов. Не получив должного отклика от учёных, селекционеров-практиков, споткнувшись на одном из опытов, Мендель усомнился в своих выводах. И только спустя полвека учёные, вернувшись к таблицам брюненнского аббата, воздали должное открытию исследователя. Всё живое в природе (и высшее творение — человек, и его кормилец зерно) из поколения в поколение несут наследственную память. Миллионы колосьев на полях Ирана, склонах Памира, равнинах Сирии, абиссинском плато с делянками, поразившие Вавилова голубой пшеницей, хранят и передают потомкам богатство наследственных признаков.

Благодаря переселению иркутских биологов на заларинское поле, деревенька Тунгуй осталась на карте России, не попала в число тех 34 тысяч, за последнюю четверть века исключённых из реестров, как списывали раньше в конторах казённые стулья, диваны, шкафы. Рассеялись-развеялись из разорённых хозяйств с бригадами, цехами, фермами тысячи и тысячи селян... Местных жителей, кроме наезжающих летом учёных, студентов, в Тунгуде совсем мало: пенсионеры-дачники, сотрудники социального Центра с воспитанниками-детьми. Коренной житель Тунгуя, «сеятель и хранитель» институтского стационара Чемизов Александр Романович, — в одном лице и механик, и тракторист, и слесарь, и охранник. Вся его жизнь на заларинской земле — был механизатором во времена совхоза, преподавал в сельском профтехучилище, когда ещё готовили кадры.

Пропитание, обеспечение хлебом во все времена было неотложной заботой человека. Закладывая летом 1661 года острог на берегу Ангары, напротив впадения в неё Усть-Иркута, сотник, «сын боярский Якунька Иванов Похабов» в челобитной Енисейскому воеводе указывал не только на военные преимущества выбранного места, но особо выделял пригодность окрестных мест для хлебопашества и выпасов.

...В конце июля в Прибайкалье безветрие и тишь. В отдалении, за постройками стационара, желтеет поле пшеницы, ближе к домам — небольшие опытные делянки с табличками

на рейках. Стебли, колосья поднимаются рядами, набирая последнюю зрелую силу.

В давние времена русская деревня готовилась к жатве, отбивая косы, серпы. Теперь в гараже вдруг выстрелит выхлопом, зачастую запущенный механиком двигатель. И также внезапно смолкнет. Александр Романович даёт новое дыхание технике, привезённой когда-то из Адлера...

«ВЗОЙДИ, ВЗОЙДИ, РОЖЬ-МАТУШКА...»

Нашими попутчиками из Москвы до Прибайкалья, когда мы ехали в Иркутск к Войникову, в улан-удинском поезде были тулунские школьники. Возвращались в райцентр Тулун — четыре сотни километров от Иркутска — юные музыканты с «международного конкурса». Что это был за «конкурс» ребята и сами понимали: в итальянский городок Римини приехали украинские сверстники из такой же музыкальной школы, как тулунская, да ещё вроде бы подросток-англичанин. Показали своё умение друг другу, посмотрели достопримечательности края и на том же автобусе с шофёром-литовцем отправились через Европу в Москву. Экскурсионный маршрут по немалой цене под ширмой «международного конкурса». Если можно заработать на детях, почему упускать такую возможность. Московские тур-коммерсанты со своими «проектами» забираются в российскую глубинку.

Вологодские лесные края сменились горами-холмами Предуралья, всё длиннее перегоны между полустанками, городками, всё зримей печать безнадежной разрухи: какие-то брошенные кирпичные постройки с раскрытой кровлей, ржавящие бульдозеры, краны, вахтовки...

Скатав свои плакатные постельки, пили утром ребята чай из самовара-титана, потом за полдень обедали: кто заваривал кипятком лапшу-ролтон, кто быстрое пюре в стаканчиках, кто очищал банан и откусывал батон с нарезанным сыром. Плюшки в целлофановой обёртке были такие же, как и у нас, из того же московского привокзального магазинчика.

С одним из спутников, Серёжей, пареньком лет четырнадцати, мы уже познакомились, поговорили о Римини, о долгой дороге по Европе. Рассказал Серёжа о житье: мама где-то в торговле бухгалтером, папа, сварщик, пока без дела, предприятие закрылось. Деньги на поездку собрала бабушка. Московская плюшка понравилась, а вот у них в Тулуне хлебозавод закрыли. Откуда привозят хлеб, Серёжа не знает.

Многое знают они, и за едой не расстающиеся с мобильниками, планшетами. Рок-музыка, фестивали, спорт... О

хлебе насущном никто из взрослых теперь не думает, откуда берётся он, белый батон, и было ли так всегда. Какой спрос с детей, тем более что в хрестоматии не прочитают они Некрасовское: «Взойди, взойди, рожь-матушка, Я пахарь твой, Панкратушка... Хоть мать, хоть сын проси — не дам». Некрасов изгнан из школьных программ, дойдёт очередь и до Толстого...

Осенью 1891 года Лев Николаевич отправился в голодающие, пострадавшие от неурожая уезды Тульской и Рязанской губерний. Его статья «О голоде» из-за цензурных препон была опубликована в Англии. *«Первый уезд, посещённый мною, был Крапивинский... Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, хлеб чёрный, чернильной черноты, тяжёлый и горький; хлеб этот едят все — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные».* Оказанием помощи голодающим Толстой занимался и раньше — в 1865 году, в 1873-м, когда голод разразился в Самарской губернии. Писатель обратился через газеты с призывом помочь населению. Частных пожертвований поступило тогда почти два миллиона рублей. В начале девяностых голод пришёл в Центральные районы России. *«Из Гущина я поехал в деревню Гневышево, из которой два дня тому назад приходили крестьяне, прося помощи. Деревня эта состоит, так же как и Губаревка, из 10 дворов. На десять дворов здесь четыре лошади и четыре коровы; овец почти нет; все дома так стары и плохи, что едва стоят. Все бедны и умоляют помочь им. «Хоть бы мало-мальски ребята отдохали», — говорят бабы. «А то просят папки (хлеба), а дать нечего, так и заснёт, не ужинаючи».* (К весне 1892 года в четырёх уездах Тульской и Рязанской губерний силами Толстого и его помощников на пожертвования, поступавшие со всей России, были открыты столовые, в которых ежедневно кормились более девяти тысяч человек.)

Основой крестьянской жизни на Руси всегда был хлеб. И его всегда не хватало. Летописи повествуют о губительном голоде в 1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230, 1279, 1309, 1332 годах... В 1121 году в Новгороде, как повествует летописец, *«Ядаху люди лист липов, кору берёзовую, а иные мох...»*

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» так сообщает о голоде 1230 года: *«Жестокий мороз 14 сентября побил все озими. Между тем голод и мор свирепствовали, цена на хлеб сделалась неслыханная... Бедные ели мох, жёлуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, собак, кошек... Скоро две новые скудельницы наполнились мёртвыми, которых было сочтено до 42 000, на площадях... гладные псы*

терзали множество непогребённых тел и самих живых оставленных младенцев; родители, чтобы не слышать детей своих, отдавали их в рабы чужеземцам... Кто мог, бежал в иные области; но зло было общее для всей России, кроме Киева; в одном Смоленске, тогда весьма многолюдном, умерло более тридцати тысяч людей».

Голодными были 1422, 1442, 1512, 1553, 1570 годы. Главная причина — засуха, суховеи, малоснежные зимы, ранние морозы или летом бесконечные дожди.

Семнадцатый век был отмечен Великим голодом при Борисе Годунове, в 1601—1602 годах, когда «ели такую мерзость, что и писать недостойно, — свидетельствует летописец. — Солому, сено, собак, кошек, мышей...»

Число неурожайных лет с годами не уменьшается, а растёт. В восемнадцатом столетии было 34 неурожая, охвативших многие губернии; в первой половине девятнадцатого века, ещё до реформы, их было 35. Правительство признавало, что неурожай повторяются каждые 6—7 лет и длятся обычно два года кряду. Во второй половине девятнадцатого века наиболее жестокими были голодные 1873, 1880, 1883 годы. В 1891—1892 годах голод охватил 16 губерний Европейской России и Тобольскую в Сибири. Общая численность голодающих — 35 миллионов человек, почти треть населения империи.

После «Положения» 1861 года, когда к податям прибавились выкупные платежи за землю, жизнь крестьянства не улучшилась. Земли после передела стало меньше, её лучшая часть отошла к помещикам. В годы «недороды» (слово голод было официально запрещено), начиналось хроническое недоедание, подрывающее основы здоровья. Александр Николаевич Энгельгардт, известный учёный-химик, современник Менделеева, выйдя в отставку, занимался сельским хозяйством уже в пореформенные годы в родовом имении Батищево Смоленской губернии. В течении 15 лет в некрасовских «Отечественных записках» публиковались его знаменитые «Письма из деревни» — фундаментальное исследование российской пореформенной деревни, охватившее все стороны крестьянской жизни: труд, быт, воинские повинности, народное здравие, кабаки... На «Письма...» ссылались в своих работах К.Маркс, другие отечественные и зарубежные экономисты.

Осенью, с утра, в имение Энгельгардта приходят крестьяне и всегда по одному и тому же делу. «Мужик пришёл из Починок, докладывает Авдотья. Я иду на кухню. Мужик кланяется и говорит: «Здравствуй, А.Н. — Здравствуй. Что?»

Хлеба? — Ржицы бы нужно. — Куль? — Кулик бы. — Восемь рублей. — Подешевле нельзя ли? — Нет. Дешевле нельзя». Мужик достаёт восемь засаленных билетиков — у мужика всё больше билетики». (Куль — 9 пудов. — А.С.)

«— Мужик пришёл из Дядино, — докладывает Авдотья. Иду в кухню. — Здравствуй, А.Н. — Здравствуй. Что? Хлеба? — Хлебца бы нужно. — Осьмину? — Да хоть осьмину бы. — Четыре рубля... — Денег нет. Отпустите под работу... Дело-то плохо. Хлеба нет, а в кусочки идти не хочется. А тут скот продать грозят за недоимку».

Мужик из Бардина уже и «здравствуй» помещику не говорит.

«— А.Н., дай хлеба хоть пудик — есть нечего. — Да ведь за тобой и без того долгу много. — Отдам. Ей-богу отдам... Дай, А.Н. ... Жена с девочкой в кусочки пошли, много ли они выходят — старуха да девочка — разве что сами прокормятся... Ей-богу, что было мучицы — последнее замесили. Дай, А.Н. Оправлюсь, отдам...»

Ели в деревнях вокруг поместья по большей части «пушной» хлеб. Александр Николаевич повествует: «У меня есть работница Хима из соседней деревни. У неё во дворе — а двор бедный-пребедный — с Покрова уже хлеба не было. Осталась дочка, молоденькая, красивая девушка Аксютя, муж-хозяин и трое детей, которые всю нынешнюю зиму ходили в «кусочки». Аксютя заболела, харкала кровью, какой-то дворовый человек «дал питьё — кислое-прекислое». Аксютя стала поправляться. Если бы дали ей нормальную пищу...»

Хима приходит к помещику. «— Что же дочка? — Поправляться стала. Ходит. Только пушной хлеб есть не может. Пожует, пожуёт, да и выплюнет — проглотить не может».

Что же это за «пушной» хлеб? Энгельгардт объясняет: «Пушной хлеб готовится из неотвеянной ржи, то есть смесь ржи с мякиной мелется прямо в муку, из которой обыкновенным образом готовится хлеб. Хлеб этот представляет тестяную массу, пронизанную тонкими иголками мякины; вкусом он ничего — как обыкновенный хлеб, питательность его конечно меньше, но самое важное неудобство — это что его трудно глотать. А непривычный человек и вовсе не проглотит, если же и проглотит, то потом будет перхать и чувствовать какое-то неудобное ощущение во рту. И таким-то хлебом, или ещё хуже — собранными месяц тому назад, пушными кусочками, должен питаться выздоравливающий больной. Немного поправившись, Аксютя впряглась в обычную работу по хозяйству — носить воду, мять пеньку, убирать скот». Снова простуда, девушка слегла и умерла.

По признанию А.Н. Энгельгардта, и в урожайные годы в губернии «у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, то посылают детей, стариков, старух, в «кусочки» побираться по миру... В нынешнем же году у нас полный неурожай на всё: рожь уродилась плохо и переполнена была метлой, костером, сивцом; яровое совсем пропало... Дети ещё до Кузьмы-Демьяна (1 ноября) пошли в кусочки... Крестьяне далеко до зимнего Николая проели хлеб и начали покупать; первый куль хлеба крестьянину я продал в октябре... В конце декабря ежедневно пар до тридцати проходило побирющихся кусочками: идут и едут, дети, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи... Совестно, мол, парню или девке, а делать нечего — надевает суму и идёт в мир побираться».

Кроме стихийных бедствий, в основном засухи, накрывавшей нередко огромные пространства от западных губерний до Сибири, «недород» порождало малоземелье и отсталые приёмы земледелия. Всё те же деревянные соха, борона (железная борона считалась новшеством), серп, коса, вилы. Не в лучшем положении были и помещичьи хозяйства. Их владельцы после реформы, не готовые да и не желающие вести товарное производство, подались в города, став чиновниками с надёжным окладом, в то время как на селе каждый рубль давался непросто. Значительная часть барских наделов была брошена. Сам Энгельгардт, став наследником Батищева, получил разорённую усадьбу и зарастающие березняком земли — а это 400 десятин, в то время как крестьяне имели от «нищенской» десятины до шести-восьми на хозяйство. Запущенные земли превратились в дёрн, и чтобы вернуть их в распахку, надо было «драть облоги», т.е. вручную лопатами резать почву, переворачивать низом вверх.

Промышленной Европе требовался хлеб. Товарное зерно из крупных экономий с дешёвым трудом батраков стало выгодно вывозить за границу. Началась эпоха «голодного экспорта». В то время как из Черноморских портов — Николаева, Одессы, Новороссийска — грузили российскую пшеницу для Европы, Л.Н. Толстой на деньги жертвователей открыл в 1892 году 187 общественных столовых; он же в письме зарубежному издателю благодарил американских фермеров и мукомолов за помощь зерном, мукой голодающим. Американцы создали даже специальный флот, выгрузка велась в портах Прибалтики. И.К. Айвазовский запечатлел эти события в картине «Корабль помощи». Особым циркуляром чиновники призвали издателей крупных российских газет не афишировать торжественные встречи этих кораблей.

В губерниях, пострадавших от «недорода», выдавались ссуды: один пуд муки на взрослого и полпуда на ребёнка в месяц. Из списка исключались взрослые от 18 до 55 лет, сироты и вдовы, их должно было кормить «общество». Не входили также бесхозяйные крестьяне, в основном батраки. Возвращать ссуду им было, как говорится, не с чего. Голодные ссуды выдавались в 1901—1902, 1905, 1906, 1907, 1908 годах. Но даже в 1911—1912 гг., когда неурожаем охватил территорию от Астрахани и Дона до Урала, Западной Сибири, в некоторых губерниях, таких как Самарская, взыскивали недоимки за «голодные ссуды» прошлых лет.

Писатель, корреспондент суворинской газеты «Новое время» Александр Саввич Панкратов, побывав в голодающих губерниях Поволжья, Башкирии, Урала осенью, зимой 1911/1912 гг. запечатлел увиденное в книге-отчёте «Без хлеба». (К сожалению, после 1912 года книга не переиздавалась, как и другие брошюры, сборники тех лет на тему неурожая, голода). Вот и затерялись среди красочно описанных Иваном Шмелёвым блинов с двойным припёком, белорыбицы-жемчужницы с зелёными глазками и паровой осетрины панкратовская книга «Без хлеба», а также чиновничий циркуляр «О приготовлении хлеба из барды и соломенной муки, могущего заменить употребление обычного ржаного хлеба». Циркуляр был рассчитан на «широкого читателя», т.к. в 1911—1912 гг. в помощи нуждались жители 60 губерний. Министр земледелия в 1915—1916 гг. А.Н. Наумов, выступая в Думе, напомнил депутатам и правительству: «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны».

Куда же расходовались деньги, вырученные от «голодного экспорта»? Доход от продажи хлеба в 1907 году составил 431 млн. рублей (при бюджете полтора миллиарда). На предметы роскоши было потрачено 180 млн., 140 млн. остались за границей — курорты, казино, путешествия; значительная доля — на приобретение зарубежных замков, особняков, вилл. И только 58 млн., т.е. шестая часть, пошли на модернизацию сельского хозяйства, приобретение современных орудий труда, внедрение новых технологий в крупных хозяйствах-экономиях.

Нехватка хлеба усугублялась низкой урожайностью пшеницы и ржи. В среднем собирали 37—38 пудов с десятины, т.е. 5-6 центнеров, треть оставляли на посев. Зная, что основу питания составлял хлеб (Л.Н.Толстой, обходя деревни, из двора в двор, отмечал отсутствие всякого «приварка»), нетрудно представить, о каком хлебном «изобилии» может идти речь.

Агрономы, селекционеры пытались поднять урожайность на опытных станциях, которые стали создаваться в России в конце девятнадцатого века. На одной из них, Полтавской, открытой в 1884 году, проходили практику многие студенты «Петровки», в том числе Н.И. Вавилов и В.Е. Писарев. Виктор Евграфович, получив назначение в Переселенческое управление Иркутской губернии, спустя время, переходит в Департамент земледелия, где и начинает селекционную работу на Тулунском опытном поле по созданию скороспелых сортов пшеницы, ржи, овса...

Кто встречал из итальянского путешествия Серёжу и его товарищей в Тулуна, мы не видели. С вечера ребята собрали свои рюкзаки, последний раз наполнили из титана пластмассовые чайные кружки с заваркой в пакетах, нарезали оставшиеся московские плюшки. Низко на горизонте догорал костерок зари...

Под утро ребята сошли. Вагон спал. Спали и мы.

СИБИРСКАЯ КРАСНОКОЛОСКА

Пырей, в середине августа высушенный, жёсткий, подступая к самой колее, тянется вдоль дороги полосой в одну-две сажени. На самом поле сибирской красноколоски поднимаются повсюду белые, полные семян, головки осота. По ниве, засеянной крестьянской рукой из лукошка, вразброс, вглубь участка ведёт тропка, проложенная барсуком во время ночной кормёжки. Скоро здесь останутся стерня да снопы, составленные в суслоны... Вылущенное из колоса зерно отликает желтизной, от нажима ногтём нет следа. Два-три дня — и под серпы, литовки пойдёт и сама красноколоска, и неистребимый осот, и колючий жабрей.

Зёрна с ладони Писарев ссыпает в бумажный пакет, прячет в кожаную сумку. Барсучья тропа направляется к дороге, потом уклоняется в сторону соседней полоски. Двуколка с конюхом Фёдором ждёт агронома возле рябины, разделённой от комля на два ствола. Мерин Сивко фыркает, подёргивает шкурой, сгоняя слепней. Махорочный дымок вьётся над картузом Фёдора.

По тулунской дороге от железнодорожной станции, чугулки, приближается путник. Солдатская мятая фуражка, лянляя гимнастёрка, на левой руке свёрнутая шинель. За спиной на лямях тощий вещевого мешок. Впалые щёки в рыжей щетине.

— Что, брат, из госпиталя, в отпуск?

— Отвоевался я, барин... Это в первое ранение отпуск давали, десять дён... Да куда ж, с Галичины, и в один конец этих десяти дён не хватит... Пospела наша красноколоска? — Голос слабый, с одышкой.

— Пospела. Начнут на днях, если не заждит.

Оба посмотрели на запад, где белесое небо затягивало хмарью.

— Успел ты, брат, в самый раз к жатве.

— Откосился я, барин. Левой, вишь, не владею. В самый локоть осколком, не разогнуть, — он пошевелил под шинелью рукой, прижатой к боку.

— Где же это тебя?

— Да под Кухоцкой Волей, на Волынщине... В первый раз под лопатку, зацепило легко, вернулся в полк. А вот второй раз... Сначала в Киеве, потом в госпитале в Москве. Ничего госпиталь, на пожертвования купечества... Щи мясные, вволю ситный... Лежал я там, барин, лежал, много передумал. Везде хлеб крестьянину даётся тяжело. Хоть там, на Волынщине. Весной, в полях, на озимях, где много нанесло снега, одни вымочки... Какой урожай? Не лучше, чем у нас в Сибири. И зерно мелкое. В старину, дедушки говорят, здесь брали по восемьдесят пудов, а теперь не взять и половины.

— По восемьдесят на подсеках... А теперь земля истошилась. Надо сеять травы, пополнять силы земли, не ждать в забросе десять-пятнадцать лет, как в старину. Пашни не прибавляется, переселенцев тысячи. Сорты надо менять. Пытаемся мы на Опытной станции улучшить местные пшеницы.

Солдат слушал, поглядывал на Фёдора, крепкого Сивко, придавленный своей думой.

— Да были мы с папашей у барина Турбина в году десятом. Я ещё в парнях ходил. Там у него одни сорняки, выюнок да сурепка. Жёлтые поля. Наши мужики смеялись: вот так хозяин... А инвентарь ничего, и плуги, и сеялки. Всё заграничное, не то что наша соха-колесуха...

— Вспомнил ты, брат, десятый год. За пять лет много воды утекло. Теперь у нас всё по науке, отбираем урожайные сорта, скрещиваем. Приезжайте с папашей, дадим на посев хощее зерно.

— Ну, у вас, может, что и получится. Вы, Писаревы, местные, знаете наш край, знаете, как у нас бывает... Помните, в двенадцатом году, какие летом начались холода, а где-то, говорили, и снег выпал. Пшеничка, что долго нежится, не зреет, здесь не идёт. Нам нужна скороспелка, как наша Сибирка, красноколоска, только чтоб покрупнее.

— Отбор нужен, брат, отбор, селекция. Вот видишь, встречается и среди красноколоски крупное зерно. — Писарев открыл сумку, высыпал на ладонь сегодняшней сбор. — Нужны годы на опыты, средства, где же вам, крестьянам, этим заниматься. Народу становится больше, урожаем падает. Ваши переселились давно?

— Давненько, ещё до чугулки. Самоходы. Нераспаханной земли было сколь хошь. Делай подсеку, корчуй, распахивай. Восемьдесят пудов!

Агроном поставил сумку на сиденье двуколки.

— Того, что было, как ваши говорят, «при дедушках», того не будет. Учиться надо, брат, учиться, читать специальные книжки, агрономов спрашивать... Мне вон пишет один хозяин из Верхоленского уезда...

Солдат поправил шинель на согнутой руке.

— Какой из меня теперь пахарь... На шорника, может, подучусь, правая-то здорова. Меня папаша в детстве хвалил: ловкие у тебя, Мирон, пальцы... Так-то я хотел на чугулку устроиться, меня больше к механике тянуло, да грамоты маловато, только читать да печатными буквами карябать... Добраго вам здравия, барин. Буду в Тулуне, может, загляну.

Дорога, выкатанная в пыль колёсами телег, двуколок, бричек, повела в лошину. Двуколка, покачиваясь на рессорах, катилась под уклон легко, Сивко сбивался на рысцу, Фёдор по привычке помахивал кнутом.

В 1913 году, когда Писарев стал заведующим Тулунским Опытным полем, шесть лет до него начальствовал здесь Иван Семёнович Турбин. Бывший офицер, разорившийся помещик с орловщины, полагал поправить здесь своё бедственное положение. В Сибири, как известно, любой разворотливый человек может сколотить состояние — такие в Россию из Сибири доходили слухи. Казна выделяла тогда Департаменту земледелия немалые суммы, значительная часть средств перепадала Переселенческому управлению. Недалеко от станции Тулун, на берегу реки Ия, началось строительство, как писалось в отчётах, Опытной фермы. Дом, конюшня, строение под сельскохозяйственный инвентарь, подвал, рига... Иван Семёнович, человек трудолюбивый, старательный, но не имевший опыта в сельском хозяйстве, понимал, что с его знаниями не наладить даже среднее крестьянское хозяйство, не то что образцовое. В своём отчёте иркутскому начальству он честно докладывал, что за все годы ни один селянин не обратился к нему за советом и помощью. Никаких опытов на ферме не велось, штат из семи человек, во главе с заведующим, занимался в основном строительными ра-

ботами. Пытались сеять пшеницу, ячмень, рожь, но без плана, как придётся, не зная простейших правил селекции, без анализа результатов.

Двуколка бежала вдоль пшеничных полей, добравших последнее тепло перед жатвой. Здесь, на юге губернии, начинали обычно сев на Николин день, и в одно время всем миром в августе приступали к жатве.

Фёдор оглянулся на увал, где скрылся раненый.

— Парень-то в самом деле хворый. Не работник теперь... Э, глядите, никак Василий Трофимович, наш становой жалует. — Фёдор привстал, взглядываясь через голову Сивко в приближающийся тарантас. За начальством на саврасом жеребчике следовал урядник. Позванивал бубенец.

На небольшой поляне, где можно было разъехаться, Писарев велел остановиться. Тарантас съехал с дороги, смолк бубенец. Василий Трофимович, невысокий, крепко сбитый, в тёмно-зелёном мундире поручика, в фуражке с белым чехлом, прихрамывая, направился к двуколке агронома.

— Моё почтение науке! Здравствуйте, Виктор Евграфович, здравствуйте. Где должен быть учёный муж? В полях, в полях! — открытый приветливый взгляд подкрепило приятельское рукопожатие.

— Я-то домой, с полей, а вы, Василий Трофимович, куда — из дома на ночь, да ещё со стражником? Случилось что?

— Ай, не спрашивайте. Ни дня, ни ночи... Мало мне своих забот, так теперь размещай беженцев. А где их размещать? Мужички палаты, известное дело: тут тебе и стряпают, тут и спят, и чинят сбрую, и телёнка зимой запустят. Только у местных, бурят, пустые избы — пока кочуют. Туда и расселяем, больше некуда... Ну, а урядник — для острастки.

— Пугать-то кого, Василий Трофимович?

Становой снял фуражку, помахал перед вспотевшим лицом.

— Кого же ещё... Тарасунщиков. Чуть поутихло пьянство, как вышел Указ, и вот извольте: вместо монополки самогон. Иностранцы гонят тарасун молочный, послабее, а наши хлебный, из зерна. Переводят пшеницу на зелье. Мужики на войне, а молодые чувствуют, скоро их черёд, потребуют в Нижне-Удинск, в военное присутствие... А где пьянство, там драки, увечья... Из сёл шлют жалобы в Иркутск, губерния пересылает исправнику в уезд, они нам, в волость. А я что могу? Где водка, там барыш. Из пуда муки выгоняют тарасунки на восемь целковых, два рубля барыш. Полтина бутылка, как монополка. — Василий Трофимович откинул клапан офицерской кожаной сумки. — «Иркутскую жизнь» не читаете? Вот заметочка... — Он поискал глазами нужные строки. —

«В прошлом, позапрошлом годах, как закрыли монополку — ни драк, ни разбоев, ни краж. А до этого ни один праздник без драк и увечий, а то и убийств. И во всех этих делах зелёная молодёжь. Закрыли монополку в Зиме и Бархотове — прекратились драки, меньше краж... Теперь и помочи обходятся без водки...» Всё так и было, год-полтора, без всяких безобразий. А теперь снова... Вы, Виктор Евграфович, стараетесь на пять-шесть фунтов поднять урожайность, а тут изводят пудами.

— Да, помню, как в четырнадцатом, в августе, запасных в эшелонах на Запад везли. На станциях разбивали водочные ларьки. Со стрельбой разгоняли, — вспомнил Писарев те события.

— Переводят хлеб на самогон, а хлеба-то и так не хватает. Тут, между нами, — пристав, понизив голос, покосился на конюха, — на днях недавно секретный циркуляр — произвести опись в уезде запасов сахара, продовольствия. Ревизия по складам, лавкам, ларькам. Придерживают лабазники, чтоб потом вздуть цены. Война два года, не видно конца. Эшелоны раненых, госпитали в Иркутске забиты, да ещё беженцы. Всем хлеба дай. А посевы сократились, поубавился сбор. Оторвали от дела мужика. Казаков с лошадьми призывают... Бедность, бедность, Виктор Евграфович, а мы — воевать.

— Сократились посевы и в России, и в Сибири, — подтвердил агроном, обирая с брюк колючие репы. — Меньше мужиков на селе. Сейчас встретили одного, хуторского, из Никитаево, раненый. Какой теперь из него пахарь?

Со стороны Тулуна две лошадки, впряжённые в телегу, рысцей проехали в сторону Никитаево. Выше дощатых бортов, среди узлов, корзин виднелись бабы платки, русые головы ребятишек. Все четверо проводили взглядом телегу в молчании. Из телеги дети с любопытством смотрели на встречных: офицер в мундире, урядник с саблей...

Становой жаловался на распоряжение начальства приискивать места раненым, непригодным к службе, в казённых учреждениях. Какие учреждения в волостном селе? Это в городе швейцары, гардеробщики, дворники...

— Такие дела, Виктор Евграфович... Зато у вас, как-то мимо проезжал, строительство полным ходом. Амбар какой-то рубите...

— Не амбар, Василий Трофимович, лаборатория. Все рекомендации должны быть проверены на опытах. В этом году только одной пшеницы посеяли на четырёх сотнях опытных делянок. Война закончится когда-нибудь, вернётся на поля

мужик... Каким зерном будет сеять, как во времена «дедушек»? Не хватает нам зерна, население растёт, по миллиону-полтора в год прибавляется ртов... А земли не становится больше, да ещё неурожаи. У нас в Сибири ранние заморозки губят хлеб, а в России засуха через каждые три-четыре года. Нужны новые сорта, современная культура земледелия, по-нашему, агротехника...

Жеребчик урядника всхрапывал, нервничал вблизи Сивка, чем-то не пришёлся тот ему по нраву. Фёдор позёвывал — выехали в такую рань.

— Так как, не пристроите у себя какого-нибудь увечного?

— Нет, Василий Трофимович. У меня лёгкой работы не найдётся. Плотники да землекопы. С утра до потёмков... У меня не прохлаждаются.

— Слышал, слышал, местные дивятся: вот так барин, сам работает, как мужик, и к работникам строгий.

— А как иначе? Выпала честь — умей снести. Я в агрономы пошёл не от скуки. Как же так, крестьянская страна и не можем себя прокормить. Неурожаи, голодовки... Мужики надрываются, пашут сохой, молотят цепами, как сотни лет назад... И мы, учёные, ещё не отобрали лучшие сорта, не вывели новые, только приступаем. Рядом Монголия, Китай, а что мы знаем про их злаки, пригодные для селекции? Снарядить бы экспедицию — ответ один: нет средств...

Урядник скучал, не вникая в господские рассуждения.

— Да, мой друг, на дело у нас всегда нет средств. Всё на авось, с кондачка, а потом... Меня же под Лаояном шрапнелью свои припечатали. Поручик Лискун, воин-аника, ещё тот артиллерист... У них, японцев, между прочим, все солдаты грамотные, не то что наши Сидор с Карпом, один класс на двоих. Добыли казаки в разведке трофейную карту: все наши позиции сняты с аэростата специальным аппаратом. Наш поручик-изобретатель придумал такой же аппарат, полгода в столице толкался с чертежами по ведомствам, пока война не кончилась... Успехов, дорогой мой, желаю вам стать профессором, — пристав, подмигнув, прикрыл темя фуражкой, приложил два пальца к козырьку.

Писарев улыбнулся: славный служивый...

— А вам, Василий Трофимович, дослужиться до ассессора!

— Какой ассессор... Как был поручик губернским секретарём, так и состаримся. Дело не в чинах, средств маловато. Вот, донашиваю армейский мундир. Надо бы к сапогам новые подмётки... Это вы, господин агроном, наезжаете в станционный ресторан обедать...

— Э, да вы, оказывается, кое-что знаете, Василий Трофимович!

— А как думали? Полицейскому чину предписано во всё вникать, тут, говорят, ваш брат-интеллигент проезжал как-то на Лену, Короленко. В ссылку. А потом, в девяносто втором, в голод, в Поволжье столовые открывал.

Круг вечернего солнца опускался в колосья на дальнем краю поля, затихло тиньканье бубенца, двуколка покачивалась с боку на бок...

В московском институте, в бывшей Петровской сельхозакадемии, студенты обычно уже с первого курса определяли свой путь. Одни выбирали ботанику, других, как Вавилова, привлекала новая наука генетика, третьих агрохимия. Профессор Дмитрий Николаевич Прянишников, иркутянин, земляк Писарева, один из основоположников агрохимии в России, мог предложить исследования своей области, тем более что в «Петровку» Писарев поступил сразу на третий курс после окончания Казанского университета, имея диплом специалиста по неорганической химии. Но студента-третьекурсника влекло другое: повышение урожайности, выведение новых сортов ржи и пшеницы — скороспелых, зимостойких. Каким зерном засеваются русские поля, почему наша урожайность в два раза ниже европейской? Климатические особенности России известны — в Англии озимые высевают в середине ноября, когда на наших полях гуляет метель. После двух-трёх урожайных лет засуха выжигает посевы от Украины до Сибири, захватывая и центральные губернии. Начинается массовый голод. Нужны новые сорта, стойкие к засухе, холоду, болезням. Для подтверждения звания агронома, при завершении учёбы в институте, Писарев представил печатную работу по обследованию семенного материала крестьянских хозяйств. Дионисий Леопольдович Рудзинский, положивший начало селекции зерновых культур в России, поддержал устремления молодого агронома.

Только в начале двадцатого века, после череды засушливых, голодных лет, в России стали заниматься селекцией пшеницы, ржи, овса. В Петровско-Разумовском, на опытных делянках «Петровки» и Московской опытной станции, Рудзинский и его помощники высевали новые сорта, вели наблюдение. Такие же опыты ещё раньше начались на Полтавской опытной станции, где старшекурсники академии проходили практику, знакомясь с новейшими приёмами агротехники. Крестьяне издалека приезжали на станцию и за посевными семенами, и за советом. В самые тяжёлые времена, при засухе, снежных зимах, губивших озимые весенней

талой водой, на Полтавской опытной собирали урожай в два-три раза больше, чем в окрестных хозяйствах. Элитные семена, новые технологии давали значительную прибавку.

Получив назначение в родную Иркутскую губернию, в Переселенческое управление, Писарев вскоре отправился с экспедицией в незаселённые районы Восточной Сибири. Изучение почвенно-ботанического состава тех мест имело практическую цель. Сюда предполагалось направить основной поток крестьян-переселенцев из Украины и центральных губерний. Районы, прилегавшие к Транссибу, были уже обжиты, распаханы.

Первые опыты Писарев закладывал на полях Баяндаевского поля, в ста верстах от Иркутска. В России, где девять десятых населения жило на земле и кормилось от неё, не хватало сортов, приспособленных к местным условиям. Уралу, Поволжью, центральным губерниям требовались устойчивые к засухе сорта. Сибирь ждала от учёных пшеницу-скороспелку, способную набрать силу за девяносто—сто дней, до первых заморозков. Местные скороспелки малоурожайны. Расходы на вспашку, закупку семян, посев, уборку при таком урожае равнялись выручке от продажи зерна. Где уж тут покупать иностранные сеялки, культиваторы, сноповязалки. Всё та же соха-колесуха, серп, литовка-коса, да на току цеп.

Главная забота крестьянина — посевное зерно. Многие в поисках сильного, урожайного, покупают его на стороне, обольщаясь внешним видом. Крупное, налитое, цветом в медь. Платят не полтину, два-три рубля за пуд, надеясь, что расходы окупятся. А зерно непригодное для Сибири, долго не созревает, «нежится» и, как часто бывало, в поле встречает заморозки. В амбар сыпается сморщенная, прихваченная холодами «неженка». Покупают «сильное» зерно обычно у незнакомых людей. Есть поверье: продашь кому-то на посев своё зерно — и у самого выведется хороший сорт.

В Баяндае Писарев начал опыты с посевов пшеницы по пару и по ржищу, то есть высевал сразу после ржи, не дав полю отдохнуть. Примером служила сельскохозяйственная станция в Малороссии. На Полтавском опытном поле проводили вспашку не весной, как это было заведено здесь, а осенью, на полную глубину. Весной и летом участок, чёрный пар, поддерживали боронованием. Обычный, зелёный пар, зарастал сорняками. Озимые на чёрных парах, имея достаточный запас влаги, не угнетённые сорняками, развивались в полную силу. В самые неурожайные годы, 1891—1892, озимая рожь с таких участков давала сорок—шестьдесят пудов,

в менее засушливые получали и сто двадцать! Невиданный сбор урожая для Малороссии. Опытные посевы в Баяндае принесли тоже неплохой урожай, вдвое выше, чем у местных земледельцев.

Лето 1912 года выдалось в Прибайкалье ненастным. Холода накрыли не только Восточную и Западную Сибирь, но и обширные территории Урала. Извержение вулкана Новорупта на Аляске, при выбросе в атмосферу огромной массы пепла, вызвало похолодание и в Северной Америке, и в Восточной части России. Учитывая бедственное положение земледельцев, власти выдавали ссуды зерна на продовольствие и посев. Но и при таких холодах Писарев в тот год нашёл в Балаганском уезде созревшие сорта. На таком исходном материале и надо вести селекцию, сочетая достоинство местных пшениц с ценными качествами привозных сортов.

Снижают урожайность сорняки. Куколь, сурепка, полынь, хвощ, жабрей, мокрица, отбирая влагу, питательные вещества, теснят, убавляют силы посеянных растений. Пуды и пуды зерна недобирает крестьянин от этого соседства. Среди сорняков главенствует осот с его мощной, раскинутой вширь корневой системы. Крестьяне, как могут, борются с этой напастью, чаще — тройной вспашкой паров. Сколько времени, сил уходит на эту изнурительную повинность, а весной из небольшого корешка снова поднимается молодое сильное растение...

Далеко разошлись пути выпускников «Петровки». Кто занял вакансию в Департаменте земледелия, кого-то пригласили владельцы крупных поместий, иные нашли своё место в науке. В тринадцатом году, когда Писарев принимал на Тулунском опытном поле дела от Ивана Семёновича Турбина, Николай Вавилов, надежда профессора Прянишникова, был командирован в Англию. Предстояла стажировка у патриарха генетики Уильяма Бэтсона, в его институте в Мертоне, пригороде Лондона. Затем Франция, Германия, знакомство с достижениями современной биологии. Война ускорила возвращение Вавилова на родину; теперь однокашник снова в «Петровке», готовится к профессорскому званию...

Сивко, чувствуя скорый корм, прибавил шаг. Низины, возвышенности, пологие сопки в отдалении, больше похожие на курганы. Простор, тишина, родные места, которые помнились и в многолюдной Москве, и на жаркой Полтавщине.

За клином ржи снова разлив красноколоски. На обочине лошадка, дрожки. Мужик без картуза, в белой полотняной рубахе осматривает своё поле. Нескончаемый крестьянский

труд, каждый год в тревоге, ожидании, какой будет зима, какое лето. Вдруг снова засуха или зарядят недельные дожди...

Окраинные избы, строения мыловаренного заводика, вагоны на станции красил закатный огонь. Двухолка миновала Тулун, берегом речушки Ия направилась к постройкам Опытного поля.

Сруб будущей лаборатории готов, начали отделку. Переступая через балки — на днях начнут настилать пол — осмотрел подшитый сегодня потолок. Старший плотник следовал неотступно: заказчик требовательный, платит только после осмотра.

— Получай, Иван Митрофанович, свой рубль. — Старший спрятал заработок в кошелёк. — Тебе, Константин, восемь гривен. Тебе, Кузьма, тоже... А тебе, Семён, полтина. Мог бы завтра и не приходить. Подумаю. С ленцой, брат, с ленцой. Так и потратишь на перекуры, на цигарки жизнь.

В конторе, на письменном столе, почта, доставленная из Тулуна. Сельскохозяйственные журналы, «Губернские ведомости», «Иркутский хозяин», письма из Департамента земледелия, от уездных чиновников. Два письма — от Верхоленского крестьянина-опытника и московское. Не забывает иркутского агронома однокурсник, оставленный в «Петровке» на кафедре частного земледелия.

Письма позже, перед сном. Раскрыл Опытный журнал. Четыре сотни делянок, за каждой своё наблюдение. Цифры, таблицы, пометки. Посевы, всходы, колошение, цветение, молочная спелость... Зимой в каждом колоске снопика зёрна будут сосчитаны, взвешены, определено качество зерна. Запишется продолжительность роста, устойчивость к болезням, полеганию. Без этой летописи селекция невозможна. Где же мужику вести постоянные записи, даже если он и обучен грамоте. Из года в год на его земле привычная трёхполка — пар, пшеница, овёс...

Фёдор, стукнув в дверь из сеней, остановился у порога, в потёмках. Управившись по хозяйству, конюх заходит всегда узнать приказания на завтрашний день.

— Едем к Кондрату Нетёсову на заимку?

— Отложим. Не получается... Видишь, сколько нас осталось...

Призваны в войска помощник заведующего Попов, приказчик Опытного поля Виноградов. От Русско-японской не оправились, теперь германская, Великая, как её называют.

Пушки льём, не до плугов, сеялок. На расширение селекционных опытов нужны ассигнования. На крестьянских полях вместо новых урожайных сортов, как во времена «дедушек», всё та же мелкозёрная красноколоска.

Настанут ли времена, когда власть будет больше думать о своей земле-кормилице, чем о бранных полях Лаояна, Галиции...

КРЕМЛЬ. ЗАЛ ЗАСЕДАНИЯ СОВНАРКОМА

На Театральной площади, в воронке стекающихся отовсюду автомобилей, трамваев пролёток «Ренаулт» притормозил. Телега со штабелем четырёхметрового пиловочника медленно одолевала перекрёсток. Возчик, бородатый мужик в картузе и белом фартуке, бросил косой взгляд на автомобиль с открытым верхом, на Вавилова и его спутников. В шляпах, с портфелями, как господа в былые времена... Четыре года назад, в двадцать первом, возвращаясь домой из научной командировки в Америку через Берлин, выпал случай встретиться с отцом. Иван Ильич болел, тосковал по России, подумывал о возвращении из эмиграции. В молодости тяжело переживал самовольство сыновей. Волоколамский деревенский парнишка выбился из конторщиков в известного на Москве мануфактурщика-коммерсанта, гласного городской Думы, владельца доходных домов на Пресне; сыновья отказались от отцовского дела, оба, и старший, и младший Сергей, выбрали науку. Выходит, не стоило ему перечить сыновьям: где теперь Гучковы, Рябушинские, Морозовы?.. Расспрашивал Иван Ильич сына о Москве, о переменах в России — в эмигрантских газетах всё мажут одной краской. Москва, Москва! Остались по ту сторону границы семья, дом, целая жизнь... Здесь, в центре Берлина, на Александерплац, отец и сын в шляпах, добротных пальто ничем не выделялись среди деловой публики; в Москве всё больше в шинелях, перелицованных куртках, донашивают старое, кое-как сводят концы с концами и в одежде, и в еде. Америка после войны наживает барыши на поставках зерна в голодную Европу — что говорить о России с её засухами, вымерзающими озимыми. На полях всё те же лошадки, плужки, а то и соха. В Германии покупаем паровозы, в Америке трактора...

Вековое отставание от индустриальных стран не одолеть броском. Техническое перевооружение требует огромных накоплений. Германская война закончилась для России экономическим крахом: внешний долг вырос до сорока довоенных бюджетов, шторм Мировой войны, Гражданской, интервенции выбросили огромный корабль на отмель. Техническое отставание от Европы особенно заметно в сельском хозяйстве. Механизация сельского труда в Германии, Франции, Англии выше российской в два-три раза, шестикратно отстаём от Америки. Трактора, комбайны, культиваторы, се-

ялки на Западе вытеснили с полей ручной труд. Наш первый «Фордзон-Путиловец» 1 мая двадцать четвёртого года из ворот завода, украшенный кумачом, загремел колёсами по булыжной мостовой на демонстрацию, к Дворцовой площади. Нужны многие тысячи тракторов, плугов, жаток, молотилок, чтобы на огромных пространствах страны — в Сибири, Средней Азии, Кавказе, Центральной России — началось перевооружение села.

Несмотря на труды российских биологов, агрономов, агрохимиков на открытия К.А. Тимирязева, В.В. Докучаева, И.А. Стебута, Д.Н. Прянишникова, сельскохозяйственная наука в империи оставалась частным делом. В то время как на Западе селекция быстро внедрялась в сельскохозяйственное производство — знаменитая французская семеноводческая фирма Вильморенов была известна по всей Европе. В крестьянских, помещичьих хозяйствах России высевались в основном местные сорта, малоурожайные, склонные к болезням. В огромной земледельческой стране выведением новых сортов пшеницы, ржи, других злаков системно никто не занимался. Небольшие ботанические экспедиции российских учёных обычно имели конкретную цель: в начале семнадцатого века из Персии были завезены виноградные лозы для закладки виноградников в Астраханской губернии. В середине восемнадцатого века академик С.П. Крашенинников, руководитель Академического сада-огорода, проводил опыты с растениями, привезёнными из Китая, Америки, Камчатки. В Петербурге, на Петровском острове, Вольное экономическое общество имело опытные участки «для хлебных растений и кормовых трав».

Во второй половине девятнадцатого века в стране создаются небольшие, с малочисленным персоналом селекционные Опытные станции, относящиеся к Бюро прикладной ботаники во главе с Робертом Эдуардовичем Регелем. (Бюро являлось подразделением Учёного комитета Министерства земледелия.) Заметного влияния на урожайность и весь крестьянский уклад эти станции не оказывали. Миллионы десятин российской пашни обрабатывались, засеивались «как во времена Рюрика». Студенты Петровской академии проходили практику на Степной станции под Воронежем, на более известной Полтавской, Московской, на участках в Петровско-Разумовском, где знакомились с новыми приёмами земледелия, составляли отчёты о первых опытах в системе растениеводства, агрохимии, селекции.

Переезжая в семнадцатом году из Петрограда в Саратов для преподавания на Высших женских сельскохозяйствен-

ных курсах, Вавилов взял с собой образцы из зерновых запасов Бюро прикладной ботаники Петровской академии. Вместе с помощниками, слушательницами курсов на опытном участке под Саратовом, не теряя времени, посеяли некоторые сорта ржи, пшеницы... Накапливались ценные факты, наблюдения, добытые в результате многократных опытов. В научных школах Бэтсона, Моргана, Прянишникова, Рудзинского действовало правило: выводы должны строиться на обширном исследовательском материале.

Для изучения местных полевых культур вместе с группами студентов прошёл он, молодой профессор, летом девятнадцатого года поля, степи Самарской, Саратовской, Астраханской, Царицынской губерний. В разоре Гражданской войны, в пучине анархии, грабежей, бандитизма учёные, агрономы, селекционеры не прерывали свою работу во всех уголках России, как Виктор Евграфович Писарев в Иркутской губернии, как селекционеры на Полтавщине, где многократно менялась власть от немцев до махонцев, пилсудчиков. Не имея приборов, инструментов, покупая их на свои средства, вели они исследования, помня, что для опытов с растениями требуются многие годы. На фундаменте генетических исследований, практических опытов последних лет Вавиловым был сформулирован закон гомологических рядов. У растений, относящихся к одному и тому же семейству, роду и виду, наблюдается строгое сходство изменяющихся наследственных признаков. Степень сходства растёт с увеличением близости родства растений. Гомологические ряды — «периодическая таблица» — позволяли судить, какими признаками должны обладать не найденные или ещё не выведенные учёными растения. Селекция получила возможность выйти из области предположений, догадок на путь системных исследований. Третий Всероссийский съезд по селекции и семеноводству, заслушав вавиловский доклад с изложением закона гомологических рядов, отправил в Совнарком телеграмму о значении открытия не только для науки, но и для будущего преобразования всей сельскохозяйственной отрасли.

Хлебное обеспечение страны, укрепление сельскохозяйственной науки становилось делом государственным. На Международный съезд по болезням растений, в Америку, были командированы из России двое учёных. Деньги, предназначенные для приобретения специальной литературы, новейших приборов, препаратов, выделялись немалые — двести одиннадцать тысяч семьсот пятьдесят золотых рублей. Решение о командировке утверждал Совнарком. «Принимая

во внимание исключительную важность вопросов борьбы с болезнями и повреждениями сельскохозяйственных растений и необходимоостью в самой полной мере использовать достижения Западной Европы и Америки за годы войны и революции в области сельского хозяйства... командировать профессоров А.А. Ячевского и Н.И. Вавилова в Северную Америку и Западную Европу сроком на четыре месяца».

Профессоры, первые учёные, командированные за рубеж после революции, не только знакомились с достижениями биологической науки в Америке, исследованиями знаменитого генетика Томаса Моргана, встречались с сотрудниками Департамента земледелия США в Вашингтоне, но и совершили длительную поездку по пшеничным районам Америки и Канады. Пенсильвания, Огайо, Миннесота, Колорадо, Оризона, Калифорния, Онтарио... В Россию уходили посылки с приборами, литературой, образцами хлебных злаков.

Год, с мая 1922 до весны 1923, длилась экспедиция сотрудника Отдела прикладной ботаники и селекции В.Е. Писарева в Монголию, давшая ответ на многие вопросы распространения, продвижения пшеницы и ржи в Сибирь с Востока. Сотрудник Отдела В.В. Маркович совершил экспедицию в Китай, Японию, на остров Яву, в Индию, а С.М. Букасов в Мексику, Гватемалу, Колумбию.

30 декабря 1922 года, в день создания СССР, по предложению председателя Совнаркома, Первый съезд Советов в своём решении записал: «Организовать в Москве как в центре нового государства трудящихся Центральный институт сельского хозяйства... в целях объединения научных и практических сил для быстрейшего развития и подъёма сельского хозяйства союзных республик».

Предстояла большая организационная работа, в которой принимали участие учёные всех направлений сельскохозяйственной науки. В августе 1924 года ЦИК СССР принял решение о создании Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур. В июле 1925 года председатель Совнаркома А.И. Рыков подписал Положение о Всесоюзном институте, и вот, спустя полмесяца, было назначено торжественное заседание в Кремле, посвящённое открытию научного учреждения.

...За длинным столом в продолговатом зале заседаний Совнаркома заняли места не только известные учёные, будущие руководители института, но и видные партийные, государственные деятели. Таблицы, диаграммы, стенды с образцами растений, карты маршрутов экспедиций наглядно отображали деятельность учёных в последние годы.

В Совет института вошли заведующий делами Совнаркома Н.П. Горбунов, директор института Н.И. Вавилов, два заместителя — В.В. Таланов, организатор Екатеринославской и Западно-Сибирской опытных станций, известный введение на полях России лучших сортов кукурузы, и крупнейший селекционер В.Е. Писарев. В состав Совета были включены также руководители Наркомземов союзных республик. Институту передавались шесть основных опытных станций, пять лабораторий, шесть опытных учреждений, пятьдесят пять географических пунктов, тысячи десятин земли для генетической, селекционной, семеноводческой работы. В состав института входили Северо-Кавказское отделение на Кубани, совхоз «Калитинский» под Ленинградом, опытная станция под Воронежем, отделение в Детском селе. Институт подчинялся не Наркомзему и Академии наук, а непосредственно правительству СССР и был подотчётен только ему.

На торжественном заседании в Кремле сопредседатель ЦИК А.Г. Червяков, отмечая значение науки в подъёме сельского хозяйства, назвал новый Институт первым звеном в деле создания Всесоюзной академии сельского хозяйства.

...Вечерняя Москва с подкрашенными кое-где дверями, окнами, подправленной мостовой, новыми вывесками магазинов, столовых, становится оживлённее; на тротуарах среди служащих мелких учреждений выделяются ответственные работники в белых гимнастёрках, галстуках, с портфелями. Автомобили, сигналя, теснят пролётки к обочине. В узком переулке «Ренаулт» пропускает встречную пролётку и немолодую женщину в чёрном платке с плетёной кошелёчкой, с караваем прижатого к груди ржаного... В горах Афганистана, на Памире, возле крохотных делянок-грядок с нищенским урожаем Вавилов видел такие же глаза матерей, не имеющих в достатке хлеба, чтобы накормить досыта детей. Да и здесь, на родине Ивана Ильича, на волоколамских суглинках, много ли собирали крестьяне со своих десятин! Бесхлебье гнало их в город, на заработки, отрывало от хозяйства, семьи.

Сегодня в Кремле решалось дело, которое по масштабам едва ли когда-то осуществлялось в другой стране, и от него, руководителя заглавного института, зависит не только, будет ли вдоволь хлеба на нашем столе. Предстоит великий труд, но разве там, на Памире, на ледяных перевалах, уже закрытых для путников, он отступал, не добирался до маленьких поселений с грядками неизвестных науке пшениц, диких предков нашего зерна...

Тропа, проложенная с давних времён по склону, спускается в ложбину, устремляется дальше за перевал, но Кассия, старший караванщик, даёт знак: останавливаемся на ночлег здесь. Поляну окружают заросли древовидного молочая. На эфиопском плоскогорье и мимозы, и можжевельник, и клещевина, и молочай, и акации с высоко вознесёнными зонтиками ветвей поражают необычной мощью, высотой. Ночь на экваторе настигает путников внезапно, без долгих закатов, мягких сумерек, как это бывает в Подмоскowie и всей Среднерусской полосе. Солнце быстро скатывается к горизонту, теряется в зарослях саванны или в кронах смоковниц, и сразу темень накрывает малолюдный край, пока не всплывёт луна и на западе засверкает Венера...

С февраля, за недели пути, когда снялись из Аддис-Абебы, каждый приспособился к своему делу. Погонщики быстро вбивают кольшши, ставят палатки, натягивая растяжки между стволами клещевины; снимают вьюки с мулов, и смиренные труженики, подвернув копыта, устраиваются на отдых. Мамуш, молоденький погонщик, почти мальчик, помогает старшим раскладывать костёр — выбирает из вязанки хвороста, привезённого с собой, тонкие прутики, ломает их на растопку. Двое мужчин удар за ударом, без отдыха, рубят ствол засохшей акации, заготавливая дрова на ночь. Костерок закурил, задымился; Мамуш подходит к мулам, подвешивает торбы, отсыпает каждому его долю ячменя.

В вавилонскую палатку, ближнюю к костру, вносится поклажа — и накопленное за минувшие дни, и сегодняшний сбор, который предстоит разобрать. Путники знают, что после ужина, пока они будут спать, хозяин палатки при свете маленькой лампы начнёт раскладывать, паковать колосья, зёрна пшеницы, ячменя, тэффа, подписывать сбор, заполнять тетрадные листки.

Костёр из робкого огонька разрастается в жаркое пламя, в тёмное небо поднимается дым с тем же запахом, как в селениях, которые они проходили день за днём. Похожие друг на друга эфиопские деревеньки из двух-трёх десятков конусообразных хижин, крытых соломой; заросли высокого молочая или кусты дикой клещевины, как забор, скрывают от взгляда дворы.

Грамота правителя Эфиопии раса Тафари, его распоряжение, посланное с гонцами по пути следования каравана, предписывали властям обеспечивать почётного гостя Эфиопии провиантом, фуражом, патронами. Зная гостеприимство ме-

стных жителей с обязательным угощением ячменным пивом, «гость Эфиопии», чтобы не терять время, старался избегать ночёвок в селениях. Караванщики разбредаются ночью по деревне, утром не собрать... И зимой, и летом день на экваторе двенадцать часов, смеркается рано, если хочешь уложиться в срок, надо торопиться. Деревушка, где можно было сегодня остановиться на ночлег, тоже осталась позади, но от угощения, приготовленного по приказанию старосты, не отказались. Плетёную корзину с инжерой, блинами из тэффа, мелкого проса, завернули в шамму, накидку вроде плаща. В глиняную посудину сложили жареную баранину, сдобренную острыми приправами. От талы отказались, ночью надо спать...

— Господин, пора ужинать, — отвернув полог, Кассия заглянул в палатку.

Озабоченный, всё примечающий взгляд, над бровью небольшой шрам от копыя или падения в горах с кручи. Сдержанный, немногословный, способный принимать быстрые решения в рискованных обстоятельствах. За два месяца пути, преодолевая опасные спуски к рекам и тяжёлые подъёмы из глубоких каньонов, пересекающих Эфиопское плоскогорье, пробираясь среди кустарников и высокой, в рост, травы, Вавилов не раз мог убедиться в смекалке, решительности своего друга-амхарца. В поле, среди созревающих хлебов, на маленьких токах, где шёл обмолот прогоном по снопам медлительных буйволов, Кассия, при его понятливости, исполнительности, оказался толковым помощником и в сборе зерна. Вспомнился Бахтыр, проводник-караванщик из экспедиции на Памир. Осторожный, осмотрительный, вёл он доверившихся ему путников, выючных лошадей по извилистым, горным тропам, прилепившимся к отвесным скалам, собранным из вбитых в расщелины кольев, настила хвороста, присыпанного камнями и землёй. Далеко внизу, на дне пропасти, бился о камни неслышимый Пяндж... И не вина проводника, что на одном из крутых подъёмов лошадь поскользнулась и вместе с выюком сорвалась в реку, местами уже покрытую муфтами-льдинами. Погибли книги, записи, дневники, материал, собранный на высокогорных таджикских делянках.

Кассия, караванщики, переводчик, охранники-стражи расположились возле костра. Босые ноги подвёрнуты под себя. Блики пламени изменяют знакомые лица; в молчании руки тянутся к стопке блинов, отделяют часть, макают в приправу, захватывают ломтики баранины. В горах Памира, Нуристана, Кавказа дорожная трапеза перед сном — награ-

да за дневной труд. Издревле в горах, пустынях, на равнинах бьётся над своим пропитанием человек, не всегда имея возможность вечером насытить хлебом детей. Караванщики, нанятые иностранцем, в их понимании богатым, состоятельным, только в пути и могут вдоволь поесть, но и этот кусок бывает горек от мысли о том, что там варится сейчас на домашнем очаге. Нужда гонит работника из дома, от родного очага, будь то степная самарская глушь, бедные подзолистые волоколамские пашни или африканские деревушки с клочками каменистых делянок, плугом-бороздильником и мерной поступью вола...

Пламя осело, улеглось, головешки раскалил жар, в дрёме вздрагивает то один путник, то другой; пора в палатки, завтра снова на тропу, всё дальше и дальше на север, к Эритрее. Только тихий, грузноватый, с едва заметной седой бородкой стражник-сомалиец, оставленный дежурить у костра, подбрасывает ветки, и, отмотав от катушки нитку, без рубашки, штопает порванный подмышкой рукав. Вечер покоен, тих, только порхает козодой-охотник, хлопок крыльями и снова треск... В такие тёплые вечера среди волоколамских полей, перелесков далеко-далеко светятся огоньки табунщиков или ночующей в пути артели. Рыбаки на берегу Шоши, под ивами, разводят огонь. Неспешные рассказы-бывальщины — прислушиваются к ним ивашковские мальцы и московские гости-гимназисты. После многолюдья Москвы, звонков конки, стука пролёток на Средней Пресне, суеты и тесноты большого города ночной мир с мерцанием звёзд на излуче реки, бегом зарниц, дымом костра вдруг открывает на миг путь постижения всего сущего и себя...

Сомалиец-стражник надевает рубашку, накидывает на плечи шамму. На озёрце, потревоженные лисицей или волком, заготовали гуси, уже готовые к перелёту. В этом безлюдном краю зимуют и гуси-гуменники, и аисты, и цапли, и журавли. Крупная и мелкая птичья рать скоро снимется в свои сроки, кто в ближний путь, через Средиземное море в Европу, кто дальше и дальше на Север, за Урал. В заполярной тундре только начинают таять снега...

При свете лампы снопики, колоски, зёрна привычно пакуются, повезут их в Россию автомобили, пароходы, поезда. Дома, на родине, сеятель уже вышел на поля, зачерпывает горсти зёрен из лукошка... В таджикских кишлаках, на крохотных делянках, шепотка за шепоткой ложатся в бороздки семена. Как долго ещё ждать, когда нальётся силой колос. К похлёбке из гороха нет лепёшки даже для детей. Ранняя зелень, корешки, тутовник... Из экспедиции на Памир дос-

тавлены были тогда в Ленинград не только зёрна — потомки древних горных пшениц и ржи, но и тёмная лепёшка из высушенных, истолчённых ягод тутовника. Да и в самой России, не имея возможности прокормиться на земле, миллионы крестьян снимались в отходничество.

В 1919 году Ленин, читая книгу А. Гарвуда «Обновлённая земля» о достижениях американских земледельцев, делал пометки. Почему такой огромный разрыв в урожайности российской пашни и заокеанской? Да, пшеничный пояс штатов Айова, Иллинойс, Канзас, Миннесота, Миссури с мягким, благоприятным климатом не знает ранних внезапных холодов, бесснежных морозных зим, затяжных летних дождей, жестоких засух, сжигающих всю растительность на миллионах гектаров от Украины до Сибири. Но разве мало значат сильные сорта, обильные минеральные удобрения, новые приёмы земледелия, высокая механизация крестьянского труда?

Локомотивом подъёма урожайности российской пашни должна стать наука. После решения Первого съезда Советов Союза ССР в декабре 1922 года об организации в Москве Центрального института сельского хозяйства с отделениями во всех союзных республиках, торжественного открытия научного учреждения в зале заседаний Совнаркома, передачи тысяч десятин лучшей земли для ведения генетических исследований, селекционной, сортоиспытательной работы было сделано немало. В Воронежской губернии, на Северном Кавказе, в Детском Селе под Ленинградом опытные станции, участки стали полигоном для научных поисков. Выделялись деньги на приобретение научной литературы, зарубежных семян, на внутренние и зарубежные экспедиции.

Для выведения новых сортов, более урожайных, зимостойких, не боящихся болезней, требовался надёжный, исходный для селекции материал. Предстояло отыскать на разных континентах прародителей нынешних Кубанок, Арнауток, заменив на огромных площадях России беспородные малоурожайные сорта на более сильные, чтобы со временем приступить к созданию Государственного Реестра сортов сельскохозяйственных растений. Исследования, начатые в Саратове, привели к открытию закона гомологических рядов. Логика закона, опыты, расчеты укрепляли уверенность: родину нынешних пшениц, ржи следует искать в горных районах Африки, Кавказа, Памира...

До глубокой осени двадцать шестого года, собрав немалый генетический «капитал» в странах Средиземноморья, пройдя с караванами равнины и горы Алжира, Туниса, Ма-

рокко, Сирии, Вавилов не знал, сможет ли попасть в Эфиопию, страну древнейшей в мире земледельческой цивилизации. Получить визы во французские колонии тоже было делом непростым. Власти избегали пускать иностранцев в свои заморские владения, где не прекращались бои. Зачем посторонним знать, что происходит на африканском континенте? В Сирии друзья вели войну с иноземцами, беспокойно было в Марокко... На помощь пришла госпожа де Вильморен, глава крупнейшей во Франции семеноводческой и селекционной фирмы. Влиятельные Вильморены знали русского генетика ещё со времён его первой заграничной поездки накануне Великой войны; тогда он не только знакомился с достижениями Бэтсона в Англии, успехами немецких генетиков, но и посетил французских коллег.

В земледельческой Франции авторитет сельскохозяйственной науки был высок, госпоже Вильморен были доступны кабинеты и премьера Бриана, и самого президента Пуанкаре. К удивлению чиновников, ведавших визами, разрешение на въезд в четыре колонии дали первые лица государства. Влиятельная дама пожелала успехов профессору из России.

Восемь месяцев тянулась бесплодная переписка с эфиопскими чиновниками ещё до экспедиций во французские владения. Четыре визы, полученные в Париже, стали ключом к недоступной Абиссинии. Французский консул в Риме, видя их, дал разрешение на следование в Эритрею по транзитной визе через Французское Сомали — порт Джибути.

После экспедиций в Алжир, Тунис, Марокко, Сирию, отправив посылки с добытыми материалами в Ленинград, с разрешением на въезд в Сомали пришлось снова возвращаться в Марсель. Белоснежный «Леконт де Лилль» два раза в месяц отправлялся в дальнее плавание с заходом в Джибути. В Средиземном море в декабре, потеснив мягкие летние ветра, скатываясь с гор, бушевал самовластный Бора. Неделя в каюте при изматывающей качке, пока «Леконт де Лилль» пробивался сквозь шторм к Суэцкому каналу, показалась бесконечной. Лучше кручи Памира, овринги, опасные тропы Сирии и Марокко, ежедневные десятки километров пути, чем броски с борта на борт, провалы с вершин водяных гор и невозможность хотя бы на час задержаться у письменного стола, достав из чемодана записные книжки, дневники.

Красное море подарило безветрие, штиль. Можно кое-что наверстать за упущенные дни. Пароход лёг на створные знаки Джибути...

Началась полоса удач. Счастливым дар располагать к себе людей от крестьян, караванщиков до местных чиновников и

их владык, не раз выручал в Иране, Нуристане, Африке. На пароходе русскому профессору покровительствовал господин Карль, бывший директор департамента земледелия Мадагаскара и сейчас возвращавшийся из Франции на остров. Столько невероятного встречается в пути... Бывший директор департамента читал краткое изложение вавилонской работы «О происхождении культурных растений», опубликованное в одном из научных французских журналов. Встретить подписчика малоизвестного специального издания на борту корабля у берегов Африки!

Господин Карль знал, как обращаться с колониальными чиновниками. Без лишних слов он дал им понять, какое светило прибыло в их захолустье. Сам президент, премьер-министр покровительствуют русскому профессору! В тот же день разрешение-штамп французского губернатора Сомали появилось в паспорте именитого путешественника. Путь в Эфиопию был открыт.

Поезд в Аддис-Абебу по узкоколейке, проложенной французскими строителями всего лет десять назад, двигался только днём, когда с восходом солнца владыки пустыни отправлялись на отдых в свои логова. Вагончики, громыхая, катили по рельсам, уложенным от термитов на железные шпалы. Селения, деревушки из десятка хижин-шалашей, крытых рогожами, циновками, теснимые безысходной нуждой, как таджикские кишлаки с глинобитными мазанками...

Между Джибути и Аддис-Абебой лежал Харар, известный район земледелия в Африке. Познание стремится к началу начал, к истокам первородства. Много ли таких мест уцелело на земле?

Собрать небольшой караван, зная порядки, обычаи, нравы Востока, для опытного путешественника дело несложное. Труднее объяснить крестьянам, для чего чужестранец-господин, приехавший издалека, сходит с дороги, выбирает колосья, срезает их... Одни приветствуют, улыбаются, в глазах других страх: не злой ли это человек, способный причинить вред урожаю? Январь в этих местах месяц страды, созревшие хлеба ещё на корню, лучшее время для собирателя.

Сорок посылок с образцами местных злаков — среди них удивительные пшеницы с фиолетовыми зёрнами — отправились в дальний путь к берегам Невы, в дом, где некогда размещалось Министерство земледелия Российской империи. Здесь, в Эфиопии, обнаружились своеобразные, неизвестные нигде в мире особые пшеницы, которые Вавилов предугадывал ещё в Саратове, создавая свою таблицу гомологических рядов. Тогда, в июне двадцатого, на съезде селекцио-

неров и учёных-генетиков была отправлена из Саратова телеграмма в Совнарком: «Этот закон представляет крупнейшее событие в мировой биологической науке, соответствуя открытиям Менделеева в химии, и открывает самые широкие перспективы для практики...»

В Аддис-Абебе, по традиции, известных иностранцев правителю Эфиопии представлял посол одного из государств. Профессора, имевшего рекомендательные письма из Парижа, согласился представить посол Франции. Рассказав о целях предстоящей экспедиции, гость подарил расу Тафари карту земледелия СССР и свою книгу «Центры происхождения культурных растений» на английском языке.

Протокол дипломатических приёмов не располагает к откровенным беседам, для них нужна иная обстановка. А расспросить гостя правитель хотел о многом: после событий семнадцатого года это был первый сторонник новой власти. Русские эмигранты, издававшие здесь даже свою газету, не брались в расчёт.

Вечером чиновник для особых поручений, найдя учёного в гостинице, пригласил его для личной встречи с расом во дворец.

Во второй половине девятнадцатого века с началом быстрого раздела Африки «просвещёнными» колонизаторами православная Эфиопия стремилась установить дипломатические отношения с Россией, заручиться её поддержкой. В 1896 году император Эфиопии Менелик Второй разбил наголову экспедиционный итальянский корпус, вступивший на территорию Эфиопии с севера. Европейские информационные агентства разнесли по миру ошеломляющую новость: впервые в новой истории войны «варваров» в битве при Адуа не только победили колонизаторов, но и получили немалые трофеи в виде оружия, транспорта, продовольствия.

В том же, девяносто шестом, Российский Красный Крест снарядил два отряда в Эфиопию. Состав экспедиции утверждал сам Николай Второй. Через два года с независимым африканским государством были установлены дипломатические отношения.

Тафари Макконен, неплохо владевший французским, без переводчика, с глазу на глаз, долго беседовал с гостем. Европейская пресса, особенно эмигрантская, предрекала России, под управлением «невежд», скорый крах. Появление научной экспедиции, занятой поиском селекционного материала для выведения новых сортов высокоурожайных злаков, свидетельствовало о больших переменах в пролетарском государстве.

Эфиопия и Россия находятся в схожем положении: одна страна в кольце колоний, откуда могут пожаловать экспедиционные корпуса незваных «друзей», другая в блокаде европейских государств. Не хватает хлеба и Эфиопии, и России. Ивашковские мужики от малоземелья, низких урожаев тянутся на заработки в Петербург и Москву. Не прокормиться многолетней семье на бедной пашне. В начале двадцатого века каждый третий-четвёртый год был голодным. В 1911 году великая засуха накрыла Поволжье, Башкирию, Урал. Тридцать миллионов душ оказались в беде. И в Африке, и в России на полях ручной труд: серп, коса, борона, соха...

В СССР, в недавно созданных научных институтах, как и в Госплане, готовится пятилетний план индустриализации — строительства электростанций, гигантских металлургических комбинатов, станкостроительных, машиностроительных заводов, чтобы на село, как в Европе, пришли комбайны, автомобили, трактора. Но сначала надо ликвидировать неграмотность: какой будет рабочий из вчерашнего пахаря, не понимающего назначения станка?..

Тафари слушает собеседника, профессора-сверстника, думает, сколько поколений надо вырастить, обучить, чтобы в его многоплеменной стране с первобытным укладом, где камнетёрками, вручную, растирают зёрна пшеницы и ячменя, появились свои агрономы, инженеры, доктора... Есть храбрость, воинская отвага, как в битве при Аду, есть трудолюбие крестьян, но мало средств у его бедной империи и много предрассудков, племенной розни, вражды.

— Ваше посещение для нас честь, господин профессор, — умный пытливый взгляд подтверждает слова. — Вы будете приняты как гость Эфиопии.

...Дымок от костра проникает в палатку, в соседней простуженно кашляет Кассия, в заботах о караване проходят его ночи и дни. Сомалиец-стражник, определяя время по странствию луны, истолок в деревянной ступке щепотку жареных кофейных зёрен, вскипятил в котелке воду. стакан из толстого стекла, прихваченный снизу полый шаммы, появляется в жёлтом свете лампы.

— Спасибо, друг...

Сомалиец улыбается, возвращается к костру, подвигает к огню палкой-посохом поленце акации.

У этих пшеничных зёрен, колосьев, собранных сегодня, нет запаха, как у знаменитого абиссинского кофе, да и с виду они не так уж отличаются от сородичей, собранных на полях Придонья, Кубани. Но сколько селекционеров, агрономов, опытников-крестьян были бы счастливы высыпать на ла-

донь горсть этих злаков. Не в низовьях Нила, прародине всех землепашцев, а здесь, на Эфиопском плоскогорье, обнаружилась неизвестные прежде твёрдые безостые пшеницы — потомки древних семян, выбрасывавших колосья на полях ветхозаветного Аксумского царства времён Соломона и путешествовавшей к нему царицы Савской. Египетские фараоны, иудейские цари, правители эллинов, римские цезари из века в век пребывали в заботах, как наполнить житницы. Многое изменилось в череде веков, исчезли великие и малые царства, родились новые, но избытка хлеба нет. Хлеб нужен всему миру. Даже богатые индустриальные страны, черпающие задаром из колоний сырьё, вынуждены покупать зерно. Его продают немногие государства, имеющие благоприятные условия для земледелия и промышленный сельскохозяйственный уклад. Америка, Австралия, Канада, Аргентина... Продавала его и Россия, не имея другого товара, кроме зерна, выбываемого из должника-мужика. Основная доля товарного зерна производилась в помещичьих «экономиях» с дешёвым наймом крестьян-батраков.

...Привычные три-четыре часа сна здесь, в экспедиции, сократились до двух-трёх: последний сбор надо привести в порядок, подготовиться к новому дню. Великие мужи науки Дмитрий Николаевич Прянишников, основоположник генетики Вильям Бэтсон, знаменитый Томас Морган делились не только плодами открытий, но и указывали пути, как к ним идти.

Снаружи, фыркая, забеспокоились мулы. Ночью холодает; стражник, кутаясь в шамму, присаживается к огню. В зарослях молочая затихает всхлипывающий рык леопарда.

— Анер?

Стражник молча кивает.

В чистом небе сияют Регул и Арктур. Млечный путь, пролегая через зенит, уходит на север, где низко над горизонтом крадёт Большая Медведица. В России на пашнях ещё чернота, но с каждым днём набирают молодую силу заливные луга...

Лагерь будят притихшие ночью попугаи, потом вступают в парную распевку дрозды. Путники быстро собираются, скатывают палатки, дорожный скарб прячут во вьючные мешки. Мамуш отсыпает мулам по мерке ячменя. Костёр погашен, остаётся чёрное пятно от огня; караван выбирается на тропу. Стыло, зябко, но скоро становится теплей от ходьбы. Маловодная речушка в огне рассветной зари. Вот и она позади, караван растягивается в определённом Кассией порядке.

Так бы идти и идти среди невысоких вулканов-холмов, небольших хлебных полей, от ночёвки к ночёвке, с беседами

караванщиков у огня, если выдался лёгкий путь по саванне. Но скоро вместо троп Абиссинии начнутся шоссейки Эритреи. И там расставание. Кто не был в долгом, опасном пути, не знает, как роднит дорога, общий хлеб, забота о тебе, больно, слёгшем в тифозной лихорадке... Весельчаки и однодумцы, бесшабашные и осмотрительные, ловкие и медлительные, подозрительные и доверчивые, простодушные и скрытные в конце пути становятся одним братством. Не в замках, особняках, дворцах пролегает самый короткий путь от души к душе.

Сторожевой вскрик раздаётся в вышине. Длинная цепь, не ломающая порядка, удаляется на север.

Хорошо в тёплых краях, но пора домой.

«НАШЕ ВРЕМЯ ЕЩЁ ПРИДЁТ...»

Под мартовским солнцем тает ледяная корка на отливе окна, слепит мокрая оцинкованная жель. Сквозь открытую форточку долетает мерный стук капель с верхнего этажа по жести. Вспоминается давнее — парта у окна, школьный двор под снегом, ожидание весны...

В коридоре слышен неспешный беляевский голос, с кем-то остановился Дмитрий Константинович, потом скрип двери. По важным делам директор не любит вызывать в кабинет, обычно сам приходит в лабораторию. Сегодня зашёл к Войникову.

— Послушай, Витя, — начал он, не садясь, по привычке опираясь рукой на угол стола. — В опытах с лисами кое-что проясняется. Можно подытожить. А если продолжить на стенах? Попробуем покачать геном?... Что у нас в прорыве, озимые пшеницы? Нет хороших зимостойких сортов. Вот и действуй в этом направлении, подключайся к Чекурову.

В предвоенные годы на ферме под Тобольском выпускник Ивановского сельхозинститута Беляев, последователь школы Вавилова, начинал первые опыты в звероводческом хозяйстве. Спустя годы, фронтовик, вернувшийся в науку, открыл свои старые тетради, журналы наблюдений...

Судьба генетики, биологической науки о физиологии наследственности и изменчивости, как определил её один из учителей Вавилова, Вильям Бэтсон, складывалась в СССР непросто. В двадцатые-тридцатые годы быстро сформировавшаяся школа советских генетиков становится ведущей в мировом сообществе биологов. Работы академика Н.И. Вавилова, руководителя Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцова, заведующего лабораторией генетики

Ленинградского университета Ю.А. Филипченко, заведующего отделом генетики Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур Г.Д. Карпеченко изучаются коллегам из европейских университетов, ведущих западных научных центров. Некоторые из зарубежных биологов, чтобы читать труды советских генетиков в первоисточниках, учат русский язык. В Москве открывается Институт генетики, где вместе с советскими исследователями работают иностранцы, в том числе известный американский учёный Генри Меллер, болгарин Дончо Костов... Во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур генетика становится одним из главных направлений. Н.И. Вавилов многократно избирается в руководящие органы Международных конгрессов генетиков. В 1925 году в СССР, как в один из крупнейших мировых научных центров, по случаю 200-летия Российской академии наук, приезжают на юбилейные торжества учёные из разных стран во главе со знаменитым Вильямом Бэтсоном.

Событием на Пятом всемирном генетическом конгрессе, открывшимся 12 сентября 1927 года в Берлинском университете стал доклад Вавилова о центрах происхождения культурных растений. (Н.И. Вавилов прибыл в Берлин из длительной экспедиции: Сирия, Палестина, Трансиордания, Алжир, Марокко, Тунис, Абиссиния...). Молодая наука о законах наследования и изменчивости быстро мужает. На первый съезд в Лондоне в 1898 году приехали несколько десятков учёных; спустя восемнадцать лет конгресс генетиков собрал 800 делегатов из 34 стран. Председателем общего торжественного собрания был избран русский академик С.Г. Навашин.

Спустя два года после Берлинского конгресса, в заснеженном Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству, животноводству. Вместе с Николаем Ивановичем Вавиловым на съезде выступили с докладами представители школы советских генетиков, известные агрономы, экономисты, селекционеры. О значении науки в преобразованиях на селе говорил руководитель Ленинграда С.М. Киров. Среди зарубежных гостей — известные генетики, селекционеры, в том числе профессор Берлинского университета Эрвин Баур.

1929 год вошёл в историю советской науки также как год создания Сельскохозяйственной академии, ВАСХНИЛ, где головным учреждением стал Институт прикладной ботаники и новых культур, будущий ВИР. Вопрос о создании Сельскохозяйственной академии рассматривался дважды на за-

седаниях Политбюро, и 25 июля 1929 года публикуется Постановление СНК СССР «Об образовании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук». Постановление стало итогом одиннадцатилетнего формирования сельскохозяйственной науки молодого государства. Требовались немалые вложения, объединение научных сил, разработка стратегии аграрной политики. Ещё в апреле-мае 1918 года Наркомпрос, ведавший тогда всеми научными учреждениями России, включая и бывшую Императорскую академию, вместе с Наркомземом передали на утверждение СНК проект организации Института сельскохозяйственной науки; 21 мая того же года Совнарком РСФСР признал необходимым создание первого в России сельскохозяйственного научного института. Гражданская война, бедственное положение экономики отодвинули открытие учреждения на годы... После Постановления ВЦИК в августе 1924 года о создании ВАСХНИЛ к 1929 году открывается десять институтов, в их числе институт экономики, институт механизации сельского хозяйства, институт борьбы с засухой, институт мелиорации, институт животноводства... В последующие два года создаются институты микробиологии, лубяных культур, льна, молочного хозяйства, лесокультур, пчеловодства, садоводства, виноградарства, сельхозавиации.

На первом пленуме новой академии 19 мая 1930 года принимается решение о создании 16 общих институтов, 36 специализированных и 217 зональных станций. По формированию мощной научной базы сельскохозяйственного сектора экономики СССР оставил далеко позади многие европейские государства. «Организуя большое количество отраслевых институтов, мы усиливаем теоретическую работу. Практика сильна теорией», — утверждал первый президент сельскохозяйственной академии Н.И. Вавилов. Опыт мирового земледелия, логика развития мировой экономики указывали, что будущее за крупными специализированными, механизированными хозяйствами, использующими новейшие достижения науки. «От десятков миллионов разрозненных хозяйств, трудно поддающихся агрономическому воздействию... построенных на тысячелетней рутине, на средневековом инвентаре, мы переходим... к укрупнённому коллективному хозяйству, построенному на данных науки».

Вавиловские слова звучали на первом пленуме Академии весной тридцатого года, когда на российских полях после сохи, деревянной бороны только входили в обиход плуги, культиваторы, сеялки... Тягловой силой всё ещё была лошадь, смотреть на первые трактора сбегались и стар, и мал. (На

полях механизированной Америки, Европы ручной труд занимал одну десятую часть.) Весной тридцатого года тысячи машин тракторных гигантов — Сталинградского, Харьковского, Челябинского — повели первую борозду...

Советский Союз становился промышленной державой с крупными индустриальными центрами. Несмотря на перемену всего уклада жизни, испытывая немалые трудности, но не влезая в иностранные долги, экономика страны крепла. Росло и население — к рубежу сороковых «прибавка» составила более тридцати миллионов. (Война нанесла тяжелейший удар, и только к 1955 году восстановилась довоенная численность населения.)

Для большого хлеба нужны были не только машины, современные технологии, но и новые высокоурожайные сорта для разных земледельческих районов. Над проблемой обеспечения страны зерном, где большая часть территории находится в зоне рискованного земледелия, работали и молодые учёные, и старшее поколение. Виктор Евграфович Писарев, окончивший «Петровку» на два года раньше Вавилова, приступил к созданию скороспелых сортов пшеницы и овса в условиях Сибири. Его Опытное поле в Тулуне стало образцовым хозяйством, примером для крестьян и по урожайности, и по новым приёмам агротехники. (Свои наблюдения, результаты селекционной работы Писарев изложил в журнале «Иркутский хозяин» в 1914 году в статье «К развитию опытного дела в Иркутской губернии».)

В 1921 году, используя тулунский опыт, Писарев по рекомендации Вавилова занимается организацией Центральной генетической и селекционной опытной станции в Детском Селе; в том же году он отправляется в Монголию для изучения культурных растений Восточной Сибири. Для учёного важно знать родину главных хлебных злаков, пути их продвижения, расселения. Тулунский опыт, большой научный багаж, поездки в страны Скандинавии для изучения передовых методов полеводства стали основой выведения новых сортов для Нечерноземной зоны, где с тридцатых годов в Подмоскowie, в Немчиновке, Писарев ведёт селекционную работу. В государственное сортоиспытание им передаётся высокоурожайная яровая мягкая пшеница Московка. (После войны Московкой будут засеяны поля девяти областей Нечерноземья, её автор станет лауреатом Государственной премии.)

Своим путём к росту хлебного богатства страны шёл Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Окончив в середине двадцатых Кубанский сельхозинститут, пройдя в Институте при-

кладной ботаники и новых культур школу Н.И. Вавилова, В.В. Таланова, на опытных полях Кубано-Черноморского НИИ Лукьяненко закладывал свои первые делянки. Для свершения задуманного нужны были глубокие знания химии, физиологии растений, генетики. Годы подвижнического труда. И только в середине пятидесятых появилось главное детище Лукьяненко — Безостая-1, открывшая эпоху не только советской, но и мировой селекции. Знаменитая пшеница высевалась в 48 зерновых районах страны, в Турции, Иране, Афганистане, в странах Восточной Европы, занимая площадь более 10 млн. гектаров. Урожай пшеницы поднялся в полтора—два раза. Тридцать миллионов гектаров по всему миру засеяли Безостой-1. В середине семидесятых 40 процентов посевных площадей нашей страны, отведённых под озимые, занимали сорта, выведенные академиком Лукьяненко.

Не менее известна в мире пшеница Мироновка-808, детище Василия Николаевича Ремесло. Уроженец Полтавской губернии, освоив грамоту в начальной школе уже при советской власти, окончив сельскохозяйственную профессиональную школу и затем Масловский институт селекции и семеноводства, Ремесло накапливал опыт агронома-селекционера в разных районах страны — на Украине, в Дагестане, Поволжье... В те годы селекционные станции входили в структуру ВИРа, директором которого был Н.И. Вавилов. Исследования молодого агронома стали прологом к созданию собственного метода селекции пшеницы. Этот метод и совершенствовался на полях Северо-Донецкой Опытной станции в конце тридцатых. Три года фронтовых дорог, и снова делянки Северо-Донецкой, а затем Мироновской селекционной станции. Опытное поле в Мироновке, основанное немного позже Тулунского, получило известность среди земледельцев после выведения озимой пшеницы Украинка, ставшей одним из мировых стандартов качества зерна. Новый сорт должен был превзойти Украинку, но для этого требовался другой подход, новый взгляд на приёмы, традиции селекции.

Успех в генетике и селекции зависит не только от точности лабораторных опытов, расчётов, оригинальности метода, но и от упорного, каждодневного труда на земле. С весны до осени жизнь селекционера проходит в поле — шаг за шагом, от ростка к ростку, от колоса к колосу, давая положенную научную оценку, не торопясь перейти к другому растению... За свой век Василий Николаевич создал около сорока сортов различных зерновых. Мироновка-808 имела не только высокую урожайность, но и такое важное качество, как приспособляемость к местным условиям. Путь к успеху в любом

деле, как известно, тернист. Виктор Кириллович Войников с группой учёных был в Мироновке в год затяжной весны. Снега держались, не сходили, набирались водой ложбины на опытном поле, посевы вымокали. Городской житель не знает настоящей цены хлеба, ему неведомо горе земледельца от погибших озимых или прибитых ливнями колосьев... Удел сельского труженика в одиночестве встречать беду, не жаловаться на морозы, суховеи, а с надеждой встречать в поле новый день.

В те годы, когда Войников постигал основы генетики, после четверти века изгнания из университетов, институтов, «буржуазная служанка» снова становилась научной дисциплиной. Колыбелью российской генетики принято считать Ленинград и Москву, где находились первые исследовательские центры. Новым домом «изгнанницы» стал Новосибирск. Во многом возвращению генетики содействовали наши успехи в космосе. Физики-ядерщики хотели больше знать о воздействии радиации на живую клетку, иметь информацию о законах наследственности. Лысенковцам, обещавшим скачкообразно поднять сельское хозяйство без «химерной» генетики, было трудно противостоять авторитету академиков М.В. Келдыша, М.А. Лаврентьева, П.Л. Капицы, Ю.Б. Харитона, других известных учёных, направивших в ЦК партии «Письмо трёхсот».

Академику Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву, руководившему созданием Сибирского отделения АН СССР, удалось включить в первую десятку строящихся в Новосибирске объектов Институт цитологии и генетики, прикрыв «химеру» научным термином о строении клетки. Настоял академик так же на том, чтобы директором нового учреждения был назначен Николай Петрович Дубинин, работавший в вавилонские времена сотрудником одной из главных генетических лабораторий. Дубинин разыскивал и собирал в Новосибирск со всей страны опальных учёных, тех, кто вскоре приступит к возрождению некогда знаменитой отечественной школы. Среди «возвращенцев» была и Вера Владимировна Хвостова. Докторскую степень Вере Владимировне присвоили без защиты, учитывая её огромный вклад в биологическую науку. От неё аспирант Войников наследовал ценнейшее качество учёного — умение мыслить, анализировать, обобщать.

Гонители «лженауки» отступали, нападая. После приезда Н.С. Хрущёва в Сибирский наукоград, последовали «выводы». Николая Петровича Дубинина сместили, но он настоял, чтобы руководителем ещё неокрепшего института стал его заместитель, Дмитрий Константинович Беляев. Дирек-

тор знал, что бывший фронтовик-разведчик, от рядового пулемётчика дослуживший до майора, не отступит перед противником ни на пядь, помня вавилонский завет: «Нам дорога истина».

В своих научных поисках Беляев изучал роль стресса в приспособляемости организмов при необычных условиях. Зарождалась теория дестабилизирующего отбора, когда организм, попав в угрожающую среду, напрягает все силы. По Дарвину, как известно, вокруг оптимального качества группируются все члены сообщества. А что происходит при стрессах, как распределяется ресурс? Из опытов следовало, что в обычных условиях работают не все гены, в лучшем случае половина. Другая дремлет, молчит. Когда на организм обрушивается стресс, спящие гены пробуждаются, расширяя возможности популяции, увеличивая разнообразие того, что скрыто при обычной селекции.

На опытах, поставленных ещё до войны, на звероферме, где содержались лисы, норки, песцы предположения Беляева подтвердились. У зверей стал меняться генотип, они, как собаки, пошли на сближение с человеком. Спустя три десятилетия, Беляев с Чекуровым приступили к опытам на растениях. Виктор Михайлович Чекуров остановился на озимой пшенице, и, воздействуя на клетку гормонами, создавая экстремальный фон, «покачал» гены... Имя Чекурова навсегда останется в ряду имён создателей новых сортов сибирских озимых пшениц.

Подошёл срок переносить опыты из лаборатории на поля, и когда Войников получил назначение в Иркутск, появился замысел основать в Прибайкалье стационар, заложить в Восточной Сибири своё опытное поле. Виктор Михайлович, щедрая душа, передал последователю десять тысяч номеров из своей пшеничной коллекции. Они стали исходным материалом при создании двух новых сортов — Заларинки и Иркутской озимой. Оба сорта, без удобрений, дали в суровых условиях Прибайкалья по 36 центнеров. За такие урожаи раньше давали ордена. Опыты в биологии, как и в других отраслях науки, длятся годами. Успехи перемежаются с неудачами, переделками, поисками новых путей. Снова подготовка почвы, посев, обработка, наблюдение, отбор лучшего зерна на семена... Только с горохом для подтверждения некоторых выводов о природе наследственности монах Грегор-Иоганн Мендель проделал около восьми тысяч опытов. Современники не оценили значимости открытий монаха-августинца. «Наше время ещё придёт...», — говорил отец Грегор, оглядывая своё зелёное богатство в монас-

тырском дворике на небольшом клочке земли в старинном городе Брно.

После взлёта советской генетики в двадцатые—тридцатые годы, разгрома в сороковые, медленного восстановления позиций во второй половине двадцатого столетия, науку о наследственности ждали новые испытания — теперь уже в современной капиталистической России.

В СЫРЬЕВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Сибирский тракт, путь к океану, пролегающий вблизи деревушек Бажир и Тунгуй, не знает покоя ни ночью, ни на заре, ни в февральские морозы, ни в шквальные июльские ливни. В советские времена, до горбачёвской и ельцинской «деиндустриализации» и «деколлективизации», сибирский тракт был питательной артерией многих посёлков, городков, деревень с сельскохозяйственным, промышленным производством. Теперь не видно самосвалов, грузовиков — летят, как в старину фельдьегерские тройки, чёрные иномарки, гудят многоосные рефрижераторы, фуры, перебрасывающие от китайской границы в Россию яблоки, чеснок, пластмассовую штамповку, трикотаж, навесные и врезные замки и много-много всего, что раньше выращивали и производили сами; из центральных районов страны в Забайкалье, якутские «севера» везут продовольствие, технику, пиво-водочное изобилие...

За эти годы Войниковым, Дорофеевым, другими сотрудниками института немало езжено по сибирскому тракту в Тунгуй, на свой стационар. Восточная Сибирь пока не обеспечивает себя хлебом — не хватает качественного товарного зерна, пригодного для хлебопечения. Весенняя засуха, летние дожди снижают урожайность, качество яровых пшениц. Непогода часто выпадает на время налива, созревания хлебов. Озимые созревают раньше, их уборку можно начинать в середине августа, до осенних дождей. Но пока ещё нет надёжных морозостойких сортов, способных после осенней заделки с хорошо развитой корневой системой уйти в полугодовую зиму с большим запасом «прочности». Для повышения морозостойкости озимой пшеницы генетикам надо знать, что происходит в растениях при низких температурах, изучить сложнейшие процессы, возникающие при холодовых стрессах, выявить пути и способы приспособления клетки к новым условиям. Всё живое борется за жизнь.

Селекция, древняя наука, ведётся в разных направлениях: на урожайность, устойчивость к морозам, засухам, болезням.

Растения тоже болеют, выздоравливают или погибают. В Восточной Сибири издавна отдавали предпочтение не пшенице, а ржи как более неприхотливой, лучше приспособленной к местным условиям. Урожайность озимых пшениц в полтора—два раза выше яровых и введение их в севооборот даже на четверти посевных площадей обеспечили бы Иркутскую область на две трети высококачественным хлебным зерном. И первые переселенцы, и их потомки пытались выращивать озимые, используя завезённые издалёка сорта. В суровых условиях Сибири их опыты заканчивались неурожаем.

При закладке Опытного поля-стационара при Сибирском институте физиологии и биохимии растений Войников, в то время заместитель директора по научной работе, и руководитель учреждения Рюрик Константинович Саяев побывали в разных районах Иркутской области. Искали участок с мощным, как говорят учёные, провокационным фоном, с небольшим покровом снега. Если будущие новые сорта выживут в таких жёстких условиях, то они смогут расти и в более благоприятных.

Научное поприще — путь нелёгкий. Вавиловское поколение учёных-генетиков проходило свою «осеннюю» закалку в годы Гражданской войны, разрухи двадцатых, гонений на «менделистов-морганистов». Поколению Вавилова такой закалкой стали девяностые годы минувшего века. За годы советской власти народ привык верить слову руководителей. А «всенародноизбранный» обещал: «Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6—8 месяцах». Кто же знал, что начинается эпоха Великого разграбления. «Мыльные» кооперативы, уничтожение предприятий и коллективных хозяйств на селе, натуральный обмен-бартер, более чем двухтысячный рост цен... Зарплату не выдавали по полгода на шахтах, фабриках, про науку забыли тем более.

Вспомнили о ней, когда после разгрома экономики началось «реформирование» медицины и образования. В 2013 году, в начале лета, перед разездом депутатов Госдумы в регионы, на срочном правительственном совещании премьер поддержал проект министра образования и науки о реорганизации Российской академии. В подготовленном законе вместо академии намечался некий Клуб академиков, как в «умной» Европе. Лето — пора отпусков, до осени всё можно гладко, без шума узаконить. Готовилось, прежде всего, уничтожение сильнейших в мире российских научных школ, всей фундаментальной науки. (В Китае при огромных вложениях в научные исследования, при современном техническом обеспечении результаты скромные — нет научных школ, которые

не возникают вслед за постановлениями и указами.) В ответ на попытки правительства протащить законы, подготовленные при участии всё тех же западных наставников, в десятках крупнейших российских городов, исследовательских центрах Москвы, Петербурга, Новосибирска учёные вышли на пикеты, демонстрации, митинги протеста. Встречаясь с президентом страны, руководители ведущих направлений науки объясняли последствия такого «реформирования».

Чиновники оставили за Академией право руководить научной частью, но поставили над ней некое агентство, распорядитель имущества и финансов. Все важные документы институтов, связанные с исследованиями математиков, физиков, биологов стали визировать начальники, имеющие дипломы юристов, или «эффективные менеджеры» вроде министра обороны с образованием мебельщика.

В сырьевом государстве, как в банановых республиках-карликах, наука может рассчитывать на небольшие заказы-задания по конкретным темам на базе грантов. Институты органического синтеза, высокомолекулярных соединений, геохимии и аналитической химии, биологической обратной связи... Сколько их расплодилось, чем занимаются, будет ли когда отдача, а пока для бюджета они — обуза. Министр-погромщик этой самой «обрнауки» публично заявил, что России нужны не творцы, а «грамотные потребители». При разбухании канцелярского сословия, для подтверждения своей деятельности, волна за волной накатывали проверки. Каждая комиссия — вал бумаг: отчёты, сверки, докладные записки, протоколы. Не будут же проверяющие юристы углубляться в дебри математических расчётов, рассматривать клеточную мембрану в электронный микроскоп...

Модернизация промышленности, сельского хозяйства, всей экономики невозможна без глубоких фундаментальных исследований. В своё время президент Обама направил на модернизацию американской экономики 400 миллиардов долларов — сумму, превышающую весь российский бюджет, и большая её часть отводилась научным разработкам. В начале «нулевых» и в нашей экономике планировался значительный прирост высокотехнологичных рабочих мест. Но при таком подходе к науке, «оптимизированном» её финансировании, отсчёт пошёл в обратную сторону — минус миллион рабочих мест в год.

В отделе устойчивости растений к стрессам профессор Виктор Кириллович Войников руководит лабораторией физиологической генетики. Ведётся изучение генетических и физиологических основ устойчивости растений к «неблаго-

приятным факторам среды». Без понимания фундаментальных биологических процессов, происходящих при стрессах в клетках, невозможно ответить на многие вопросы физиологов, селекционеров. В биологии развивается новое направление — изучение стрессовых белков.

Вместе с теоретическими исследованиями в институте ведётся и практическая селекционная работа. На создание сорта в среднем уходит пятнадцать-семнадцать лет. Труд для терпеливых, настойчивых. Из собранного на тунгуйских опытных делянках урожая начинается отбор типичных растений. После выбраковки слабых, непригодных, выбираются образцы, которые пойдут дальше в жизнь. Из них закладываются питомники первого года. Урожай с полей питомника снова проходит отбор: бракуются все семена с отклонениями от сорта, остаются только лучшие. Из этих пакетов весной и будут засеяны делянки.

Только через два года лучшие семена с опытных делянок объединят — начнётся этап размножения. На гектар полагается 250 килограммов семян. От колоса к колосу, от зерна к зерну набираются эти килограммы. Летом на засеянном поле ведётся санитарная сортовая прочистка. Труд ручной — нет такой «умной» техники, способной удалять с поля больные или, как здесь говорят, негативные растения. За день много не сделаешь. Даже опытные сотрудники на третьем-четвертом часу теряют зоркость, глаз начинает «замыливаться». Новый сорт ждут питомники второго, третьего года размножения. Посев суперэлиты, элиты на больших площадях... Это зерно и передают, наконец, в хозяйства.

Сколько может стоить зерно с таким вложением труда? Авторы сорта вправе рассчитывать на вознаграждение за свой труд, но хозяйства не в лучшем положении, чем учёные. В сырьевом нефтегазовом государстве никому нет дела ни до крестьян, ни до науки.

Заларинка и Иркутская озимая, выведенные на тунгуйской земле Войниковым, Дорофеевым и их помощниками, пшеницы особенные. Сорок процентов клейковины — показатель рекордный. На Кубани лучшие сорта имеют двадцать семь процентов клейковины, это уже экспортный третий класс. Муку из заларинских пшениц можно добавлять к слабым сортам для повышения качества хлеба, улучшения его вкуса. Во всём мире, в погоне за сверхурожаем, падает качество зерна, хлеб теряет не только вкус, но и силу, становясь чем-то вроде «колбасы» из сои, крахмала, других наполнителей. Следовало бы вспомнить, что первый национальный стандарт СССР, принятый в рабоче-крестьянском государ-

стве в 1926 году относился к хлебу. Стандарт был утверждён СНК и назывался: «Пшеница. Селекционные сорта зерна». Спустя восемьдесят лет в «новой» капиталистической России продовольственные ГОСТы ликвидированы.

Низкая культура земледелия часто сводит на нет колоссальный труд генетиков, селекционеров. Перед посевом озимых вспаханную почву надо укатывать, уплотнять, чтобы со временем узел кущения не оказался оголённым. Нельзя передвигать сроки посевов, установленные учёными после многолетних опытов.

К жёстким требованиям агротехники, к нововведениям, как и во времена Вавилова, Писарева, Прянишникова, сельчане и теперь относятся скептически. На совещаниях руководителей хозяйств, куда, бывает, приглашают учёных, Войникову не раз приходилось слышать: «Слабые, Виктор Кириллович, ваши сорта...» «А вы всё делаете, как положено? Не нарушаете технологию? Когда высевали?»

Не только руководителям, иным агрономам при поездке в хозяйства приходится объяснять, что это поле не годится для пшеницы и ржи.

— А мы тут всегда сеяли.

— И что получали?

— Да по-разному. Но в основном маловато...

Между тем, только двойное прикатывание почвы до и после посева даёт прибавку до десяти центнеров с гектара.

В нынешних условиях, когда село брошено, сотрудники института сами пакуют в посылки семена выведенных сортов и рассылают в хозяйства разных регионов. Иркутская озимая, Заларинка постепенно закрепляются на полях, где раньше сеяли только яровые. В Тюменской области озимыми сортами иркутян засевают тысячи гектаров.

Исследования ведутся весь год. Надо знать, какие изменения происходят в корневой системе, стеблях в начале зимовки, при январских, февральских морозах и ближе к весне. Образцы почвы с зимующими растениями, монолиты, в лабораторных условиях проходят цикл исследований. Не раз Николай Владимирович Дорофеев сходил под вечер в Заларях с иркутской электрички, через зимнее заснеженное поле спешил в Тунгуй. Холодное, выстуженное помещение не натопить. Пока совсем не стемнело, с топором и лопатой сразу отправлялся на делянку. Вырубленные прямоугольники мёрзлой земли с осенним посевом заворачивал в мешковину. Банка тушёнки на ужин и чай. Под одеялом не согреться, укладывался в куртке и шапке на матрас, второй ватный матрас на себя. Рано утром, затемно, через те же поля, скорым шагом к платформе, чтобы не пропустить электричку...

Наука во все времена не роскошествовала, держалась на подвижниках и каждый из них в своё время проходил «осеннюю закалку». Виктор Евграфович Писарев — на опытных участках Иркутской губернии, в Тулуне, Баяндае, Николай Иванович Вавилов — в засушливых степях Поволжья, а потом в зимнем голодном Петрограде, возглавив Бюро по прикладной ботанике и селекции после трагической гибели от тифа Роберта Эдуардовича Регеля... Декреты новой власти не «оптимизировали» тогда науку, а наделяли её государственными полномочиями. Всего лишь через восемь лет после торжественного заседания в Кремле по поводу открытия головного Института в СССР действовали 114 научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля, 229 зональных станций — от мурманской тундры до азербайджанских Мардакян, воспетых поэтом Есениным...

В двадцать первом веке, в результате правления «камикадзе»-миллиардеров, вавиловское детище, ВИР, обладатель мирового фонда культурных растений, оценённый Международным банком в восемь триллионов долларов, что равнозначно годовому ВВП всех стран Евросоюза, имеет ныне... девять опытных станций. Их материальное обеспечение соответствует «оптимизированному» бюджету учреждения. На тунгуйских делянках СИФИБРа пока ещё не вскапывают землю вручную, как было на Опытных участках после Гражданской войны. Обходятся всё той же селекционной малой техникой, вывезенной тридцать лет назад из Адлера. Чинят, перебирают, подваривают. Собрали из двух тракторов один... Зарплату, не больше ставки автобусного кондуктора, учёным пока платят, спасибо и на том. Были времена, когда часть урожая с Опытного поля везли на мельницу, чтобы поддерживать мукой особо бедствующих. Свою нужду русский человек переможет, но как быть с отсутствием современных приборов, реактивов, без которых исследователю не обойтись. В СССР было развито точное приборостроение; благодаря кооперации, из ГДР поступала знаменитая цейсовская оптика, ценные наработки имели венгерские специалисты — каждая страна соцлагеря совершенствовала своё направление.

Разгром советской экономики, системное банкротство целых высокотехнологичных отраслей не могли не обрушить фундаментальную науку. Десятки тысяч высококлассных учёных оказались ненужными в сырьевом государстве. В биологических лабораториях университетов Англии, Америки более трети сотрудников — русские. Зарплата не ахти, но финансируются исследования щедро, над программами не висит топор «оптимизации».

В российском законодательстве нет понятия «коллекция генов, семян и живых растений», как нет и самого закона о генетических ресурсах растений. Если бы не протесты учёных, общественности, возмущение всего мирового научного сообщества, на коллекционных плантациях Павловской станции ВИРа под Петербургом однажды появились бы бульдозеры строительной компании Бравермана. Многие страны, в том числе Франция, США, Индия, Египет, учитывая стремительное истощение ископаемого топлива на планете, в национальных программах исследований первое место отдают не ядерной энергетике, а именно проблеме сохранения и пополнения генетических ресурсов растений. Каждые сутки на Земле рождается четверть миллиона младенцев и, как считает экс-директор ВИРа академик В.А. Драгавцев, чтобы через двадцать лет обеспечить питанием население планеты, «необходимо повысить урожайность всех культурных растений минимум в два раза... К сожалению, сегодня одна из наиболее великих мировых коллекций генов растений (Вавилонская) находится под угрозой серьёзного разрушения и потери ценнейших образцов».

...Во дворе стационара, вблизи ворот, встречают и провожают студентов, сотрудников университетов и институтов высокие сосны. Николай Владимирович Дорофеев приехал в Тунгуй к Войникову ещё студентом, в начале девяностых; вместе с другом отметили первый шаг в науке посадкой маленьких сосенок. Теперь уже студенты, ученики Дорофеева, приезжают сюда проверять на практике свои опыты.

Дорофеевские саженцы стали возмужавшими соснами, вершины их озирают тунгуйскую землю, перелески, делянки с посевами пшеницы, ржи, которым предстоит сменить на российских полях сорта, отслужившие свой срок.

СПЯЩИЕ ГЕНЫ

Ночи августа в лесостепях Прибайкалья такие же светлые, звёздные, как в излучине Дона или на равнинах Заволжья, покрытых седыми стеблями чабреца и полыни. Здесь, на взгорке, где прижилась деревенька Тунгуй, по-особому чувствуешь завершение летних сроков дозревающих колосьев на окрестных полях.

— Скоро начнёте?

Виктор Кириллович возвращается из своих дум.

— Недели через две... Готовим технику.

После дневного хождения по солнцепёку с фотоаппаратом и блокнотом по хлебным полям, хорошо постоять перед

сном возле сосен в приливах-отливах ночного холодка... Не в такую ли ночь обоз кержаков-переселенцев остановился для отдыха и выпаса лошадей, чтобы утром снова тронуться в путь? Укрываясь от притеснений за веру, кержаки-староверы подались за Камень, как в давние времена называли Урал. В Тобольске не задержались, подались в верховье Иртыша, к озеру Зайсан. Осели, завели хозяйство со стадом коров, табунком лошадей. Беда ударила из степи: угнали лошадей степняки-уйгуры. Снова — в путь. Основательно закрепились на реке Зырянке. Здесь и срубил большой дом Войников Алексей, здесь подрастали дети, всё сыновья, восемь душ. Надёжная подмога ожидалась в хозяйстве. Только надвигались другие времена...

Чем неугоден был хозяйственный крестьянин тем, троим, в кожаных куртках, кто пустил слух или сочинил навет... А спас ребятшек, после того, как сбежала из осиротевшей избы перепуганная мачеха, молчаливый пожилой китаец. Развёз на бричке по глухим займам войниковских птенцов; знать, сеял при жизни кержак Войников добрые семена... Сыновья его все поднялись, окрепли, выполнили долг, когда началась Великая война. Путь одного из них, Кирилла, начался в тридцать девятом на Халхин-Голе и закончился в Вене, в сорок шестом... Гвардейскую часть реактивных миномётов, тех самых «Катюш», перебрасывали с одного ударного направления на другое. Курская дуга, Днепр, Закарпатье, Будапешт, Берлин. Из Вены в сорок шестом получала открытки учительница начальных классов сельской школы в семипалатинской степи. Стремилась домой и офицеры, и солдаты-победители, но кто-то должен был ещё год-два оставаться на чужбине, пока не устроится в Европе мирная жизнь.

Виктор Кириллович, как и Войников-старший, побывал в дальних краях. Со времён Ломоносова молодых учёных посылали на стажировку в Англию, Германию, Францию. Вавилов тоже посетил многие европейские страны, где генетика стала неотъемлемой частью современной биологической науки. Побывал Виктор Кириллович на стажировке и в шотландском Эдинбурге — здесь, в старейшем европейском университете проходил последний довоенный конгресс генетиков... Невысокие, в два-три этажа здания, сложенные из камня, кирпича, обязательные лужайки-газоны в двориках, улица Кокберн, ведущая к набережной. Тёплые ветры с залива Атлантики гонят невысокие волны в отблесках тусклого северного неба. Неуютно здесь в вечерний час, всё сильнее грусть по дому. Уезжал Войников в Эдинбург в самое тяжёлое время. Кое-кто из коллег-стажёров, получив пригла-

шение, оставался в зарубежных университетах, теперь это не возбранялось... Спящие гены от кержаков-староверов, из поколения в поколение добывавших свой хлеб на отчих полях, давали о себе знать. Надо иметь другие гены, чтобы так, по расчёту, обрубить корни, переверстать жизнь.

Со времён закладки первых опытных полей в конце девятнадцатого — начале двадцатого века в Полтаве, Подмоскowie, Тулуне, Безенчуке под Самарой, на тунгуйских полях всё идёт своим чередом: отбор, сортировка семян, наблюдения за посевами от всходов до обмолота...

Учёных, занятых некогда поисками мировых центров происхождения культурных растений, диких предков наших кормильцев-злаков, время увело с караванных троп Афганистана, Памира, каньонов Эфиопского плоскогорья в камеры фитотронов, кабинеты лабораторий, к электронным микроскопам, компьютерам, сложнейшим математическим расчётам. Кто определит степень трудностей, подстерегающих учёного-путешественника на опасных речных переправах, горных тропах и риск нынешнего исследователя, годами поднимающегося к своему «перевалу», бывает, не преодоленному из-за одной неприметной ошибки?.. Только спустя полвека после выявления в шестидесятые годы минувшего века антифризных белков у антарктических рыб — одного из элементов защиты от холодового шока — подобные системы были открыты у растений. Начались исследования: как озимые злаки, имея многие защитные механизмы, борются с образованием губительных кристаллов льда внутри клетки. Следующая ступень — изучение стрессовых разобщающих белков, участвующих в предзимней закалке, подготовке растений к неизбежным испытаниям. Теоретические труды, лабораторные опыты имеют прямое отношение к практике. Н.И. Вавилов, выступая в январе 1927 года в Ленинграде на открытии Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству, утверждал: «Применение генетики к жизни составляет ныне основу улучшения сортов возделываемых растений и пород домашних животных».

Не учёные степени и высокие звания ведут по жизни подвижников биологической науки. Труд их — для человека, его жизни, пропитания, и люди знают цену этому труду. В двадцатые годы, посещая крупнейших европейских учёных-биологов, Вавилов побывал в дальней голландской деревушке Люнтерен у знаменитого Гуго де Фриза. Многие годы здесь велись опыты учёного, здесь было и завершение его пути. Расставаясь с соотечественником, староста деревни в прощальном слове на кладбище сказал: «...Трудно и невозможно

в нескольких словах выразить всю любовь, которую вы возбуждали в нас. Мы бесконечно потеряли от того, что не увидим больше вашей могучей фигуры на наших маленьких деревенских улицах, мы больше не будем чувствовать простого трогательного внимания к старому и молодому, которым вы всегда дарили нас. Вы, гениальный учёный с огромной мировой славой, захотели на всю жизнь остаться среди нас, простых людей, мы будем хранить вас в наших сердцах, и мы бесконечно признательны вам».

...Время к полночи. Где-то там, на трассе, в стороне засыпающего райцентра Залари, возникает гул рефрижератора-тягача и медленно затихает. Всё ярче проступает в вышине в неразлучном треугольнике Денеп, Альтаир и ослепительно-белая Венера из созвездия Лиры. Не к ним ли там, на Эфиопском нагорье, был обращен взгляд русского путешественника возле одинокого костра с молчаливым караванщиком-амхарцем в накидке-шамме, неторопливо выбирающим с ладони зернышки жареного ячменя?..

Клин Млечного пути, понижаясь к лесу, стекает мерцающей рекой. Полуночное небо открывает то, что навсегда останется запечатлённым в душе и странствующих кержаков-переселенцев, и путников маленького каравана в ущельях Памира, и обитателей палаточного бивуака в верховьях Нила.

Сова, незаметная в куцах сосны, выждав свой срок, бесшумно снимается в путь.

Виктор Кириллович направляется в балок.

— Будет холодно — в шкафу одеяла...

В полночь, выше звёздного треугольника, почти в зените, блистает созвездие Кассиопеи. Голубой свет плещется среди строений деревеньки, заливает посевы пшеницы и ржи. И, может быть, кто-то из тех тулунских ребят, наших недавних спутников, не спит в этот час, странствует в звёздном океане — в самом начале своего, предназначенного каждому, пути.

Иркутск — Залари — Тунгуй — Санкт-Петербург

От редакции. Как сообщает РИА Катюша, уникальная коллекция семян, которую в 1904 году начал собирать известный ученый-генетик, ботаник, селекционер Н.И. Вавилов, оказалась под угрозой исчезновения. Семенной фонд сельскохозяйственных растений, залог продовольственной безопасности России, под видом обмена на другие семена вывозится за границу — в генный банк на Шпицбергене, построенный на деньги Ротшильдов и Рокфеллеров. (Подробнее — в следующем номере «МГ».)

ВЕНГРИЯ УГОВАРИВАЕТ МОСКВУ

Более двух лет назад я писал о недостаточно адекватной (чрезмерно мягкой) позиции России по языковому вопросу на Украине. Принятый и подписанный тогда Порошенко закон «Об образовании» предусматривает, что с 2020 года система образования станет полностью украиноязычной, что приведёт к исчезновению русскоязычных школ и классов, а также школ для иных национальностей. С президентством Зеленского, как известно, ситуация на Украине в этом вопросе не изменилась.

Позиция Москвы, как отмечалось два года назад, тем более выглядит беззубой по сравнению с однозначными заявлениями и действиями Венгрии и Румынии по пресечению действия этого закона. Это при том, что численность венгров и румын на Украине несопоставимо мала с численностью русских. По данным ТАСС двухлетней давности (даже по специфике подсчета, принятой на сегодняшней Украине), в «незалежной» проживает примерно 400 тысяч детей школьного возраста из национальных меньшинств. 355 тысяч - это русские ученики. По 16 тысяч школьников относятся к компактно прожи-



ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

вающим венгерской и румынской общинам, около 2,5 тысяч школьников обучались на молдавском языке, примерно 2 тысячи — на польском. Но, как мы понимаем, из около 4 миллионов украинских школьников потенциально более 90 процентов являются русскими, ибо это русские дети, которым посредством запрета изучения русского языка вдалбливают, что они — «украинцы», потомки «великих укров». И речь не только об изучении русского языка в школе, а о тотальном ущемлении прав русских на Украине, началом чему является запрет русского языка.

В Будапеште тогда состоялась акция против ущемления прав венгров, русинов и других национальностей на Украине, а вот официальная Россия, по неподдающимся пониманию причинам, этого не заметила, демонстрируя полную апатию, не проявив элементарной солидарности с властями Венгрии. В то время как именно Москва должна вести за собой остальные государства, показывая пример в борьбе за справедливость и здравый смысл. Но Венгрия еще более двух лет назад демонстрировала пример для России, а официальная Россия и в этом случае — безразличие, безучастие и вялость, не сподобясь на должном уровне даже поддержать венгров в этом вопросе!

И вот уже в наше время Венгрия просит (!) Россию помочь в защите прав нацменьшинств на Украине. Парламент Венгрии обратился в Госдуму с просьбой объединить усилия для защиты прав языковых нацменьшинств на Украине. Дожили, что по основополагающему вопросу существования русской цивилизации Россию «просят» предпринять усилия!

Хорошо, конечно, что на эту тему отреагировал председатель Государственной думы России В.В. Володин. «Обсудив этот вопрос вместе с моим коллегой, с председателем парламента Венгрии, считаем необходимым более активно защищать права национальных меньшинств... проживающих на территории Украины. Такая же позиция, знаю, у Польши, Румынии...», — сказал Володин журналистам. Он отметил, что Дума будет заявлять свою позицию о недопустимости нарушения на Украине основополагающих прав «малых народов» на площадках ПАСЕ и ОБСЕ.

Но поражает, почему эта проблема поднимается нашим парламентом сейчас, а не два или три года назад? Почему так бездарно потеряно драгоценное время? И почему задним умом и только после инициативы венгров? Почему слова российского спикера звучат так мягенько: «Считаем необходимым более активно защищать права национальных меньшинств...»? И даже эти слова В.В. Володина не потонут ли, как всегда, в дальнейших пустых дискуссиях? Да и вопрос

этот не только и не столько Федерального Собрания России, но уровня практического исполнения администрации президента и Министерства иностранных дел России. Почему Россия в лице МИД и кремлевских политтехнологов вновь, как в этом вопросе, так и после множества иных посягательств на российские интересы на Украине не предпринимала и не предпринимает адекватных действий?

От редакции. Ответ на последний вопрос довольно прост: потому что и киевская власть, и кремлевская действуют заодно.

Валерий ФИЛИМОНОВ

ТЕАТР АБСУРДА

Порою происходящие в России события просто не укладываются в голову. Сибирская генерирующая компания (СГК), принадлежащая угольному миллиардеру Мельниченко, потребовала через суд взыскать долги за газ, тепло и электроэнергию с государственных образовательных учреждений города Черногорска республики Хакасия.

Судебные приставы в рамках исполнительного производства 29 ноября 2019 года подвергли аресту имущество детских садов «Чайка», «Золотая рыбка», «Рябинка» и средней школы №7 имени Героя Советского Союза Петра Акимовича Рубанова. Об этом сообщило агентство «Пульс Хакасии».

Свой комментарий дали и представители СГК: *«Судебный пристав-исполнитель осуществляет свою деятельность в соответствии с действующим законодательством об исполнительном производстве»*, — объяснила «Пульсу Хакасии» начальник отдела по внешним связям Абаканского филиала ООО «СГК» Наталья Новожилова.

В свою очередь судебные приставы заявили, что режим работы образовательных учреждений не был нарушен или приостановлен. При этом на глазах детей и преподавателей

было арестовано даже то, что приобреталось для детских садов и школы на средства родителей и благотетелей, включая игрушки и мебель. В общей сложности задолженность детских учреждений составила 717 тысяч рублей или около 11 тысяч долларов. Для сравнения, Мельниченко, имея состояние в 13,8 миллиарда долларов, в 2019 году занял 8-е место в рейтинге российских миллиардеров (Forbes). Владелец двух роскошных яхт и двух элитных квартир в Нью-Йорке не постеснялся подать иск к дошколятам и школьникам! Очень трудно такое комментировать. Воистину, какой-то театр абсурда. Ведь долги образовательных организаций по сравнению с состоянием Мельниченко — это сущий пустяк, ничто...

Школы и детские сады — это государственные учреждения. Получается, что если государство не в состоянии оплатить для них коммунальные расходы, то новоявленный частник-олигарх посредством государственной же службы накладывает руку на их имущество.

Или государство уже не считает школы и сады своими? Дети в России всегда были главным достоянием общества. Теперь же мы пожинаем плоды либеральной морали, попирающей все элементарные нормы человечности.

По республике прокатилась волна возмущения. Сообщения о случившемся были опубликованы в ряде российских изданий. В конце концов 4 декабря 2019 года СГК отозвала исполнительные листы по черноморским учреждениям.

Но кто ответит за тот нервный стресс, за те переживания, которые испытали дети и педагоги, когда суровые дяди в погонах описывали их имущество? Думается, что надолго они запомнят этот урок.

А через несколько дней агентство «Лента.ру» опубликовало сообщение: «Госдума защитила богатых от высоких налогов». Как и ожидалось, 9 декабря 2019 года депутаты нижней палаты отклонили оба законопроекта о повышении налогов для граждан с высоким доходом, внесённые «Справедливой Россией» и КПРФ.

В заключении думского комитета по бюджету и налогам содержится «опасение», что прогрессивная шкала ставок налога может привести к уклонению от его уплаты и, как следствие, снижению собираемости. Остаётся вспомнить, что законодатели любят ссылаться на «международный опыт», который как раз говорит об обратном. Практически во всех развитых странах мира существует прогрессивная шкала налогообложения. На лиц, имеющих наиболее высокий уровень дохода, возложен основной груз налогообложения — в этом состоит особенность данной системы, которая совер-

шенно очевидна и справедлива. Соответственно, это помогает обеспечивать малоимущие слои населения.

Но в России действует правило абсурда: собранные государством налоги, попадая в бюджет, практически не перераспределяются в пользу беднейших граждан. Более того, хорошо известно, что сейчас именно на них накладываются все новые и новые бремена.

Ну а богатые, в отличие от героев известного сериала, совсем не плачут. Жадность владельцев неправедно нажитых богатств не знает предела. Воистину: *«Корень всех зол есть сребролюбие»* (1 Тим. 6: 10). *«Коль велико зло есть сребролюбие! Душа сребролюбивая ничего не ужасается делать, на всё дерзает, чтобы только скверный прибыльок достать, — пишет святитель Тихон Задонский. — Бог повелевает: «просящему у тебе дай»; мамона: что имеет, возми. Бог повелевает: «алчущаго напитай»; мамона: оставь его. Бог глаголет: «нагаго одеи»; мамона вопреки: и последнее совлеки. Бог глаголет: «продай имение, и дай милостыню»; мамона говорит: собирай и береги ради себе. Бог глаголет: «не укради»; мамона говорит: доставай, как можешь. Бог глаголет: «помилуй беднаго»; мамона: что тебе до него нужды? Лихоимец, оставляя Бога, мамону слушает, убо тем самым как заповеди Божии, так и Бога заповедавшего отвергается», — заключает великий Отец Русской Церкви.*

«Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2: 13), — говорит Слово Божие. А Суд этот не за горами для каждого.

Елена ТИМОШИНА

ЗАКОН, РАЗРУШАЮЩИЙ СЕМЬЮ

Я борюсь против закона «о семейно-бытовом насилии» уже 10 лет, потому что я понимаю все угрозы и последствия этого закона. Это очень опасный закон, который, по сути, не способен защитить женщин от реального насилия, но зато способен разрушить семью. В нём очень много коррупциоген-

ных факторов, которые привлекут к росту коррупции и обвинению безвинных мужчин. Прежде всего, мужчин.

Этот закон уже действует на Западе, и мы видим, как там работает эта система. Чтобы понимать — мужчины, да и женщины, на Западе называют этот закон «молотом ведьм», потому что как только этот закон применяется, семья практически разоряется. Я уже не говорю о том, что статус мужчины подкашивается, потому что, как правило, этот закон феминистский и разработан для защиты женщин. Судьи, которые приезжают к нам и делятся опытом, говорят, что у них принцип презумпции невиновности уже не действует, его заменил принцип: «женщина — жертва», «женщина всегда права». Они выносят решения в пользу женщин без всяких доказательств только на основании одних её слов. Они понимают изначально, что это сомнительно, но они являются заложниками этой системы, в которой защищаются только права женщин.

К чему это может привести? Если мы вводим на правовом уровне психологическое насилие, а это всё что угодно — любая критика женщины, то мы получим такую ситуацию, когда каждого мужчину можно будет привлечь к ответственности, у любого родителя можно будет отнять ребёнка. Потому что невозможно воспитывать достойно детей без ограничений. Ограничения — это запреты. Мы не сможем ругать детей за «двойки», за плохое поведение, за аморальное поведение. Но это воспитание. И если мы не будем этого делать, то мы получим поколение совершенно необузданных людей, которые будут совершать правонарушения.

Конечно же, мужчины просто перестанут создавать семьи. Зачем им эта обуза, если этот закон применяют не ко всем мужчинам, а только к тем, кто в семье, к семейным мужчинам? Если анализировать уголовную статистику, то у нас 80% насильственных преступлений в отношении женщин совершаются не членами семьи. То есть в семье женщина максимально защищена, потому что мужчина берет ответственность за нее. А этот закон не способен защитить женщину в большинстве случаев. Поэтому он очень опасен.

Нужно понимать, что против этого закона надо бороться сообща. Люди должны понимать, в чём его опасность. Мы говорим о том, что проблема насилия у нас есть, но надо принимать меры общего характера: допустим, принудительное лечение от алкоголизма и наркомании для тех лиц, которые совершили правонарушение. Это меры общего характера и они должны действовать не только в отношении, например, мужа или жены, а в отношении всех людей, которые совершают преступления.

Если этот закон будет внесен в Государственную думу, нужно по всей России активно высказать своё «нет». В какой форме? Это пусть каждый решит для себя, но нельзя быть равнодушным.

Еще хочу обратить внимание на то, как действует этот закон на Западе, чтобы понимать. Допустим, этот закон у нас действует, и он предполагает, что выявлять насилие может любое НКО, любой посторонний человек. Например, кто-то вам завидует или ревнует, они позвонят в службы и скажут, что вы совершаете насилие в отношении жены: «Я слышу, как она кричит по ночам». Приезжают люди, вас забирают, арестовывают, накладывается ряд ограничений, в том числе охранный ордер, который не позволяет вам приближаться к семье на расстояние 800 м. Вы не видите детей, вы не знаете, где жить, вы платите штраф, вы платите деньги за программы контроля гнева, вы платите деньги за программы реабилитации якобы жертвы насилия. Но самое страшное, что у женщины, придя в полицию и говоря в защиту мужа, что у нее прекрасный муж, что он ничего плохого не делал, — все равно получит отказ. Потому что ей скажут: «Вы — запуганная жертва, мы вам не верим, мы верим тому человеку, который выявил насилие». Или скажут: «У вас вообще стокгольмский синдром, идите-ка в психушку и полечитесь». Вот так это происходит на Западе. Этот закон дает такие возможности. Подобное может быть у нас. Это страшно!

Закон «о семейно-бытовом насилии» просто провоцирует коррупцию, потому что определять факт насилия будут не судьи, а НКОшники, у которых не будет специального образования, на глаз. Они будут приходить и говорить: «Ну что? Сколько стоит?» И констатировать, что не было насилия.

Я уже не говорю о том, что НКО будут за наш счёт зарабатывать себе большие деньги, потому что все их услуги — по реабилитации, по контролю гнева — будут платными. И мы получим обеднение семьи. А что в итоге? Если, например, мужу придётся продавать имущество, чтобы расплатиться с ними, то ему потом скажут: «Вы недостойны быть родителем, у вас нет возможности достойно воспитывать ребёнка, вы нищий человек». И будет происходить, как на Западе, изъятие детей.

Мы должны бороться против этого закона и ни в коем случае не позволять этим НКОшникам говорить про наших мужчин, что они звери. Они не звери. У нас самые лучшие мужчины. Руки прочь от наших мужчин! Они цивилизованные прекрасные люди!

Мы прежде всего должны понять, какая нам предстоит реальность в случае, если станут применять закон «о семей-

но-бытовом насилии». Потому что он создает возможности для борьбы полов. Это очень страшно, когда мужчины будут бороться за права с женщинами. Я бы не хотела, чтобы мои сыновья жили в такой реальности.

Наверное, это элемент глобального проекта по сокращению численности людей. Потому что в такой ситуации, когда проблема так остро стоит, будет рождаться всё меньше и меньше детей. Потому что нарушится Богом данная предназначенность женщины и мужчины. А ведь она есть, и мы не будем оспаривать, что у мужчины одни роли, у женщины другие, и это нормально. Мы должны это принять, конечно, с условием того, что ничьи права не будут нарушаться — ни женщин, ни мужчин, а именно: право на безопасность, право на уважение и т.д. Только нормальное сосуществование прав мужчин и прав женщин гарантирует счастливую бесконфликтную жизнь.

Мужчины и женщины должны не воевать, а любить друг друга. Тогда будут рождаться дети, тогда будет всё хорошо. Прежде всего женщины должны не допустить радикального феминизма. Оно — зло. Потому что любой радикализм ведёт к злоупотреблению, к нарушению прав, к нарушению баланса. Мужчины — люди, у которых есть чувства, у которых есть право быть отцами, воспитывать своих детей, и хорошо бы, чтобы это было в полных семьях. Не разрушайте наши семьи!

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 — 2020

(Декабрь — январь)

Как признался бывший глава администрации президента Ельцина Сергей Филатов, делегации из Крыма, Донецка и Луганска в 1991 году просили оставить их в составе России и не отдавать Украине. Но Ельцину тогда было не до них. Он пребывал в эйфории от сиюминутной перспективы единолично возглавить страну. А тут какие-то Крым с Донбассом чего-то хотели... Вот и приходится теперь упорно добиваться признания Крыма российским, а Донбасс возвращать на Родину через кровь и человеческие трагедии. А этому убогому властолюбцу создают какие-то «Ельцин-центры»...

Невозможно себе представить, чтобы американские, китайские, английские или хотя бы северокорейские спортсмены выступали на Олимпийских играх или на каких-либо чемпионатах мира без своего гимна, без своей формы и под белым флагом. Это вообще немыслимо. Способна на это была только одна страна в мире — Рос-



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

сия. А точнее говоря — российская «либеральная» власть. А еще точнее — путинско-медведевская властная администрация и их околоспортивное ничтожное чиновничество, ухивавшееся всеми своими шупальцами за жирные чиновные кресла. Последние четыре года их нагибали как только хотели и издевались над ними все, кому не лень — от «международных» «антидопинговых агентств» до МОК, арбитражных судов и всяческих «всемирных» спортивных федераций, обвиняя их в государственном внедрении допинга в российский спорт. И они всё проглатывали, униженно оправдывались, признавали свою «вину», обещали больше так не делать, застенчиво улыбались и посылали спортсменов ползти на брюхе в серой форме и под белым флагом ради участия в этих подловатых Олимпийских играх и чемпионатах мира, на которых было запрещено исполнять российский гимн. И те ползти, участвовали и слушали с застенчивыми улыбками какую-то музыку при поднятии этого самого белого флага. Не знаю, как им, но нам смотреть на всё это было мерзко и стыдно.

И только потому, что тогда согласились на это позорище, согласились все — от спортсменов до президента, — нас решили нагнуть еще раз. А почему бы и нет? Если прежде соглашались, согласимся и теперь — решили чиновники МОК. И в общем-то решили по-своему правильно. Тех, кто терпит издевательства, нагибать будут всегда. С терпилами, трусоватыми «партнерами» и «котами леопольдами» поступают везде и всегда одинаково. Тому, кто струсил однажды, положено застенчиво улыбаться, глупо оправдываться и снова ползти на брюхе под белым флагом. Что, собственно, в конце концов нам и предстоит наблюдать в ближайшем будущем.

Все эти «вады» и «моки», находящиеся на содержании у США, решили сделать из России допинговую страну, и один большой в России человек маленького роста не нашел в себе мужества и желания жестко им ответить — точно так же, как он не нашел в себе мужества и желания поставить на место Украину. И все эти «вады» и «моки» из-за малодушия одного человека и корыстного приспособленчества других околоспортивных чиновников отыгрались на России по полной. Но в тех же «вадах» и «моках» досконально известно, что **все** американские, канадские, китайские и **очень многие** европейские атлеты применяют допинг. И почему-то ни у кого в мире не возникает серьезных вопросов по поводу того, что в с е «зимние» норвежские спортсмены являются астматиками, а, следовательно, имеют *законное* право использовать стимулирующие средства...

В Алтайском крае в ночь на 13 декабря 2019 года при пожаре в частном доме в селе Глубокое Завьяловского района сгорела многолетняя семья. По данным следствия, после разбора завалов сгоревшего дома обнаружены тела шести человек, четверо из которых — дети. В тот же день московские СМИ сообщили и о причине трагедии — «неисправность печного отопления». Им, конечно же, из Москвы виднее.

Во всех подобных случаях почему-то никто из огня не спасается, даже взрослые люди. Почему никто из погибших, как правило, не может ни дверь открыть, ни окно выбить?..

По всей видимости, людей сначала убивают, потом поджигают дом, чтобы скрыть следы преступления. И то, что гибнут в пожаре чаще всего именно многолетние семьи, говорит о том, что целью преступников является исключительно гибель детей.

По данным Росстата, за первые девять месяцев 2019 года убыль населения России составила 260 тысяч человек. То есть даже миграционный поток из Центральной Азии за последние годы уже не способен остановить превышение смертности над рождаемостью в России.

В теленовостях об этих трагедиях уже сообщать перестали. Но «Маяк» и интернет еще сообщают.

Газпром оплатил Украине 2,9 млрд. долларов по ее иску к России в Стокгольмском суде. Суд этот иск, естественно, удовлетворил. Украина и не собиралась возвращать нам госдолг, выданный ей более пяти лет назад, все сроки выплаты которого давным-давно прошли. Этот госдолг признали все европейские суды, уже набежали огромные пени, но гасить его никто в Киеве не собирается.

А вот Газпром, акционерами которого являются все кремлевские небожители, со скоростью звука выплатил Украине иск, высосанный из пальца. Впрочем, даже не со скоростью звука, а со скоростью света, т.к. деньги теперь переводятся нажатием кнопки в компьютере.

Казалось бы, отчего это вдруг? Тот, кто нам должен, и к тому же тот, кто нагло называет нас агрессором и врагом, — ничего платить демонстративно не собирается. А тем, кому Россия ничего не должна, кремлевские сидельцы покорно и суетливо оплачивают, чуть ли не выпрыгивая из штанов. (Вспомним такую же суетливую и скоропалительную оплату российского взноса в Европарламент за годы нашего в нём отсутствия по причине изгнания из него России.)

Как я и писал прежде, всё дело — в возможности транзита газа через «нэзалэжную», о чём наконец-то в конце 2019 года договорились российские и украинские капиталисты. И плевать «патриотическому» Кремлю на то, что украинские олигархи — широкие нацисты, а многие — отпетые бандеровцы. Дивиденды от продажи газа, идущего в Европу через Украину, для кремлёвско-белодомовских «партнеров» куда важнее любых их политических и «патриотических» лозунгов. 2,9 млрд. баксов заплатила полугосударственная монополия под названием Газпром, а дивиденды от продажи газа пойдут на их личные счета... Чем больше они продадут газа, тем крупнее их дивиденды.

И самое главное, все были рады этому предновогоднему подарку — и в Киеве, и в Москве, и в Европе...

По телевидению множество раз показали выступление В.Путина перед главами стран СНГ и иностранными журналистами, в котором он заклеил позором план Гитлера переселить евреев Европы в Африку, а солидарного с ним польского посла в Германии 1942 года Путин обозвал «антисемитской свиньей». Но почему-то наш президент промолчал по поводу того факта, что после разгрома гитлеровской Германии решением ООН 1947 года началось переселение евреев не куда-нибудь, а именно на границу с Африкой, и решение это было поддержано советским руководством. Ведь Палестина, которая была отдана под создание еврейского государства, находится не где-нибудь, а... почти что в Африке...

Кроме всего прочего, ни разу мы не слышали, чтобы кого-то из агрессивных зарубежных русофобов — хоть польских, хоть бандеровских, хоть американских — В.Путин обозвал **русофобской свиньей**.

Впрочем, чего ожидать от человека, который на встрече с Нетаньяху в Москве заявил, что евреи — «самый пострадавший во Второй мировой войне народ». «Ну... — добавил он, — если не считать русского народа...» И тут нельзя ему не возразить: а как же можно это «не считать»? И вдобавок спросить: а сколько потеряли в этой войне белорусский и украинский народы?..

Весь декабрь 2019 года в Москве стояла плюсовая температура и вообще не было снега. Экологи вновь заговорили о потеплении климата и о глобальных изменениях экологичес-

кого состояния планеты в связи с этим потеплением... Но говорящие о потеплении как-то быстро забыли о том, что в этом же самом году весь июнь и первая половина июля были холодными и дождливыми. И никаких разговоров о потеплении климата никто не вёл... Наоборот, люди склонны были говорить о температурном похолодании...

* * *

Как известно, в прошлом году в Москве был закрыт Центр славянской письменности и культуры в Черниговском переулке. И очень символично на фоне этого закрытия выглядит открытие в конце того же года в Москве Центра горских евреев.

Могу себе представить, сколько было бы визгу в либеральных СМИ, если бы даже не в Москве, а, к примеру, во Владикавказе или в Пятигорске попытались бы открыть Культурный центр русских Кавказа. Впрочем, кто бы его допустил...

* * *

Ночью 4 января в селе Горькая Балка на Ставрополье сгорел частный дом. Жертвами пожара стали четыре человека — двое взрослых мужчин, женщина и 8-летняя девочка. Причиной гибели людей сразу объявили одну из двух версий, по шаблону приходящих в голову работникам СМИ до всякого следствия: неисправность системы отопления или неосторожное обращение с огнем.

В эту же ночь четыре человека сгорели в частном доме в деревне Борисовка под Подольском, среди которых были двое детей. По предварительной версии СК Московской области, «семья могла погибнуть из-за отравления угарным газом». Дом сгорел полностью. Надо понимать, никаких других версий Следственный комитет не рассматривает.

Уничтожение народа неотступно продолжается на фоне телевизиорного веселья, радостных реляций о завершении строительства новых газовых «потоков» и неустанных рассказов о достижениях в области вооружений.

* * *

В ночь с 6 на 7 января в селе Кучеры Борисоглебского района Ярославской области сгорел деревянный дом, где проживала многодетная семья Скорихиных. Погибли трое детей 11, 8 и 5 лет. Само собой, причиной пожара объявлена «неисправная проводка». Как будто на руинах можно было обнаружить какую-то проводку и какую-то ее неисправность...

Американцы своими агрессивными и привычно-бесцеремонными действиями спровоцировали Иран по ошибке сбить в своем небе украинский пассажирский самолет. Буквально через день Иран признал свою вину в этой трагедии и принёс свои соболезнования и извинения семьям погибших, пообещав компенсировать материальный и моральный ущерб. Но с первого дня этого события украинские «эксперты» и даже отдельные официальные лица «нэзалэжной» публично выдвигали обвинения в уничтожении самолета не кому-нибудь, а... России. Впрочем, даже было бы странно, если бы подобных обвинений с украинской стороны не прозвучало. А бывший «временно исполнявший обязанности президента» Турчинов продолжал обвинять в этом Россию даже после того, как Иран взял вину на себя и принес официальные извинения. Оно и понятно: многим украинским «экспертам» и широким русофобам, у которых руки по локоть в крови, **очень** хотелось бы, чтобы украинский самолет сбила Россия. Ну прямо-таки неизбывная животная жажда у них такая — чтобы не кто-то иной, а именно Россия наконец-то сбила бы украинский самолет или, на худой конец, потопила бы хоть какое-нибудь украинское судёнышко... Наверное, каждую ночь они это во сне видят. Можно себе представить, каково было их разочарование после иранского признания...

Но история — такая штука, которую, сколько ни лезь из кожи, не обманешь. И тем более — Провидение. Неискуплённое зло всегда возвращается бумерангом. Когда Украина сбила российский Ту-154 над Черным морем в 2001 году и малазийский «Боинг-777» над Донбассом в 2016-м, ее военные и официальные лица в первом случае более недели отпирались, ввали и всему миру морочили голову, пока наконец, прижатые к стене доказательствами, не признались в беспричинном преступлении, а во втором случае — врут, отпираются до сих пор и бездоказательно спихивают свое преступление на донбасских ополченцев. После сбитого Украиной российского самолета президент Кучма заявил: «Не надо из этого делать катастрофы. Не мы первые, не мы последние...» Оракул дешёвый...

Вот в этом и состоит вся разница между уважающим себя и мир государством (Иран) и несостоявшимся, чванливым, вечно озлобленным, а, по сути, фальшивым образованием под названием «Украина» — названием таким же нелепым и неестественным, как и вся ее т.н. «история».

15 января правительство Медведева ушло в отставку. Все, конечно, этому сильно обрадовались. Но чему обрадовались — по-настоящему никто и не понял.

Новый премьер-министр М.В. Мишустин мало чем отличается от Д.Медведева. Не отличается и национальностью (его отца зовут Владимир Моисеевич). Это, конечно же, временный, т.н. «технический» премьер-министр, каким был в свое время (кстати, той же национальности и очень похожий на него) Фрадков.

Словно перед кем-то оправдываясь за неожиданную отставку правительства, Путин решил ограничить полномочия президента в России. Уже в ближайшее время президент, согласно срочно принятым конституционным поправкам, не сможет отклонить утвержденную Федеральным собранием кандидатуру премьер-министра. Но этот снисходительный подарок парламенту, вполне возможно, сделан ради чего-то гораздо более важного для самого В.В. Путина. Можно не сомневаться в том, что он еще надолго не собирается отходить на вторые роли в управлении государством и выпускать главную власть из своих рук. Ясно, что мы являемся свидетелями лишь начала какой-то большой игры. Какой — покажет ближайшее время.

Соловьёвские провластные лизоблюды в ночь с 15 на 16 января соревновались в произведении словесного еля, изливаемого ими на голову президента. Такого сладостного и верноподданнического словоблудия по адресу власти давно мы не слышали. (Интересно будет посмотреть и послушать, что они запоют через полгода.) Особенно их умиляли продекларированные в путинском январском послании парламенту доплаты к материнскому капиталу и бесплатные обеды для младших классов в школе. И всё это должно теперь, по их убеждению, повысить рождаемость в стране и прямо-таки произвести демографический взрыв. Но, к большому сожалению, никто во власти, в том числе и Путин, не понимает, что с помощью доплат и вообще денег русских рожать детей не заставишь. Русским для этого нужны не деньги, а соответствующее моральное состояние, нравственное самочувствие общества, сознание того, что они, русские, нужны своей власти и своей стране. Но сознания этого нет, и соответствующего морального состояния тоже нет. А увеличенным материнским капиталом прежде всего воспользуются кавказские народы и многочисленные азиатские мигранты, получившие российское гражданство.

Изменить к лучшему моральное состояние русского населения можно только одним способом. И деньги здесь не имеют никакого значения. А именно: прямым обращением власти к государствообразующему русскому народу с заверением моральной, нравственной, материальной и культурной поддержки его во всех сферах жизни и деятельности. И ясным, четким, прямым обещанием пресечения русофобских проявлений на любом уровне — от отечественных СМИ, радио, телевидения, кино, печати, массовой культуры до политической работы и международных отношений. К примеру, никаких русофобствующих польско-украинских т.н. «экспертов» не должно быть на российском телевидении.

У русских много детей во все времена было в бедных семьях, а не в богатых. Значит, дело было вовсе не в деньгах, а в сохранении традиционного морального уклада в семье, в стабильной жизни простого русского человека, который, если обеспечить его нормальной учебной и рабочей, сам обустроит свою жизнь и нарождает столько детей, сколько сможет вырастить. Наши бабушки и прабабушки в начале прошлого века имели по семь-восемь детей без какого-либо «материнского капитала». А нынешние русские семьи и с «материнским капиталом» имеют в среднем по статистике 1,5 ребенка, т.е. русские — вымирают.

Наши меркантильные власти жизнь меряют материальным капиталом, надеясь таким образом повлиять на простого человека. Увы, путь этот тупиковый. В первую очередь воздействовать на русского человека с тем, чтобы пробудить в нём стремление к умножению жизни, можно только с помощью морального и душевного капитала.

* * *

Новый министр культуры Ольга Борисовна Любимова — еще одна кинематографистка, «разочаровавшаяся в православии». (И потому со своей колокольни наснимавшая массу фильмов о христианстве.) Как по линии матери, так и по линии отца она имеет весьма специфические корни...

Пишут, что она — правнучка известного актера В.И. Качалова. Но его фамилия Качалов — это псевдоним. Настоящая фамилия — Шверубович. Его отец — Иоанн Шверубович.

Так что, господа «патриоты», при вечном и незаменимом ВВП русского премьера и русского министра культуры в России не будет никогда.

Вот отрывок из интервью нового министра культуры порталу «Православие и мир»:

«Стресс от трех лет обучения в православной гимназии явно свидетельствовал о том, что я в принципе больше никогда не буду в лоне Русской Православной Церкви. К седьмому классу православная гимназия для меня стала лагерем Аль-Каиды. Единственный из всех моих знакомых, кто сел в тюрьму, был выпускник православной гимназии — за то, что избил негритёнка до полусмерти. Я решила: для меня есть Церковь, где есть таинства, есть вера, которую мы исповедуем, и слава Богу, а всё, что связано с официальной Церковью по адресу: Чистый переулок, дом 5, — для меня закрытая история».

Сугубо сектантский подход к религии. Но, скорее всего, веру она так и не обрела. Поверхностные рассуждения о православии и высокомерное отношение к догматам Церкви как раз и говорят об отсутствии у нее истинной веры и о ее либеральных взглядах на православное христианство. А зараза либерализма, в подавляющем большинстве, присуща лицам определенного происхождения.

Вот и будет она опять финансировать псевдорусское и псевдохристианское кино, а русская литература, как и прежде, будет находиться на задворках «культурного» внимания государства. И бюджетные деньги, как и раньше, вновь поплывут киношникам, а не русским книжным издательствам и не русским литературным журналам.

* * *

Первым международным документом, подписанным новым премьер-министром М.Мишустиным на второй день после его утверждения на этой должности, стало «Распоряжение о подписании Договора между Российской Федерацией и Государством Израиль о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей».

Этим договором устанавливается упрощенная схема усыновления российских детей-сирот израильскими приёмными родителями. То есть данный международный Договор настолько был важен для российской власти, что г-н Мишутин подписал его **первым** в своей новой должности. Известно, что в Израиле нет детских домов и нет детей-сирот. А это означает, что речь идет исключительно о наших детях-сиротах, которые **очень** нужны Израилю. С Америкой у нас такого договора нет, и потому теперь американцы будут получать, а точнее говоря, покупать наших детей через Израиль.

Заметим, данный Договор по-тихому подписан Мишустинным через несколько дней после оглашения Путиным январского послания парламенту, в котором он пафосно поведал нам об остро стоящей перед страной демографической проблемой и под бурные аплодисменты зала объявил о повышении «материнского капитала». Так вот чего стоили все эти шумные «повышения» и все эти пафосные демографические «слёзы»!.. И производились они не ради ли отвода глаз от данного, подписанного втихаря, Договора?.. Да, ничего не скажешь, очень «оригинальное» решение демографической проблемы новолиберальным правительством страны!..

А тот факт, что Израиль является мировым лидером по трансплантологии (пересадки органов), говорит о многом... Эта сфера во всём мире стала сверхприбыльным бизнесом.

Не менее оригинального министра культуры назначил нам президент Путин. Министра культуры, признающего в соцсетях в том, что она, Ольга Борисовна Любимова, «ненавидит» культуру — классическую музыку, балет, выставки, экскурсии, музеи и т.п. Киношница, видимо, главным из искусств она, как нам и завещано более ста лет назад, считает кино. Потому и первое ее публичное явление в качестве министра состоялось 24 января на награждении лучших кинематографистов страны премией «Золотой Орёл». Кто бы сомневался...

Ну вот и прояснилась мелкая, дешевая и подловатая душонка Вовы Зеленского, вот и раскрылся он во всей своей «самостийной» красе. Наконец-таки представился ему случай выразить свое ехидно-шутовское нутро. Приглашенный в Польшу на годовщину освобождения Освенцима, куда российские представители приглашения не получили, в своем выступлении перед европейскими лидерами он с превеликим удовольствием поведал миру о том, что Вторую мировую войну развязал Советский Союз. И что Освенцим освободила от нацистов некая 100-я Львовская дивизия...

Более того, новоиспечённый президент «нэзалежной» не был бы бандеровским прихвостнем, если бы заодно не обвинил Советский Союз еще и в уничтожении евреев, т.е. не в чём-нибудь, а в Холокосте! Всё правильно, если уж становиться укропской мразью, то — до конца.

Этого от него следовало, конечно, ожидать. Но его наглость и его самодовольная «смелость» объясняется только одним — нашим, вернее сказать, кремлевским потворством этой наглости и этой «смелости». Потому только Вова Зеленский позволил себе эту дикую и беспредельно наглую «откровенность», что российские власти готовы содержать и обихаживать фашистский украинский режим столько, сколько этому режиму будет нужно. Товарооборот с Украиной, как любят похваляться российские окологремлевские экономисты, с каждым годом растет. Отчего же Зеленскому не наглеть и не выслуживаться перед европейскими ревизионистами и реваншистами?.. А Донбасс, как неоднократно повторял наш президент-«миротворец», — это украинская территория... А Газпром покорно оплачивает украинские иски к нему, утвержденные европейскими судами... Отчего же Зеленскому и дальше не распоясываться и теперь уже не требовать от России, правопреемнице СССР, возмещения убытков, понесенных от Второй мировой войны, «развязанной» Советским Союзом?.. Как видим, в реальности польские политические «свиньи» легко и быстро спелись с бандеровскими политическими «свиньями».

Европейские лидеры, по понятным причинам, никак не отреагировали на выходку зелёного Вовика. Они и сами то и дело заявляют о равной вине Гитлера и Сталина в развязывании Второй мировой. И таким способом пытаются оправдать собственную подлость и собственную мерзость по отношению к Советскому Союзу. Но отчего столь спокойно реагируют на все эти мерзости последнего времени российские власти — понять сложно. Хотя понять можно. Их негатив по отношению к Сталину мало чем отличается от антисталинской европейской подлости.

Ну и, естественно, очень красноречива реакция Кремля на «откровения» Вовы Зеленского. По мнению путинского пресс-секретаря Пескова, «эта точка зрения является ошибочной»... Только и всего.

* * *

В конце января мы стали свидетелями очередного президентского «жеста доброй воли». Путин помиловал израильскую контрабандистку и перевозчицу наркотиков, осужденную у нас на 7,5 лет. В США она получила бы 25 лет без права помилования. В Иране ее бы приговорили к смертной казни. Но перед поездкой в Израиль на «День Холокоста» Путину нужно было в очередной раз прогнаться, чтобы заслужить еще одно объятие Нетаньяху.

В ноябре прошлого года Израиль выдал США гражданина России Алексея Буркова за якобы его киберпреступления, а на самом деле — как высокклассного программного специалиста. Российский МИД не осмелился даже выразить протест Израилю за этот жест недоброй воли, а ограничился своим привычным «выражением сожаления»...

По-моему, среди российских правителей больше не было никого, кто бы так пресмыкался перед Израилем и так выслуживался перед «избранным» племенем.

* * *

Через несколько дней после объятий Путина с Нетаньяху на «День Холокоста» в Иерусалиме — Израиль нанёс новый ракетный удар по пригороду Дамаска, едва не сбив иранский пассажирский самолет, заходивший в Дамаске на посадку.

Давно уже прослеживается закономерность: чем больше путинских пресмыкательств перед «избранным» племенем, тем чаще Израиль бомбит Сирию.

* * *

После помилования Путиным и возвращения на родину израильской перевозчицы наркотиков Наамы Иссахар можно уже и Россию обвинить в ее аресте и в нарушении «прав человека». Что и сделала ее израильская защита, заявив, что её помилование «не означает восстановления её нарушенных прав», которое «может быть достигнуто лишь отменой неправосудного приговора». Еще и компенсацию требуют заплатить за «моральный ущерб».

ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА И СУДЬБЫ

(И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Книга первая. ИМЛИ РАН. Москва, 2019 г.)

В канун юбилейного года — 150-летия со дня рождения великого русского писателя И.А. Бунина — творческим коллективом ученых-буниноведов ИМЛИ РАН проделана поистине подвижническая работа: поднят и осмыслен еще один огромный пласт материалов, хранящихся в российских и зарубежных архивах, из творческого наследия писателя. Это очередной, и очень важный шаг в отечественном буниноведении. В предисловии к первому (из четырех планируемых) тому отмечено: «*Составители тома видели своей главной задачей введение в научный оборот неизвестных текстов И.А. Бунина и его неизданной переписки. Эти публикации дадут буниноведам богатейший материал для дальнейших исследований жизни и творчества писателя, а весь том в целом станет важным этапом на пути подготовки научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина*». Грандиозная цель! И путь к ее достижению продолжается.

Помню, какое ошеломительное впечатление произвело издание в 1973 году 84 тома «Литературного наследства» в двух книгах (издательство «Наука», Москва). Ведь имя Бунина до середины 50-х годов прошлого века было под запретом. И если упоминалось, то



КРУГ ЧТЕНИЯ

лишь в критическом контексте. Да, изредка выходили его книги, расширялся их круг, росла читательская аудитория. Но творчество писателя не вписывалось в каноны «социалистического реализма». «Эмигрант» — это идеологическое клеймо как бы подразумевалось и стояло на каждом его произведении. Но творчество Бунина было настолько близко душе русского человека, что «запретить» его оказалось невозможным, как цветение весеннего подснежника. Две книги «Литературного наследства», на три года «запоздавшие» к 100-летию юбилею Бунина, пусть в малой мере, но приоткрыли для советского читателя яркий, притягательный, загадочный мир жизни, судьбы, творчества художника слова. И, конечно же, не могли не оказать благотворного влияния на читательское восприятие его прозы и поэзии.

Безусловно, магия творчества Бунина — в самих его произведениях, в строгом мастерстве и отношении к Слову, к русскому языку, столь щедрому интонационно, богатому оттенками и смыслами. Но ведь не только в безукоризненной стилистике или в музыкальности текстов дело. Владимир Набоков был также изумительный стилист, но кто пленен его творчеством? Очень немногие. Значит, дело не только в форме, но и в духе бунинских текстов...

Позволю себе обратиться к философским сочинениям Алексея Степановича Хомякова, одного из основоположников славянофильства, мыслителя, по словам Герцена, «страшной эрудиции». Вот мысли Хомякова о природе подлинного искусства, изложенные в статье «О возможности русской художественной школы». «Почему же школа художеств должна быть народной?» — задается вопросом оппонентам своих взглядов Хомяков. Художественные явления носят «явный отпечаток» народов, считает он. И делает вывод: «Везде и во все времена искусство было народным», поскольку «закон отношений между началами и их проявлениями остается всегда неизменным».

В чем же смысл этой неизменности, жесткой связки между искусством и народом? «Не из ума одного возникает искусство, — пишет Хомяков. — Оно не есть произведение одинокой личности и ее эгоистической рассудочности, в нём сосредоточивается и выражается полнота человеческой жизни с ее просвещением, волею и верованием. Художник не творит собственную свою силу, духовная сила народа творит в художнике». Художество — «образ самосознающейся жизни», — утверждает мыслитель.

Приведенные цитаты очень важны для понимания природы творчества Ивана Алексеевича Бунина, любимого огромным числом русских людей. Да, он гордился своим дворянством, предками, родом, занесенным в Шестую часть книги дворянских родов России. Но столь же искренне и честно утверждал о родственной близости помещного дворянства с крестьянством: они жили не просто рядом, на одной земле, видели одни и те

же восходы и закаты, говорили на одном языке, но были родственны духовно. И совершенно понятно, почему творчество «англизированного» Набокова, надменного аристократа, так маловосприимчиво широким кругом читателей. Он вырос в искусственной среде, его творчество, скорее, результат умствования, плод творческого разума одиночки. Оттого-то, при всем формальном блеске произведения его, по словам Зинаиды Шаховской, есть «красивые виньетки вокруг пустоты».

Природа творчества Бунина — иная. Она подлинно национальна, народна, что подтверждает он сам: «Я вырос среди народа». Мировоззрение и мировидение его формировалось на земле, среди русской природы, в народной, не выхолощенной, искусственной языковой стихии. Принадлежность к дворянскому сословию давала ему осознание преемственности и сохранения культурных традиций, продолжателем которых он, без сомнения, являлся, но почва была одна с народом во всем его сословном разнообразии — крестьянами, купцами, мещанами, духовенством. К тому же природа наделила его необычайно острой восприимчивостью чувств, формировавшихся и развивавшихся в естественной среде — среди русской природы и русского крестьянства, чья жизнь с рождения и до смерти проходила на земле.

Народность Бунина сказалась и в неприятии «творческих поисков» творцов Серебряного века, времени надлома и надрыва — в предчувствии великих потрясений. Он оставался верен культурным традициям Золотого века русской литературы, чужд культурной элите тех лет, которая «была изолирована в небольшом круге и оторвана от широких социальных течений того времени» (Н. Бердяев, «Самопознание»).

Всё это и было основой его творчества, фундаментом величественного художественного памятника России и русскому человеку, воплощенного в Слове.

Такой вывод, думается, будет неприемлем некоторыми «критиками» его мировоззрения. Припомнят и «Деревню», и «Окаянные дни», где немало жестких оценок качеств народной черни. Но в этих оценках нет озлобленности, лишь негодование и, может быть, презрение к «победителям», лица которых обрели невиданные ранее черты. А есть главное — честный и правдивый взгляд художника. Бунин был чужд всякой фальши, а разнужданность черни — предельная фальшь, потемки сознания. Впрочем, вот впечатления другого свидетеля революционной смуты, философа Николая Бердяева: «В стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим раньше выражением. Произошла метаморфоза некоторых лиц, раньше известных. И появились совершенно новые лица, раньше не встречавшиеся в русском народе. Появился новый антропологический тип...»

Убежден — без творческого наследия Ивана Алексеевича Бунина наше знание о России девятнадцатого века было бы не-

полным. Той России, которую француз Поль Валери назвал, наряду с Элладой и Итальянским ренессансом, «одним из трех чудес мировой истории».

Первый том «Наследства» сформирован из материалов, разделенных на два раздела — «Неопубликованные тексты и наброски» и «Письма», большая часть которых — переписка с женой Верой Николаевной Муромцевой-Буниной. Тексты приведены без купюр. Все разделы, включенные в том, сопровождаются подробными комментариями, примечаниями и археографическими описаниями. С первых страниц тома, при чтении его, открывается «Вселенная Бунина», где содержится множество тайн его творчества и судьбы, такой, «какой дал ему Бог» (А.С. Пушкин).

Биография писателя сегодня изучена достаточно подробно, множество авторов внесли вклад в осмысление феномена классика. Однако архивные тексты, любая запись, даже краткая, приоткрывают очень многое — не опосредованно, а «напрямую» воздействуя на сознание. С первых же текстов оказываешься, образно говоря, рядом с Буниным, возникают ассоциативные связи с его произведениями, его биография наполняется живыми образами, деталями, ситуациями. Другими словами, корпус документов, представленных в томе, вводит нас в его внутренний мир, в творческую лабораторию, где приоткрываются тайны «технологии» создания шедевров, и понятней становится магия его произведений.

Вспоминается одно поразившее меня наблюдение давних лет. В начальный период увлечения творчеством Бунина, когда было прочитано всё доступное из его произведений, я решил поглубже познакомиться с поэзией Есенина. И был поражен: некоторые стихотворения его показались не совсем технически отделанными, «неряшливыми». Не то было у Бунина — строгая отточенность строф, безукоризненность рифмы. Потом, конечно, пришло понимание — магия поэзии в другом, не только в блеске и совершенстве строф. Эта тайная магия была и в стихах Бунина, и в стихах Есенина — при всём их различии. Давнее наблюдение вспомнилось при чтении раздела «Неопубликованные тексты и наброски. Поэзия». Здесь представлены 67 стихотворений Бунина, почти все публикуемые впервые. Это первые юношеские опыты периода 1886—1896 годов. Стихотворения несовершенно, в них Бунин-поэт только «проявляется». И хорошо иллюстрируют, как зреет творческий дар юного поэта: год от года поэтические тексты обретают если не совершенство, то более отточенную форму. А также отражают дух времени, литературные тенденции тех лет, юношеский максимализм автора — во взглядах на мир, на себя в мире, на жизнь, ее быстротечность. Это еще «не совсем» Бунин, но ранние тексты, несомненно, указывают на его огромный поэтический дар, которому еще предстоит раскрыться, достичь высот подлинной поэзии.

Не менее интересна, в этом же контексте, повесть «Увлечение», написанная Буниным в шестнадцатилетнем возрасте. В этом прозаическом опыте, отмечает в предисловии С.Н. Морозов, затрагивается ключевая тема писателя, которая волновала его всю жизнь, — любовь и смерть. И это так: все последующее творчество писателя — как бы развитие того, что является ядром ранней повести. И мистическим образом накладывается на судьбу автора. Особенно ярко тема любви и смерти отражена в бунинских шедеврах, составляющих цикл рассказов, объединенных многозначительным названием «Темные аллеи». Написанные в драматические, психологически трудные годы в жизни писателя, рассказы волнуют и тревожат душу — тайнами взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Приоткрывая завесу, Бунин творит (и дарит читателям) волнующую душу «энциклопедию любви».

Как шла эта работа (а тема подспудно оставалась внутренним содержанием всего творчества писателя), можно зримо судить по разделу «Проза. Неоконченные рассказы», где сосредоточены произведения, входящие в «круг «Темных аллей» (новое понятие в буниноведении), тематически близких опубликованным рассказам, но не включавшихся писателем в издания. «Круг «Темных аллей», отмечает автор предисловия раздела Е.Р. Пономарев, объединяет произведения, наброски, близкие текстовым единством. Читая их, становится ясней, как создавались шедевры «Темных аллей», что являлось побудительным импульсом для написания рассказов, как «вызревала» окончательная их форма. Читая рассказы, оставшиеся в архиве неопубликованными, глубже осознаешь, как шел их отбор для публикаций, какие требования предъявлял мастер к их содержанию, и что для него являлось «табу». Несомненно, эти экспериментальные произведения остаются правдой жизни, правдой творчества. А то, что они не стали, по воле автора, достоянием широкой читательской аудитории, указывает на то, что для Бунина «свобода творчества» не являлась «свободой вообще», а свободой, неразрывной с ответственностью.

Пожалуй, особенно интересен и важен, для осмысления дара писателя, его творческой «мастерской» и художественных приемов письма обширный раздел «Наследства», сосредоточивший все канонические наброски Бунина, которые, как отмечается в предисловии, «можно назвать особым жанром бунинской прозы». Так оно и есть: при чтении их исчезает ощущение краткости текста — каждый набросок как бы неразвернутый текст рассказа, достаточно включить воображение и оно допишет, развернет строку в рассказ. Детали набросков так ярки, так характерны, что воздействуют на сознание как своего рода инъекция — видишь и писателя, и мир, его окружающий, а восприятие этого мира — глазами, чувствами самого автора.

Почти три четверти тома «Наследства» составляет переписка Ивана Алексеевича с женой Верой Николаевной Муромцевой-Буниной и охватывает период с 1906 по 1947 годы. Весь корпус писем делится на две части — дореволюционный и эмигрантский периоды и включает почти восемьсот писем. Для исследователей их (и просто читателей) открывается ретроспектива жизни писателя — почти за полвека их совместного проживания — не просто уточняющая многие нюансы непростой судьбы писателя, но и, что особенно важно, представляющая «психологический путеводитель по семейной истории». Если говорить о восприятии писем, то они читаются как высокохудожественная драма, творец которой — Судьба художника. Или как полотно жизни в рамке посмертной славы писателя — одной из вершин отечественной и мировой классики.

Внешняя канва жизни Бунина хорошо известна исследователям. Но переписка с женой воссоздает внутреннее содержание ее, психологическую картину пережитого семьей, высвечивает движение души Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. И, в частности, пути спасения, выхода из драматического тупика, в котором они оказались в годы творческого взлета писателя (в период создания «Жизни Арсеньева», получения Нобелевской премии) и сокрушительного падения на вершине мировой славы. Велика здесь роль Веры Николаевны, она спасла себя, а также мужа — верой, молитвами и помощью Спасителя, а сам Иван Алексеевич — творчеством и поддержкой жены.

Шедевры «Темных аллей» — своего рода катарсис художника, очищение его души после пережитой (но не изжитой) драмы, связанной с Галиной Кузнецовой. Уход Галины Николаевны (после получения Буниным Нобелевской премии), которую Бунин страстно любил, ее последующий «противоестественный» союз с певицей Маргаритой Степун был воспринят им не просто как трагедия, иллюзорной по сути, любви, но и как унизительное крушение в глазах мировой литературной общности. Натура страстная, находясь в тисках собственных представлений о произошедшем, Бунин видел лишь один иррациональный выход — разрушить нелепый союз, «спасти» бывшую возлюбленную и вернуть ее в семью, в мир творческого труда, вернуть себе. Но это был психологический тупик, а никак не выход. Потому-то столь многозначительна фраза из его дневника о двухлетнем собственном «безумии».

Письма его за 1933—1934 годы дают возможность понять — в какой темной бездне, плененная мрачными страстями, терзалась душа Бунина. А письма жены, напротив, показывают величие души Веры Николаевны, уже перестрадавшей, вынесшей тяжкие испытания и одинокие душевные муки на протяжении почти десятилетия — с 1926 года, когда начался роман Ивана Алексеевича с Галиной Кузнецовой. Для него тогда наступил период яркого творческого взлета — шла работа над романом

«Жизнь Арсеньева». Можно с уверенностью сказать — любовь к Галине, ее присутствие рядом во многом оказало плодотворное влияние на создание этого уникального произведения. Осознавал ли Бунин в эти годы, какую страшную рану нанес он Вере Николаевне? Думается, вряд ли отдавал себе отчет.

Вера Николаевна в одном из писем мужу сформулировала, пожалуй, наиболее верное наблюдение: «Связала она свою судьбу с твоей не ради любви к тебе, не ради тебя как большого писателя — не ее стиль сидеть у ног учителя, а связала потому, что ей казалось, что близость с тобой поможет ей для нее самой стать писателем и жить для себя, а не для тебя, хотя и рядом с тобой...» И далее — величие христианского смирения: «Это письмо я пишу с молитвою. Для себя лично я ничего не хочу».

Коллективом ученых и специалистов, работавших над творческим и эпистолярным наследием Буниных, повторимся, проделана огромная, колоссальной важности работа. Думается, что она шла (и продолжается) с любовью и счастьем — быть рядом с великим писателем, находиться в отраженном свете его непростой жизни, нелегкой, страстной, но излучающей волшебный свет творческой судьбы.

Начальный том «Литературного наследства» — еще один научный, исследовательский подвиг, проделанный специалистами ИМЛИ РАН, их зарубежными друзьями. Цена его — Память о Бунине, запечатлевшем своим творчеством ушедшую навсегда Россию, но живую в его произведениях. Он ведь знал — «лишь Слову жизнь дана...»

Авторский коллектив, работавший над первым томом «Литературного наследства» Бунина, следует этому завету. Потому что их подвижнический труд достоин восхищения и благодарности. Он открывает нам Бунина-человека, Бунина — художника Слова.

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимо каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2020 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2020 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на второе полугодие 2020 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1000 руб. на нашу карту Сбербанка. Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 925 602 40 57 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru